

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 3(41)

**ПОЛИТИКА
ГЕОПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ЭКОНОМИКА
КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ
ДЕБЮТ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ**

**POLITICS
GEOPOLITICS
FOREIGN AFFAIRS
ECONOMICS
CULTURE & EDUCATION
DEBUT
«ROUND TABLE»
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS**

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

Издается при поддержке ГК «Н-транс»

и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета –

Вагиф Гусейнов,
директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель
главного редактора –

Юрий Поройков, *к. филос. н.*

Редакционный совет:

Михаил Делягин, *д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации*
Владимир Егоров, *д. филос. н., президент-ректор Российской академии государственной службы при Президенте РФ*
Сергей Караганов, *д.и.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН*

Андрей Кокошин, *академик РАН, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям*

Сергей КОРТУНОВ, *д. полит. н., зам. декана факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ*

Николай Михайлов, *д.э.н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»*

Александр Назарчук, *д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова*

Алексей Пушкин, *к.и.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»*

Александр Рар, *директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)*

Владимир Рыжков, *к.и.н., председатель общественного движения «Выбор России», профессор ГУ ВШЭ. Автор и ведущий программы «Дым Отечества» на радиостанции «Эхо Москвы».*

Леонид Слуцкий, *д.э.н., первый заместитель председателя комитета Государственной Думы РФ по международным делам*

Андрей Федоров, *директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»*

Александр Ципко, *д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН*

Ответственные
за выпуск:

Константин Радовицкий, *к. соц. н.*
Мария КОРТУНОВА

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА

- Арчи Браун (Великобритания). Двадцать лет спустя: что дало
возможность положить конец коммунизму в Советском Союзе? 5
- Янг Йо (Китай). Конец пекинского консенсуса.
Уцелеет ли модель авторитарного роста Китая? 12
- Дирк Берг-Шлоссер (Германия). Качество посткоммунистических
демократий 17

ГЕОПОЛИТИКА

- Тиберио Грациани (Италия). Стратегия США в Евразии и проблема
наркотиков в Афганистане 25
- Владимир Дергачев (Украина). Многопартийная геополитика Турции .. 30

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Эльдар Касаев. Модернизация через фундаментализм. Эволюция
политизации ислама на национальном и региональном уровнях 41
- Любовь Ярошенко. По ком звонит колокол: он звонит не по НАТО 59
- Станислав Чернявский. Кровавые уроки очередной революции
в Киргизии 66

ЭКОНОМИКА

- Вагиф Гусейнов, Александр Гончаренко. Россия в мировом ТЭКе:
ресурсы, возможности и вызовы времени 78

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

- О конкурентности высшего образования в России.
Заочный «круглый стол» (*продолжение*) 86

ДЕБЮТ

- Екатерина Островская. Другая модернизация (Модернизация.
Новый взгляд) 97
- Кристина Заварыкина. Проблемы становления общегерманской
идентичности в контексте объединения Германии 101

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

- Вожизм в современном мире 116

ПУБЛИКАЦИИ

- Владимир Рощупкин. Сибирская эпопея «Дзэнъёккё».
Военнопленные или «интернированные»? 141

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

- Вагиф Гусейнов. Неделимость общеевропейской безопасности
или неприкасаемость существующей ее архитектуры?
*О сборнике статей «Неделимость безопасности:
Россия и евроатлантическая безопасность»
(составитель — научный советник ОКН Эндрю Монаган)* 150
- Эльвира Спирова. На излете постмодерна.
О книге Доманска Эвы «Философия истории после постмодерна» 152

Рецензия

- Алексей Денисов. Глобальный кризис и политика: осмысление последствий.
*О книге «Мировая политика в условиях кризиса»
(учебное пособие под ред. С.Кортунова)* 156

Тезисы статей на английском 159

Об авторах 168

CONTENTS

POLITICS

- Archie Brown (Great Britain).** Twenty years after: what made possible the end of communism in the Soviet Union? 5
- Yang Yao (China).** The end of the Beijing consensus: can China's model of authoritarian growth survive? 12
- Dirk Berg-Schlosser (Germany).** The quality of post-communist democracies ...17

GEOPOLITICS

- Tiberio Graziani (Italy).** The US strategy in Eurasia and the drug production in Afghanistan 25
- Vladimir Dergachev (Ukraine).** Multi-partner geopolitics of Turkey 30

FOREIGN AFFAIRS

- Eldar Kasayev.** Modernisation through fundamentalism. Evolution of the Islam's politicization at the national and regional levels ...41
- Lyubov Yaroshenko.** For whom the bell tolls: it tolls not for the NATO 59
- Stanislav Chernyavsky.** Bloody lessons of next revolution in Kirghizia 66

ECONOMICS

- Vagif Guseynov, Alexander Goncharenko.** Russia in the world fuel and energy complex: resources, possibilities and challenges of the time 78

CULTURE & EDUCATION

- About competition of higher education in Russia**
- Correspondence «round table» (*cont.*)** 86

DEBUT

- Yekaterina Ostrovskaya.** The other modernisation. (Modernisation: a new view) 97
- Christina Zavarykina.** The problems the common German identity in the context of unified Germany 101

«ROUND TABLE»

- Leader's cult in the modern world** 116

PUBLICATIONS

- Vladimir Roschupkin.** A Dzenjokkjo's Siberian epopee. Prisoners of war or 'internees'? 141

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

- Vagif Guseinov.** Indivisibility of the all-European security or untouchability of its existing architecture?
- On Andrew Monagan (Ed.) The Indivisibility of Security: Russia and Euro-Atlantic Security. Rome: NATO Defense College* 150
- Elvira Spirova.** The postmodern on the decline.
- On Domanska, Ewa. Philosophy of History after Postmodernism* 152

Review

- Alexei Denisov.** Global crisis and politics: considering consequences. *The review of the text-book on World Politics Under Conditions of Crisis (Ed. by S. Kortunov)* 156

SUMMARY 159

OUR AUTHORS 171

Арчи БРАУН (Великобритания)

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: ЧТО ДАЛО ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ КОММУНИЗМУ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ?

Адама Михника, многие годы бывшего ведущей фигурой оппозиции коммунистическому правлению в Польше, недавно спросили, почему коммунизму пришел конец. Он ответил: «Потому, что он был лжив». Для гибели коммунизма идеи были существенны — точно так же, как и для его взлета. Вера в то, что капитализм непременно сменится социализмом, который своим чередом явит конечный этап человеческого развития — бесклассовое, не имеющее государства общество, — оказалось утопической иллюзией, невзирая на всю ту историю, с какой отцы-основатели коммунизма, Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Владимир Ленин, критиковали социалистов-утопистов. Представление о том, что у коммунистической партии есть право быть правящей, поскольку она способна вести менее развитых граждан к коммунизму, была несостоятельной по многим причинам, но, прежде всего и главным образом, потому, что предположительно неизбежный конечный этап социального развития являлся целиком надуманной конструкцией.

Вместе с тем, сложность с ответом Михника в том, что коммунистическая идеология была не менее «лжива» в первые десятилетия коммунистического правления, нежели в 1980-е годы. Ошибка учения состояла не только в конструировании надуманного будущего, но и в отказе признать правомерность политической оппозиции, в отказе позволять создание независимых общественных организаций, в отречении от управления законом, равно применимого ко всем и каждому, в отсутствии внутри этой идеологии места для институционализации политической ответственности. Хотя не было сомнений в том, что марксизм-ленинизм содержит основательные пороки даже в теории, и хотя они явились оправданием авторитарных репрессий на практике, эти пороки все же мало объясняют, отчего коммунизму пришел конец именно тогда, когда это произошло, — более двадцати лет назад как в Советском Союзе, так и в Восточной Европе.

Я называю советскую систему до самого конца 1980-х годов коммунистической, а не социалистической, поскольку социализм — понятие

более широкое и неопределенное. Оно охватывает широкое разнообразие государственных устройств, в том числе и социальные демократии, не имевшие ничего общего с коммунистическим правлением. Советский строй имел шесть определяющих признаков, наиболее типичных для коммунизма. Два из них преимущественно политические, два, по существу, экономические и два главным образом идеологические. Двумя определяющими признаками политической организации этого строя были монополия Коммунистической партии на власть, эвфемистически именовавшаяся «руководящей ролью» партии, жесткая дисциплина и строгая иерархия внутри этой партии, эвфемизмом для которых служил «демократический централизм».

Коммунистические экономические признаки советского строя наиболее отчетливо проявляли себя, с одной стороны, в государственной собственности на средства производства (в отличие от частной или смешанной собственности) и, с другой, в административно-командной системе народного хозяйства, в которой цены и уровни производства утверждались административно. Есть фундаментальное различие в организующем принципе между такой народнохозяйственной системой и рыночной экономикой, где цены и уровни производства определяются главным образом предложением и спросом.

Есть еще и два признака, имеющие большое идеологическое значение. Одним было ощущение принадлежности к международному коммунистическому движению, более широкому, чем сумма составляющих его частей. В советском случае это включало в себя чувство неоспоримого права на руководство этим движением. Большинство других коммунистических партий охотно предоставляли КПСС эту роль, принимая во внимание то, что Советский Союз был первым государством, приведшим коммунистическую идеологию к власти. Другим идеологическим определяющим признаком было уже отмечавшееся стремление построить «коммунизм». Какой бы неясной и обманчивой ни была такая цель, она являлась основным теоретическим оправданием «руководящей роли» партии. К тому же то был один из множества признаков, отличающих коммунистические страны от государств, где правили социалистические партии социал-демократического толка.

К концу 1980-х годов эти особенные признаки коммунистического строя были отвергнуты не только в странах Восточной Европы, но и во многом в самом Советском Союзе. Когда членам коммунистической партии позволили состязаться друг с другом, придерживаясь фундаментально различных политических платформ и руководствуясь различными взглядами на будущее (как произошло в ходе выборов на Съезд народных депутатов в марте 1989 года), это обозначило конец демократического централизма. А когда сама партия стала, как недовольно выражались коммунисты-консерваторы, «дискуссионным клубом», монополия партии на власть утратила работоспособность. Еще

до конца 1989 года в Советском Союзе образовались зародыши политических партий, хотя конституционная монополия коммунистической партии на власть не кончалась до марта 1990 года.

Частью логики реформ, принятой Девятнадцатой конференцией КПСС в 1988 году, было то, что принятое решение перейти к соревновательным выборам своим чередом приведет к внутрипартийной, а равно и внепартийной состязательности. Что же касается двух идеологических критериев, то к концу 1989 года за идеей «коммунизма» как будущего общества без государства, не признавалось даже теоретической значимости, а с неожиданной гибелью коммунизма в Восточной Европе и его повсеместным упадком не осталось больше и международного коммунистического движения, к которому какая-либо страна могла бы примкнуть или которое могла бы повести за собой.

Двумя критериями коммунистического строя, которые все же, в основном, сохранились и двадцать лет назад, были экономические. Командно-административная экономика, по общему признанию, прекращала работать, поскольку почти полностью были упразднены все экономические структуры партии, авторитет министерств быстро убывал, культ плана утратил доверие. Вместе с тем переход по существу к рыночной экономике осуществлен не был. В том, что касалось собственности, народное хозяйство оставалось преимущественно в руках государства, даже несмотря на то, что в 1988 году получили законные основания для создания кооперативов, и многие из них представляли собой слабо замаскированные предприятия частной собственности.

Однако среди политической элиты проходил резкий раздел в том, что касалось скорости и направленности экономической реформы, протекавшей куда медленнее, нежели политические преобразования. И все же самой распространенной точкой зрения на то, почему в Советском Союзе тогда пришел конец коммунистическому правлению, когда это случилось, является объяснение, которое ставит во главу угла экономический кризис и стимул к перемене, вызванный провалом в экономике. Этим доводом ярко, хотя в конечном счете и неубедительно, воспользовался покойный Егор Гайдар в своей книге «Гибель империи».

Относительный провал в экономике и в самом деле одна из долгосрочных причин гибели коммунизма. Не является исключением из этого общего правила и Китайская Народная Республика, поскольку Китай сегодня коммунистический политически, но отнюдь не экономически. Фактически его строй это гибрид, который вполне разумно называют примером «партийно-государственного капитализма». Китай не только в высшей степени успешный участник глобальной рыночной экономики, он еще и располагает частным сектором, производящим более двух третей промышленной продукции страны.

Вместе с тем не было ничего неизбежного в таком развитии, которое во многом обязано смерти Мао Цзэдуна, отвращению к хаосу культурной революции и возвышению Дэн Сяопина. Неперестроившееся административно-командное народное хозяйство способно уцелеть только в увязке с такой же неперестроившейся коммунистической политической системой. Экономическая неурядица сама по себе не есть сила, способная что-то изменить в высоко авторитарных или тоталитарных государствах. Коммунистический строй в каких-то странах, действующий куда хуже советского народного хозяйства в 1985 году, способен удержаться, используя все орудия политического и социального контроля (а также силовиков), имеющиеся в распоряжении правящей партии. Трагический пример тому — сегодняшняя Северная Корея.

К середине 1980-х годов в Советском Союзе происходило постепенное падение темпов экономического роста, он столкнулся с насущной, хотя и не долгосрочной, проблемой снизившихся цен на нефть. Недостатки строя намного перевешивали его достоинства, страна погрязла в громаде нерешенных проблем. И все же в 1985 году СССР не был в состоянии экономического кризиса. И того меньше — кризиса политического. Не столько кризис понуждал к реформам, сколько реформы порождали кризис. Советское общество в 1985 году пребывало в состоянии покоя, а диссидентское движение, никогда не бывшее сильным в количественном отношении, к середине 1980-х стало еще слабее, чем было в 1960-х и 1970-х годах.

Более того, довод о том, что движущей силой реформ во второй половине 1980-х годов было состояние экономики, трудно согласовать с явным приоритетом, который Михаил Сергеевич Горбачев придавал политической реформе перед экономической. И это невзирая на то, что радикальная политическая реформа лишала многих традиционных рычагов власти. Руководители китайской коммунистической партии куда больше опасались такого рода реформы, чем рыночных мер, которые они пока что пережили вполне спокойно.

Отнюдь не сожалея о тех мерах, которые либерализовали советский строй и прошли долгий путь к его демократизации, Горбачев признал, что отсутствие постоянной сосредоточенности на экономических вопросах наносило ущерб как его руководству, так и перестройке, как преобразовательному проекту. Размышляя недавно об ошибках, допущенных за менее чем семь лет его нахождения у власти, он писал в «Нью-Йорк таймс»: «В пылу политических баталий мы упустили из виду экономику, и люди никогда не прощали нам ни нехватки повседневных продуктов, ни очередей за необходимыми товарами».

Если, вместе с тем, движущая сила реформ Горбачева не была главным образом экономической, как же нам тогда объяснить преобразование Советского Союза во второй половине 1980-х годов? Ясно, что дей-

ствуует великое множество факторов, как долгосрочных, так и краткосрочных, которые частично объясняют перемену. Однако имеется три положения, сильно продвигающих нас в объяснении, почему столь далеко идущая перемена оказалась возможной в то время, когда она произошла.

Первое — это власть и авторитет, которые были сосредоточены в руках генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза. Концентрация власти, пусть и не абсолютной в послесталинскую эпоху, была достаточно велика, чтобы сделать возможной далеко идущую перемену, если бы этот пост доставался серьезному реформатору. Хрущев в какой-то мере был реформатором, хотя и в высшей степени непостоянным и непоследовательным. Он сыграл историческую роль, разоблачив хотя бы некоторые из множества преступлений Сталина. Тем самым он — уже более неумышленно — подорвал миф о непогрешимости партии. Хотя не сам Хрущев поднял этот вопрос, он встал в умах более рассудительных граждан: что же это за политическая система, которая позволяет своему вождю творить массовые убийства?

Все же и внутри, и вне Советского Союза широко доказывалось, что никто, пожелавший критически осмыслить основы системы, никогда не достиг бы поста генерального секретаря. Верно то, что, будь в 1985 году взгляды Горбачева такими же радикальными, какими они стали в 1988 году, и будь взгляды эти известны его коллегам, он, несомненно, не поднялся бы до положения наивысшей власти в партии. В 1985 году, впрочем, Горбачев верил, что строй на деле способен к реформированию. Более того, он не полностью раскрыл размах своего реформизма, пока не обеспечил себе руководства в партии.

Особенно важным оказалось то, что в Горбачеве интеллектуальная и политическая отвага сочеталась с тактической искусностью. Столкнувшись с сопротивлением политической реформе, он не сделал того, на что пошло бы большинство руководителей, а именно, не пошел на попятную, а заменил консервативную оппозицию, что сделало его позицию радикальной, а взгляды его развились настолько, что к весне 1988 года он был убежден, что строй нуждается в фундаментальном преобразовании. Смысл такого неопределенного понятия, как перестройка, изменился. Он уже не сводился к простой перестройке существующего здания, а стал означать, что строй должен создаваться заново с самых своих основ.

Это было, как отмечали Александр Николаевич Яковлев и другие, «революцией сверху». Или, как заметил Андрей Дмитриевич Сахаров: «Мы стали строить свой новый дом не с фундамента, а с крыши». Не было ничего неизбежного в том, что фундаментальная реформа была принята во второй половине 1980-х годов. Вместе с тем, когда ее принимали, то не было случайным то, что спущена она была сверху. Система

была такова, что ниоткуда больше она прийти не могла. Из всех европейских коммунистических государств только в Польше имелось достаточно сильное гражданское общество, чтобы бросить вызов коммунистическим властям. И даже в Польше партийному государству вполне хватило силы ввести в декабре 1981 года чрезвычайное положение, превратив «Солидарность» из массового движения в ослабленную, подпольную организацию. «Солидарность» вновь заявила о себе как о серьезной силе в польской политике только после советской перестройки, наряду с преобразованием советской внешней политики при Горбачеве, изменившим весь политический климат Восточной Европы.

Власть, какой наделен Генеральный секретарь, и значительность серьезного реформатора, обретающего эту власть и авторитет, составляют первое и самое существенное объяснение, почему мирный демонтаж коммунистического строя произошел тогда, когда это случилось. Второе положение, которое тоже зачастую упускалось из виду даже в СССР, а того больше — за его пределами, связано вот с чем. Даже радикальный реформатор Генеральный секретарь не смог бы затеять фундаментальную перемену, не будь внутри правящей партии круга людей, поддерживающих эту перемену. За монолитным фасадом КПСС действовали люди, чьи личные взгляды отличались радикально. Среди них были социал-демократы, либералы, консерваторы, националисты, сталинисты, если упомянуть только самые существенные из политических направлений. Партийную интеллигенцию, в частности, составляли люди, готовые откликнуться на побуждение помыслить о немислимом (и, что еще значимее, опубликовать это), что последовало за приходом Горбачева к власти.

Те, кто были готовы раскрыть объятья радикальным переменам, всегда составляли лишь меньшинство внутри партийного аппарата, однако среди партийной интеллигенции их доля была больше. Сторонников преобразовательных перемен следовало искать в научно-исследовательских институтах, в особенности изучавших международные дела и политико-экономическое развитие других стран. Брежневская эра была золотым веком советского бюрократа, зато перестройка стала золотым веком институтчиков. Сторонников далеко идущих перемен следовало искать и среди наиболее образованных сотрудников аппарата Центрального комитета. Не случайно же именно из отдела, где больше, чем в остальных, знали о внешнем мире, Международного отдела Центрального комитета, Горбачев взял себе своих самых просвещенных советников. Был среди них и его главный внешнеполитический помощник Анатолий Сергеевич Черняев.

Это связывается с третьим, весьма существенным фактором перемены, произошедшей в Советском Союзе во второй половине 1980-х годов — с результатами общественных и культурных контактов

Советского Союза и Запада. Гручо Маркс (не Карл) однажды спросил: «Кому вы намерены верить? Мне или вашим собственным глазам?» До перестройки лишь избранное меньшинство советских граждан имело возможность побывать в западных странах. Были среди них, однако, и те, кто предпочитали свидетельства собственных своих глаз советским стереотипам и пропаганде о жизни на Западе. Среди них было много институтчиков, ставших влиятельными во второй половине 1980-х годов.

Еще более существенно то, что в их числе были ключевые политические деятели эры перестройки. Яковлев десять лет провел в почетной ссылке из Центрального комитета в качестве советского посла в Канаде. В Москву он возвратился в 1983 году еще более критически настроенным к советскому строю, чем был десяток лет назад — сказался опыт пребывания в демократической и процветающей стране. В 1970-х годах Горбачев предпринял ряд коротких поездок в западноевропейские страны, а в 1983 и 1984 годах и более значимых (связанные со встречами на высоком уровне с западными политиками) — в Канаду, Италию и Великобританию. Даже ранние выезды давали ему повод спрашивать самого себя: «Почему мы живем хуже, чем в других развитых странах?» — и ставить под сомнение свою «априорную веру в преимущества социалистической перед буржуазной демократией».

Роль, которую сыграли западные демократии в осуществлении перемен в коммунистическом мире, не сводилась главным образом к их военному союзу. В битве идей демократии одержали верх просто фактом своего существования в качестве лучшей альтернативы коммунистическому правлению. У них было — и есть — много трудностей и ошибок. И все же громадна важность того, что они давали пример большей терпимости, свободных выборов, подотчетных властей и уважения к правам человека — вдобавок к существенно более высокому уровню жизни. Мышление, бывшее радикально новым в советском контексте, основывалось (во всяком случае частично) на лучшем знании внешнего мира. Михник прав. Идеи значимы. Но идеи, если они призваны воздействовать на политику, требуют институциональных носителей, особенно в такой консолидированной системе, как коммунистическая. Так что остается незыблемым: во второй половине 1980-х годов не было ничего важнее для либерализации и частичной демократизации советской системы, чем слияние свежих идей, новаторского руководства и институциональной власти. В этом непреходящее значение выбора Горбачева в качестве Генерального секретаря Центрального комитета КПСС в марте 1985 года.

Янг ЯО (Китай)

КОНЕЦ ПЕКИНСКОГО КОНСЕНСУСА. УЦЕЛЕЕТ ЛИ МОДЕЛЬ АВТОРИТАРНОГО РОСТА КИТАЯ?

С тех пор как Китай в 1978 году приступил к экономическим реформам, ежегодные темпы роста его экономики составляли около десяти процентов, и ныне ВВП на душу населения в двенадцать раз больше, чем три десятка лет назад.

Многие аналитики приписывают экономические успехи страны нешаблонному подходу к экономической политике: сочетанию смешанной формы владения, основополагающих прав собственности и интенсивного государственного вмешательства. Бывший редактор международного отдела журнала «Тайм» Джошуа Купер Рамо дал этому название «пекинский консенсус».

На деле, однако, в течение последних 30 лет китайская система хозяйствования неукоснительно продвигалась к рыночным доктринам неоклассической экономики с упором на расчетливую фискальную политику, экономическую открытость, приватизацию, рыночную либерализацию и защиту частной собственности. Пекин действовал крайне осторожно, сохраняя сбалансированный бюджет и удерживая инфляцию на низком уровне. Чисто распределительные программы сводились к минимуму, а централизованные государственные трансферты ограничивались главным образом расходами на инфраструктуру. Общее налоговое бремя (измеряемое отношением налоговых поступлений к ВВП) находится в пределах 20-25 процентов. Китай занимает второе место в мире по привлечению прямых зарубежных инвестиций, а внутри страны более 80 процентов принадлежавших государству предприятий были переданы в частные руки или преобразованы в (акционерные) компании, включённые в котировальные списки биржи. Поскольку в классическом демократическом смысле Коммунистическая партия Китая (КПК) не обладает легитимностью, взамен она вынуждена изыскивать легитимность на основе исполнения, неуклонно повышая жизненный уровень китайских граждан. До сих пор эта стратегия себя оправдывала, но уже есть признаки, что долго это не продлится из-за растущего неравенства в доходах и порождаемой им внутренней и внешней неустойчивости.

Политика свободного рынка, которой придерживается КПК, как и предвиделось, привела в Китае к значительному неравенству в доходах. Общий коэффициент Джини (мера экономического неравенства, где нуль выражает полнейшее равенство, а единица абсолютное неравенство) в 2008 году достиг 0,47, того же уровня, что и в Соединенных Штатах. Еще большее беспокойство вызывает тот факт, что обитатели китайских городов ныне получают в три с половиной раза больше, чем их сельские сограждане, — это самый высокий разрыв между доходами городского и сельского населения в мире.

Как же тогда китайскому правительству удастся придерживаться принципов неоклассической экономики и одновременно заявлять о своей прочной идеологической приверженности марксизму? Ответ в том, что в Китае вот уже три десятка лет правит беспристрастная государственная власть — объективный, непредубежденный режим, занимающий нейтральную позицию при возникновении конфликта интересов среди различных социальных и политических группировок. Это не означает, что Пекин лишен своекорыстия. Напротив, зачастую государство ведет себя грабительски по отношению к гражданам, но грабеж оно осуществляет «не взирая на лица», в том смысле, что обычно Пекин не обращает внимания на социальный или политический статус избранной жертвы, в отличие от многих государственных властей в иных краях, действующих в защиту и для обогащения конкретных социальных и политических групп. Следствием является то, что китайские власти больше, нежели остальные авторитарные режимы, склонны руководствоваться политикой, увеличивающей рост развития.

Поскольку население Китая с ростом своих доходов требует большего, нежели экономические выгоды, КПК будет все труднее и труднее сдерживать социальное недовольство и препятствовать ему, применяя в качестве лекарства один лишь экономический рост.

За последние 30 лет КПК сознательно обращалась к политике, несущей выгоды конкретным группам или регионам, для поддержания реформ и экономического роста. Помогало то, что беспристрастная государственная власть КПК не испытывала постоянной приверженности к конкретным группировкам или регионам. Об этом как раз свидетельствует то, как Китай интегрировался в мировую экономику. В конце 1970-х годов США очень хотели дать Китаю место в своем лагере в качестве буфера против советской гегемонии, и Китай быстро воспользовался этой возможностью. И все же тогдашнее раннее приятие политики «открытых дверей» вызвало сопротивление внутри страны: к особым экономическим зонам, таким как Шэньчжэнь, власти относились с таким неумеренным предпочтением, что это вызвало зависть в остальных частях страны. Более того, используемая КПК модель роста с опорой на экспорт требовала от Пекина выбора стратегии несбалансированного развития, которая содействовала быстрому росту вос-

точного побережья страны в ущерб внутренним районам: сегодня почти 90 процентов экспорта Китая поступает из девяти прибрежных провинций.

Принятие Китая во Всемирную организацию торговли в 2001 году тоже было рассчитанным шагом. До принятия было широко распространено убеждение будто Китаю, чтобы вступить в ВТО, придется пережить тяготы политики болезненного структурного приспособления во многих отраслях. При этом правительство страны фактически ускорило переговоры с членами этой организации. Вступление, несмотря на бремя, какое оно наложило на сельское хозяйство и розничную торговлю, усилило экспорт Китая, доказав неправоту тех, кто выражал беспокойство его последствиями. В период с 2002 по 2007 год годовые темпы роста китайского экспорта выросли до 29%, вдвое превысив средние темпы роста в 1990-е годы.

Астрономический рост Китая, вместе с тем, поставил его в сомнительное положение. Другие развивающиеся страны попали в ловушку так называемого среднего дохода: ситуацию, которая часто возникает, когда подушный ВВП страны достигает уровня 3000–8000 долл. США, экономика перестает расти, неравенство доходов увеличивается, вспыхивают социальные конфликты. Китай достиг данного уровня, и знаки, предупреждающие о ловушке, принимают угрожающие размеры.

За последние несколько лет усилилась вовлеченность государства в экономику: особенно яркий пример тому нынешний стимулирующий план, на который выделено четыре триллиона юаней (586 млрд долл. США). Государственные вложения помогли Китаю в 2009 году достичь темпов роста ВВП около девяти процентов. Многие аплодируют этому, однако в долгосрочной перспективе это может задушить китайскую экономику сокращением производительности и вытеснением более прибыльных частных инвестиций.

В настоящее время китайская экономика очень сильно зависит от внешнего спроса, что порождает трения между основными торговыми партнерами. Сбережения составляют 52% ВВП, а потребление упало до исторически низкого уровня. В то время как государственные власти наиболее развитых демократий расходуют менее 8% государственных доходов на капитальные вложения, в Китае эта цифра близка к 50%. И снижается доля потребительских доходов в национальном доходе, что вынуждает среднего гражданина чувствовать себя беднее, притом, что экономика развивается. Поскольку население Китая с ростом своих доходов требует большего, нежели экономические выгоды, КПК будет все труднее и труднее сдерживать социальное недовольство и препятствовать ему, применяя в качестве лекарства один лишь экономический рост.

КПК, не взирая на ее абсолютную власть и нынешние достижения в осуществлении экономического роста, по-прежнему сталкивается с

сопротивлением граждан. События на площади Тяньаньмэнь 5 апреля 1976 года, первое самопроизвольное демократическое движение в истории КНР, выступления 4 июня 1989 года и многочисленные последующие протесты показали, что китайское население вполне готово пойти на организованное сопротивление, когда государство не удовлетворяет его нужд. Международное отслеживание внутренних событий в Китае также играет важную роль, тем более сейчас, когда он вошел в число основных глобальных держав. Китай неожиданно проявляет заботу о своей легитимности на международной арене.

Китайские власти обыкновенно пытаются справиться с подобным недовольством населения, предлагая разного рода «болеутолители», в том числе и программы быстрых мер при самых первых признаках волнения среди населения, такие как центры переподготовки для безработных рабочих, миграционные программы, направленные на снижение неравенства регионов, и недавнее «новое деревенское движение» по совершенствованию инфраструктуры, здравоохранения и образования в сельских районах.

Между тем, эти меры могут оказаться слишком слабы, чтобы предотвратить появление групп интересов, сильных, объединенных общими интересами группировок, стремящихся к влиянию на государственную власть. Частный бизнес, положим, давно осознал важность культивирования государственной власти для больших прибылей, но бизнесмены не одиноки. Внутри самой власти, среди ее приспешников на находящихся под контролем государства предприятиях, быстро идет образование сильных и привилегированных групп интересов. В каком-то смысле местные власти в Китае ведут себя, как корпорации: в отличие от развитых демократий, где одним из ключевых мандатов государственной власти является перераспределение доходов для улучшения благосостояния среднего гражданина, местные власти в Китае попросту преследуют экономическую выгоду.

Более существенно то, что предпринимаемые Пекином усилия содействовать росту ВВП неизбежно приведут к ущемлению экономических и политических прав народа. К примеру, до сих пор в некоторых городах преобладают произвольные захваты земли, власти бдительно следят за интернетом, профсоюзы в загоне, а рабочим приходится терпеть длительный рабочий день и небезопасные условия труда. Китайские граждане, столкнувшись с подобными ущемлениями, молчать не станут и их недовольство неизбежно приведет к периодическому сопротивлению. Вполне скоро потребуется некая форма открытых политических преобразований, которые позволят обычным гражданам стать участниками политических процессов.

Проведенные за последние 30 лет реформы несут самую большую ответственность за неотвратимый кризис. Сопротивление населения и экономические диспропорции влекут сейчас Китай к очередному

серьезному кризису. Сильные и привилегированные группы интересов, наряду с пекущимися о прибылях местными властями, препятствуют равному распределению в обществе выгод экономического роста и тем сводят на нет стратегию КПК сторговать экономический рост за согласие народа на ее абсолютное правление.

Обыкновенно в развитых демократиях, скажем, в Соединенных Штатах, открытый и не допускающий дискриминации политический процесс сдерживает власть групп интересов. В самом деле, таков мандат беспристрастной государственной власти: удерживать в равновесии требования различных социальных групп. Более открытая китайская государственная власть могла бы оставаться беспристрастной, если бы туда, куда нужно, были внедрены надлежащие демократические институты для сдерживания наиболее сильных группировок. Впрочем, в конечном счете, если КПК желает содействовать экономическому росту и сохранять социальную стабильность, то альтернативы большей демократизации не существует.

Дирк БЕРГ-ШЛОССЕР (Германия)

КАЧЕСТВО ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ДЕМОКРАТИЙ

Со времени смены государственного строя в начале 1990-х в бывших коммунистических государствах отмечен высокий уровень политической изменчивости. В те годы имело место не только политическое, но также экономическое и социальное преобразование. Поистине эти множественные преобразовательные процессы требовали, по выражению Йона Элстера (1993), «перестройки корабля в открытом море». Вместе с новыми свободами пришли существенные трудности, и значительному большинству населения пришлось менять привычный образ жизни.

В данной статье содержится краткий обзор того, как развивались события, и оценка «качества» новых демократий как в функциональном, так и нормативном смысле. Для этой цели, прежде всего, необходимо определить соответствующие критерии, а затем увязать их с имеющимися в настоящее время базами данных. Таким способом — в качестве второго шага — возможна идентификация различных типов демократических и недемократических государственных устройств. Это также, в-третьих, затрагивает особенности их соответствующего «государственного управления». В процессе этого выявятся значительные различия между разнообразными странами и субрегионами Центральной и Восточной Европы, а также существенные перемены, произошедшие за это время. Вместе с тем любые широкоохватные эмпирические оценки такого рода должны действовать в границах наличествующих источников. По этой причине следует иметь в виду также и «качество» этих источников, их сильные и слабые стороны.

1. Основные понятия

Для наших целей нам необходимо достаточно комплексное, в основных своих параметрах общепринятое и эмпирически применимое понятие «демократии», которое способно адекватно передать различающиеся формы современных проявлений данного способа правления. В то же время оно должно быть достаточно четким, чтобы прово-

дить значимые разграничения с иными типами политических устройств, и достаточно открытым, чтобы быть увязано с существующими подтипами, а также с возможными будущими эволюциями.

Таким основополагающим представлением является выдвинутое в 1971 году Робертом Далем понятие «полиархии», ставшее в последние десятилетия наиболее часто употребляемым применительно к эмпирически ориентированным исследованиям в области демократизации. Р.Даль недвусмысленно различает две стороны такой более ограниченной характеристики современных демократий, как величина постоянной и открытой состязательности внутри политического строя и развитость различных форм участия населения данного общества в процессе принятия политических решений. Подспудно в его понятии имеется и третья (нормативная) сторона, имеющая отношение к основным гражданским свободам, таким как свобода информации, организации и т.д., а также к политическому порядку, который гарантирует и поддерживает власть закона, делая возможной и исполненной смысла постоянную политическую состязательность. Эти три стороны основополагающего представления о демократии, делающие упор на «входной» части политических устройств, а также на необходимой институциональной и правовой структуре, в настоящее время являются в значительной степени принятыми.

2. Идентификация (либеральных) демократий и не-демократий

Имея в виду такие три стороны и критерия, мы можем, прежде всего, попытаться идентифицировать наличие или отсутствие либеральных демократий в минимальном смысле относительно рассматриваемых случаев. Из большого количества исследований, разработавших показатели демократии, мы воспользуемся только теми, которые в настоящее время доступны на долгосрочной и постоянной основе. Таковы «индекс демократии», разработанный Тату Ванханеном (1984, 1997), набор данных, составленный Тедом Гурром (1996, 2003) и его сотрудниками, ежегодные рейтинги «политических прав» и «гражданских свобод» организации «Фридом Хаус» (1978 и посл.), которые, строго говоря, не составляют какого-либо показателя демократии, но которыми зачастую пользуются как вспомогательными в этом отношении, и еще самые последние по времени данные по «праву голоса и ответственности» и «власти закона», составленные Всемирным Банком (Кауфман и др., 2003, 2008).

Самые последние достоверные данные по этим показателям приводятся в *таблице 1*.

При сравнении реальных сведений по этим показателям становится очевидно, что замеры Ванханена по меньшей мере дискриминационны. По сути, все перечисленные страны превышают установленный им

Таблица 1

Показатели демократизации

	Ванханен 2000	Гурр 2008	Фрипр 2010	Фрид 2010	Власть закона 2008	Право гол. и отв. 2008	Тип
	(0–100) >10	(0–10) >8	<2,5	<2,5	(–2,5 – +2,5) <0	(–2,5 – +2,5) <0	
Албания	11,99	9	3	3	–0,6	0,13	2
Армения	17,66	5	6	4	–0,36	–0,66	2
Азербайджан	11,76	0	6	5	–0,76	–1,23	3
Беларусь	42,72	0	7	6	–1	–1,6	3
Босния и Герцеговина	24,79	—	4	3	–0,35	0	2
Болгария	24,16	9	2	2	–0,12	0,6	1
Хорватия	27,54	9	1	2	0,08	0,48	1
Чешская Республика	39,26	8	1	1	0,85	1,02	1
Эстония	24,07	9	1	1	1,05	1,03	1
Грузия	14,76	7	4	4	–0,34	–0,25	2
Венгрия	25,42	10	1	1	0,82	1	1
Казахстан	8,16	3	6	5	–0,78	–1,01	3
Кыргызстан	10,99	0	6	5	–1,26	–0,72	3
Латвия	27,57	8	2	1	0,73	0,86	1
Литва	28,16	10	1	1	0,58	0,85	1
Македония	20,16	9	3	3	–0,32	0,16	2
Молдова	22,04	8	3	4	–0,46	–0,27	2
Польша	22,3	10	1	1	0,49	0,86	1
Румыния	20,66	9	2	2	–0,05	0,48	1
Россия	29,2	5	6	5	–0,91	–0,97	2
Словакия	33,86	10	1	1	–0,52	0,89	1
Словения	29,04	10	1	1	0,91	1,02	1
Таджикистан	9,17	1	6	5	–1,12	–1,32	3
Туркменистан	33,13	0	7	7	–1,3	–2,06	3
Украина	29,76	7	3	2	–0,62	–0,03	2
Узбекистан	3,73	0	7	7	–1,18	–1,9	3
Сербия	11,99	8	2	2	–0,46	0,19	2
Черногория	17,66	9	3	2	–0,09	0,25	2

Источники: (1) Индекс демократии Ванханена, 2004 (Vanhanen, 2004); (2) Институционализированная демократия, 2003 (Jaggers/and Gurr — строй IV); (3) Данные по политическим правам, 2010 (Freedom House 1978 ff.); (4) Данные по праву голоса и ответственности, 2008 (Kaufmann et al., 2009); (5) Данные по власти закона, 2008 (Kaufmann et al., 2009); В колонке (7) указывается тип политического строя.

минимальный порог и даже Беларусь Лукашенко проходит испытание на демократичность. К тому же следует отметить, что более высокое значение по этому показателю не соответствует более хорошей демократии ни в каком функциональном или нормативном смысле: Венгрия и Украина получили наивысшие значения в 2004 году. Это от того, что его замер состоятельности, являющейся показателем степени фрагментарности партийной системы, нельзя принимать за «качественный» стандарт, а всего лишь за минимальное требование в каждом случае.

Замеры Гурра, «Фридом Хаус» и Всемирного банка идентифицируют соответственно от 11 до 15 случаев с относительно высоким уровнем согласованности. Несмотря на недочеты и критику этих замеров (Мунк/Веркуйлен в 2002 г., Берг-Шлоссер в 2004 г.), осмысленная оценка существующих политических государственных устройств в посткоммунистической Европе на основе данных показателей возможна так же,

как и сведение их в простую классификационную схему (см. колонку 7 в *табл. 1*). Так, Беларусь и Туркменистан, например, явно могут быть признаны как государства недемократические/авторитарные (тип 3), поскольку наличествует высокий уровень согласованности по всем более дискриминационным показателям. Страны типа Албании, Македонии, Молдовы, Сербии и Украины могут классифицироваться как «электоральные демократии» (Даймонд, 1999): у них несколько лучшие показатели по большинству замеров (тип 2), но они не добирают до минимума, необходимого для «либеральной демократии». Страны, имеющие целиком положительные результаты по всем замерам, могут быть причислены к «либеральным демократиям» (тип 1).

3. Определение «хорошего государственного управления»

Замеры, указывающие на достижение определенного минимального уровня «либеральной демократии», необходимо отличать от показателей, оценивающих качество действительного «государственного управления» в функциональном смысле. Данные Всемирного Банка — единственные, которые наиболее полно раскрывают данный аспект. В дополнение к таким уже представленным сторонам, как «право голоса и ответственность» и «власть закона», данные ВБ включают в себя еще три показателя: «эффективность управления государством (госуправления)» (то есть качество бюрократии и государственной службы), «бремя регуляции» (то есть качество политики, не расположенной к рыночным мерам, вроде контроля за ценами и торговлей) и «взяточничество» (то есть использование государственной власти для личной выгоды), включающего в себя разнообразные формы коррупции, кумовства и патронажа.

Такая сторона, как «власть закона» (имеющая отношение к независимости юридической системы, уважению основных прав человека, обеспеченности правовой защиты договоров и т.д.), которая уже использовалась при оценке некоторых минимальных нормативных требований «либеральной демократии», также частично совпадает с такими характеристиками основной политической системы. В этом смысле не все существующие демократии определенно «управляются хорошо» и существуют недемократические государственные устройства, в которых с госуправлением обстоит лучше, чем в иных, например, меньше коррупции или достигнут определенный уровень власти закона, подобно имевшемуся в прошлом в Прусском государстве или, вероятно, в стране, схожей с современным Сингапуром. Эти данные представлены в *таблице 2*.

Как видно, наличествует весьма высокий уровень соответствия между предыдущей классификацией типов государственного устройства и качеством их управления. Все страны, классифицированные по

Таблица 2

Показатели «хорошего государственного управления»

	Эффективность госуправления, 2008 (-2,5 - +2,5) > 0	Качество вл. регулирования, 2008 (-2,5 - +2,5) > 0	Коррупция, 2008 (-2,5 - +2,5) > 0	CPI (1-10)
Албания	-0,34	0,16	-0,45	3,2
Армения	-0,07	0,32	-0,54	2,7
Азербайджан	-0,64	-0,32	-1	2,3
Беларусь	-1,11	-1,24	-0,79	2,4
Босния и Герцеговина	-0,55	-0,19	-0,32	3
Болгария	0,1	0,75	-0,17	3,8
Хорватия	0,52	0,5	0,12	4,1
Чешская Республика	1,07	1,09	0,37	4,9
Эстония	1,15	1,47	0,94	6,6
Грузия	0,18	0,59	-0,23	4,1
Венгрия	0,66	1,26	0,55	5,1
Казахстан	-0,47	-0,37	-0,95	2,7
Кыргызстан	-0,7	-0,32	-1,06	1,9
Латвия	0,56	1,07	0,29	4,5
Литва	0,64	1,14	0,18	4,9
Македония	-0,14	0,21	-0,11	-99
Молдова	-0,76	-0,2	-0,64	3,3
Польша	0,48	0,77	0,38	5
Румыния	-0,14	0,53	-0,06	3,8
Россия	-0,32	-0,56	-0,98	2,2
Словакия	0,76	1,14	0,43	4,5
Словения	1,09	0,81	0,95	6,6
Таджикистан	-0,88	-0,97	-0,99	2
Туркменистан	-1,16	-2,03	-1,34	1,8
Украина	-0,6	-0,39	-0,72	2,2
Узбекистан	-0,68	-1,41	-1,08	1,7
Сербия	-0,28	-0,21	-0,16	3,5
Черногория	0,01	-0,05	-0,28	3,9

типу 3, имеют отрицательные результаты по всем данным показателям. Однако при этом некоторые, подобно Болгарии и Румынии, одолевают «демократический» порог, сохраняя показатели ниже 0 в некоторых из этих замерах. Различия по типу строя показаны в таблице 3.

Таблица 3

Государственное управление по типу строя

Тип	Эффективность госуправления	Качество власти. регулирования	Коррупция	CPI
Демократия	0,63	0,96	0,36	4,9
средн.	11	11	11	11
число				
разв. страны	0,40	0,31	0,36	0,96
Элект. демокр.	-0,29	-0,03	-0,44	3,1
средн.	10	10	10	9
число				
разв. страны	0,29	0,35	0,28	0,67
Авторитарный	-0,81	-0,95	-1,03	2,1
средн.	7	7	7	7
число				
разв. страны	0,26	0,66	0,17	0,36
Всего	-0,58	0,13	-0,27	3,58
средн.	28	28	28	27
число				
разв. страны	0,68	0,87	0,63	1,38
Значимость	***	***	***	**

Если взглянуть, в частности, на ситуацию в России, то станут очевидными некоторые существенные изменения со временем в отношении данных показателей (см. *диаграмму*).

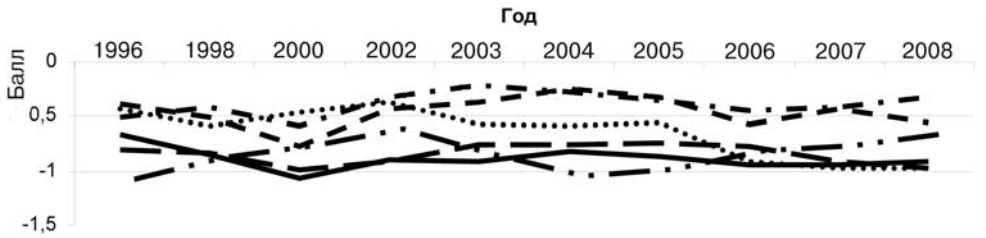

Диаграмма. Россия – серия показателей Всемирного Банка

- · — · — Эффективность госуправления
- — — — — Качество властного регулирования
- · · · · Право голоса и ответственность
- - - - - Контроль за коррупцией
- — — — — Власть закона
- · — · — Политическая стабильность

За время, когда собирались эти данные (с 1996 по 2008 год), значения некоторых из показателей существенно упали. Это, в частности, относится к «праву голоса и ответственности», «власти закона» и «контролю за коррупцией». В данных весьма существенных отношениях «качество» демократии явно пострадало.

4. Выводы

Изложенное выше представляет собой попытку показать, каким образом некоторые из наших обычных инструментов эмпирической политологии, такие как имеющиеся в настоящее время и широко используемые показатели демократизации и хорошего государственного управления, позволяют проводить ограниченный, но тем не менее значимый анализ «качества» политических устройств современных посткоммунистических государств.

Как свидетельствуют приведенные результаты, прежде всего, существует значимое различие между либеральными демократиями и недемократиями и на данной основе становится возможной идентификация определенных подтипов. Во-вторых, аспекты «демократического качества» могут отличаться от критерия «хорошего государственного управления» вообще. Реальная деятельность в данных отношениях указывает (в целом) на успешное функционирование консолидированных либеральных демократий, однако некоторые из них, совсем недавно утвердившиеся, все еще являются «слабо консолидированными» демократиями, которым еще предстоит в этом отношении сравняться с остальными.

Таким образом, более эффективный политический механизм обратной связи способен в определенной мере выравнять и сбалансировать двойственные требования «представительности» в смысле высокого уровня участия и включенности на входной стороне и «ответственности», наряду с политической отзывчивостью, включая подбавляющие сдержки и противовесы, на исходной стороне политического строя. Такие положительные процессы развития вместе с тем не должны затушевывать ряд все еще остающихся трудностей в некоторых странах, например, в том, что касается власти закона, эффективности госуправления и контроля за коррупцией. Это тоже могло бы быть выявлено некоторыми из приведенных показателей.

Говоря обобщенно, нет причин для самоуспокоения в отношении качества существующих демократий и их деятельности в функциональном и нормативном смысле. Как то, так и другое, между тем, можно определить получше, скорее, с помощью тщательного, качественного исследования каждого конкретного случая, такого как «демократический аудит» (Битэм/Веир, 2000), нежели пользуясь представленными в статье показателями широкого обобщения. Это относится не только к демократиям посткоммунистическим, но и западноевропейским и другим.

Источники:

(Битэм, Дэвид и Веир. Стюарт «Демократический аудит в сопоставительной перспективе») Beetham, David, & Weir, Stuart. (2000). *Democratic Audit in Comparative Perspective*. In Lauth, H.-J. (eds.), *Empirische Demokratiemessung* (pp. 73–88). Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.

(Берг-Шлоссер, Дирк «Понятия, инструментарий и подтипы в исследованиях по демократизации») Berg-Schlosser, Dirk. (2007). *Concepts, Measurement and Sub-Types in Democratization Research*. In Berg-Schlosser, D. (ed.), *Democratization — the State of the Art*, 2nd ed. (pp. 31–43). Opladen: B.Budrich.

(Даль, Роберт «Полиархия: Участие и противодействие») Dahl, Robert A. (1971). *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven, CT: Yale University Press.

(Даль, Роберт «Демократия и ее критики») Dahl, Robert A. (1989). *Democracy and its Critics*. New Haven, CT: Yale University Press.

(Даймонд, Ларри Дж. «Построение демократии: по пути к консолидации») Diamond, Larry J. (1999). *Developing democracy: toward consolidation*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

(Элстер, Йон «создание конституций в Восточной Европе: перестройка корабля в открытом море») Elster, Jon. (1993). *Constitution Making in Eastern Europe: Rebuilding the Boat in the Open Sea*. *Public Administration*, 71(1/2), 167–217.

(«Фридом Хаус» «Свобода в мире») Freedom House. (1978ff). *Freedom in the World*. New York: Freedom House.

(Гурр, Тед Р., Джаггерс, Кейт и Машалл, Монтти Дж. «Строй IV: характеристики и изменения политического режима») Gurr, Ted R., Jaggers, Keith, & Marshall, Monty G. (2002). *Polity IV: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2001*, from <http://www.cidcm.umd.edu/inscr/polity/index.htm>.

(Кауфман, Даниэль, Крэй, Аарт и Зойдо-Лобатон, Пабло «Совокупные показатели государственного управления») Kaufmann, Daniel, Kray, Aart, & Zoido-Lobaton, Pablo. (1999). Aggregating governance indicators, Policy Research Working Paper 2195. Washington, DC: The World Bank.

(Кауфман, Даниэль, Крэй, Аарт и Матруцци, Массимо «Показатели государственного управления за 1996–2008 гг.») Kaufmann, Daniel, Kraay, Aart, & Mastruzzi, Massimo. (2009). Governance Matters VIII: Governance Indicators for 1996–2008, <http://www.worldbank.org/wbi/governance/govmatters5>

(Мунк, Герардо Л. и Веркуилен, Джэй «Понимание и измерение демократии») Munk, Gerardo L., & Verkuilen, Jay. (2002). Conceptualizing and Measuring Democracy — Evaluating Alternative Indices. *Comparative Political Studies*, 35(1), 5–34.

(Пшеворский, Адам, Стоукс, Сюзан К. И Манин, Бернард «Демократия, ответственность и представительство») Przeworski, Adam, Stokes, Susan C., & Manin, Bernard (eds.) (1999). *Democracy, Accountability, and Representation*. Cambridge: Cambridge University Press.

(Ванханен, Тату «Образование демократии: сравнительное исследование 119 государств») Vanhanen, Tatu. (1984). *The Emergence of Democracy: A Comparative Study of 119 States*. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica.

(Ванханен, Тату «Перспективы демократии: исследование 172 стран») Vanhanen, Tatu. (1997). *Prospects of democracy: a study of 172 countries* (Routledge ed.): London.

Тиберио ГРАЦИАНИ (Италия)

СТРАТЕГИЯ США В ЕВРАЗИИ И ПРОБЛЕМА НАРКОТИКОВ В АФГАНИСТАНЕ*

Для того чтобы безо всякой идеологической предвзятости и честно оценить проблему производства наркотиков в Афганистане и связанных с ними международных проблем, необходимо и полезно определить (хотя бы схематически) геополитическую структуру и более глубоко уяснить некоторые понятия, обычно воспринимаемые как хорошо известные и общепринятые.

Афганистан вместе с Кавказом и республиками Центральной Азии составляет обширную территорию, на которой сегодня действуют несколько основных глобальных субъектов (США, Россия, Китай и Индия), различающихся своим географическим положением в двух непохожих районах — в Америке и Евразии, и, прежде всего, уровнем своей мощи и геостратегией. Дестабилизация обстановки в этом регионе на руку США, то есть геополитическому игроку, внешнему по отношению к евразийской среде. В частности, дестабилизация этой обширной зоны обеспечивает США по крайней мере три геополитические возможности: а) их нарастающее проникновение на земли Евразии; б) сдерживание России; в) создание на континенте «болезненной язвы».

По определению Генри Киссинджера, раскинувшееся по берегам двух океанов государство США — это остров за пределами Евразийского континента. С геополитической точки зрения, как раз такое положение определило основные векторы экспансии Соединенных Штатов по планете. Вначале был установлен контроль над всем западным полушарием (Северная и Южная Америка), затем началась гонка за гегемонию на просторах евро-африканских земель, иными словами, восточного полушария.

Стоит напомнить, что процесс проникновения США на Евразийский континент начался в ходе Первой мировой войны с вмешательства

---

* Сокращенный перевод статьи, опубликованной в итальянском журнале Eurasia. Rivista di Studi Geopolitici («Евразия. Обзор геополитических исследований»). www.eurasia-rivista.org — direzione@eurasia-rivista.org

Вашингтона в международные споры между европейскими государствами и империями. Проникновение продолжилось во время Второй мировой войны. В апреле 1945 года так называемые «освободители» оккупировали западную часть Европы вплоть до Восточного Берлина. С этого времени Вашингтон и Пентагон рассматривают Европу, то есть западную часть Евразии, всего лишь как плацдарм США, созданный на евразийских землях.

Такую же роль США навязали и другому оккупированному государству — Японии, замыкающей с востока евразийскую дугу. С евразийской точки зрения именно североамериканские «клещи» и стали подлинным итогом Второй мировой войны.

В конце 1970-х годов с приходом к власти в Иране аятоллы Хомейни был разрушен один из важнейших столпов западной геополитической архитектуры с главенствующей ролью США. Шахскую династию Пехлеви легко было использовать в качестве пешки в борьбе между США и СССР. Когда же она исчезла, Вашингтон и Пентагон вынуждены были задуматься о новой роли Соединенных Штатов в мировой политике. Новый Иран, ставший независимым, привнес новую комбинацию в региональные геополитические «шахматы», и она, возможно, способствовала глубокому кризису «крепкой» биполярной системы.

На смену биполярной пришла новая геополитическая эра — «однополярности». Впрочем, новая однополярная система была обречена на краткую жизнь и, по сути, закончилась в начале XXI века, когда Россия вновь заявила о себе как о стратегическом игроке, готовом бросить вызов в глобальных делах; и одновременно Китай с Индией, эти два азиатских гиганта, стали экономическими и стратегическими державами. На глобальном уровне необходимо также учитывать растущий вес ряда стран Латинской Америки, таких как Бразилия, Венесуэла. Весьма важные отношения этих стран с Китаем, Россией и Ираном, как представляется, обретают стратегическую значимость и создают прообраз новой многополярной системы, двумя главными опорами которой могли бы стать Евразия и Латинская Америка.

Что касается Афганистана, то эта страна с геополитической точки зрения представляет собой явно выраженную кризисную зону, с незапамятных времен служившую ареной конфликтов между великими державами. Ныне территорией этой, именуемой Исламской Республикой Афганистан, «правит» правительственное образование, созданное и функционирующее при поддержке войск США, хотя по давней традиции пуштунские племена главенствуют над всеми остальными этническими группами (таджики, хазарейцы, узбеки, туркмены, белуджи).

Когда на афганской «шахматной доске» не осталось советских солдат, все более важную роль в регионе стало играть движение «Талибан». Определяющими стали, по крайней мере, три фактора: а) двусмысленные отношения с некоторыми составными частями пакистан-

ских секретных служб; б) двусмысленные отношения с США (своего рода «наследие», доставшееся от прежних контактов между США и некоторыми участниками движения «моджахедов», осуществлявшихся во время советско-афганской войны); в) ваххабизм как идейно-религиозная платформа, непосредственно служащая интересам Саудовской Аравии в качестве проекции таких зон, как Босния, район Ближнего Востока и Кавказа (а именно — Чечня и Дагестан).

Эти три фактора позволили движению талибов, с одной стороны, самому укорениться на афганской земле и обрести растущий вес в военной (с созданием и укреплением так называемых убежищ) и экономической (а именно: контроль над наркоторговлей) сферах. С другой стороны, они помешали ему сделаться организацией автономной. По сути, из-за проникновения ставленников США, Пакистана и Саудовской Аравии движение «Талибан» приходится рассматривать как организацию, управляемую внешними игроками.

Как теперь хорошо известно, производство наркотиков в Афганистане со времени оккупации страны силами НАТО выросло примерно в 40 раз. Если оценить решения, принятые до сих пор силами США и нацеленные на обуздание торговли наркотиками и победу в борьбе с ней, в более общем контексте геополитической практики США, то можно заметить, что войска США и НАТО, похоже, попусту транжирят время: производство и распространение наркотиков в южной части страны по-прежнему идет полным ходом. Как хорошо известно, широкомасштабное производство наркотиков в этом районе невозможно из-за непрекращающихся боевых действий. Напротив, войска США и НАТО сосредоточили свой стратегический интерес на северной части страны. Здесь ими построены дороги и мосты, связывающие Афганистан с Таджикистаном, дорога в Россию через Узбекистан, Киргизстан и Азербайджан. Такой образ действия открыто говорит об истинных намерениях Пентагона и Вашингтона: открыть транспортные коммуникации к России, берущие начало в Афганистане и центрально-азиатских республиках. По сути, НАТО и другие западные силы не ведут деятельную борьбу против производства и продажи наркотиков. Разговоры же о такой борьбе лежат, скорее, в сфере западной риторики, нежели связаны с реальными фактами.

Сходным образом представляется, что борьба против движения «Талибан» явно подчинена (а тем самым и зависит от) общей стратегии Соединенных Штатов на евразийской земле. Сегодня эта стратегия состоит в создании военных гарнизонов США и их западных союзников по всей протяженной полосе, начинающейся в Марокко, пересекающей Средиземное море и доходящей до центральноазиатских республик. Основные цели этих гарнизонов таковы: а) отделение Европы от Северной Африки; б) контроль над севером Африки, Ближним и Средним Востоком (в особенности районом, где находятся Турция,

Сирия и Иран, — с использованием базы Кэмп-Бондстил, расположенной в Косово); в) сдерживание России, а в некоторых отношениях еще и Китая; г) попытка расчленить евразийский континент на две части; д) расширение «кризисной дуги» на территорию Центральной Азии (данное Бжезинским этому региону определение: «Евразийские Балканы» — звучит, скорее, программным, нежели предметным описанием этой зоны).

Создание геополитического раскола в Центральной Азии, то есть «болезненной язвы» в Евразии, способно привести к враждебности и неприязни между другими основными игроками в Азии — Россией, Индией и Китаем. США оказались бы единственными оставшимися в выигрыше от этой игры.

Помимо попытки рассечь Евразию «ножом» обозначенной дуги (от Средиземного моря до Центральной Азии) замечено, что США (начиная с 2008 года) создали и размещают Африканское командование своими силами (АФРИКОМ) и, разумеется, причастные к нему позиции совместной безопасности в Африке. Полезный военный механизм, к тому же и с прицелом на Ближний Восток и Центральную Азию.

Оценивая сегодня итоги Международного форума, посвященного производству наркотиков в Афганистане (Москва, 9–10 июня 2010 года) и поставившего себе целью найти «совместные решения» афганского нарковопроса в контексте «международного сообщества», говоря честно, нам, аналитикам, придется подчеркнуть, что вместо «международного сообщества» практичнее говорить о подлинных игроках (как участвующих, так и тех, кто может участвовать), избравших себе полем деятельности афганскую зону.

В аналитических целях полезно свести таких игроков в три следующие категории: внешние игроки, местные игроки, игроки, которые потенциально могли бы войти в афганский контекст.

Внешними игроками следует считать силы США и НАТО — ИСАФ (Международные силы содействия безопасности. — *Прим. перев.*) (кроме Турции), поскольку они всецело чужды конкретному геополитическому району, даже понимаемому в широком смысле.

К *местным игрокам* можно причислить пограничные страны (Иран, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Китай, Пакистан), племена, повстанческие войска, талибов и «правительственное» образование во главе с Карзаем.

Что касается игроков, отнесенных выше к *третьей категории*, то к ним можно причислить Организацию Договора Коллективной Безопасности (ОДКБ), Шанхайскую Организацию Сотрудничества (ШОС), то есть основные евразийские организации с большим опытом решения вопросов, связанных с пограничным контролем и наркоторговлей на территории Центральной Азии, а также Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС). Более того, надо также упомянуть и ООН,

в частности, Управление ООН по контролю над наркотиками и предупреждению преступности (ЮНОДОК).

Потенциальные партнеры, чтобы суметь решить вопрос о наркотиках в Афганистане, должны обладать, по меньшей мере, следующими характеристиками: а) знанием местной динамики в отношении этнических, культурных, религиозных и экономических сторон жизни; б) признанием местного населения в качестве части того же культурного контекста (понятно, в широком смысле); в) волей коллективно координировать действия без предвзятости и внутренней сдержанности в рамках какой-либо евразийской программы.

Стабилизация афганской зоны — это необходимейшее требование к любому плану, ставящему целью обратиться к проблеме производства и продажи наркотиков. В этом отношении силы США и НАТО из-за их четко выраженной геополитической практики, нацеленной на гегемонизацию евразийских земель, не являются приемлемыми кандидатами.

Подлинные игроки, способные обеспечить стабилизацию, это, вне всякого сомнения, граничащие с Афганистаном страны и евразийские организации. Из числа пограничных государств особую роль мог бы сыграть Иран. Это единственная страна, которая наглядно продемонстрировала обеспеченность безопасности афгано-иранской границы, особенно в отношении наркоторговли. Помимо этого, Москва и Пекин берут на себя важную функцию в стабилизации обстановки в этом районе и борьбе с наркоторговлей, поскольку Россия и Китай, стоит напомнить, являются ведущими державами в вышеупомянутых евразийских организациях.

Стратегическая ось между двумя «легкими» Евразии, уравновешенная центрально-азиатскими республиками и Индией, могла бы составить долговременное решение для стабилизации обстановки в этом районе, а стало быть и нарковопроса. Только в рамках общего евразийского плана, нацеленного на стабилизацию (задуманного и исполненного евразийскими игроками), возможен диалог с местными племенами и с теми повстанческими движениями, которые определенно не управляются внешними игроками.

Владимир ДЕРГАЧЕВ (Украина)

МНОГОПАРТНЕРСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА ТУРЦИИ

Чем больше на постсоветском пространстве политические элиты рассуждают об очередном светлом будущем, тем отчетливее просматриваются на горизонте другие контуры. Если внимательно присмотреться, какую модель становления государственности выбрало большинство бывших советских республик, то здесь ожидается неожиданный сюрприз. Мистика. Россия и многие новые независимые страны все больше становятся похожими не на возжеланный Запад, а напоминают Османскую империю периода упадка. Растет внешняя зависимость, богатеет «элита в законе», а население становится еще беднее. Современные султаны (президенты) раздают преференции за лояльность отдельным корпоративным группировкам за счет государственного бюджета и за безмерную преданность разрешают подворовывать и взаимовыгодно приватизировать народное добро. Слава Аллаху, что еще не все из этого удалось воплотить на постсоветских просторах, но и отрицать достигнутое на этом пути было бы несправедливо.

Воспоминания о Блистательной Порте. Россия вошла в соприкосновение с Османской империей в период её заката. Отсюда сложился соответствующий образ турка. Несмотря на то, что среди мировых держав Османская империя отличалась исключительным долголетием — существовала шесть столетий, из них четыре века продолжалось господство над православными христианами. Сила государственного управления основывалась не на наследственной, потомственной аристократии и знати, а на принципах заслуги. Если на средневековом Западе господствовала аристократия, то в Османской империи было впервые на континенте создано государство меритократии (элиты качества)¹. В отличие от Блистательной Порты христианская Европа придет к институту меритократии только через несколько столетий.

До XVIII века Турция была могущественнее России. Но благодаря петровским реформам Российская империя первой из стран тогдашнего «третьего мира» пошла по пути вестернизации. Завоевав Централь-

¹ *Кинросс Лорд*. Расцвет и упадок Османской империи / Пер. с англ. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.

ную Азию, Россия вместо Турции стала великой евразийской державой. Из 500 лет русско-турецких отношений 47 лет ушло на войны. Только за два столетия (1676–1878 годы) прогремело 10 русско-турецких войн, в значительной степени предопределивших распад Османской империи. Екатерина II была настолько уверена в победе над турками, что дала внуку имя Константин. Наследника готовили править в Константинополе.

Младотурки, вдохновленные примером евразийской России, решили в конце XIX столетия модернизировать свою империю путем вестернизации. Тогда они еще не знали, что российская вестернизация пойдет так далеко, что призрак коммунизма, неприкаянно бродивший по Западной Европе, похоронит Российскую империю, а после невероятных людских жертв произойдет очередная геополитическая катастрофы — самоубийство СССР. Потребовалось столетие и на рубеже двадцать первого века в турецком обществе начали вызревать семена сомнения о целесообразности бездумной вестернизации. Тем более что курс на Запад не способствовал решению внутренних болевых проблем: отношение к событиям 1915 года, которые рядом стран признаны как геноцид армян, курдский вопрос и проблема Кипра.

Современная Турция категорически отрицает факт геноцида армян, одновременно признавая массовую гибель армян и мусульман. Комитет палаты представителей по внешним сношениям США в марте 2010 года одобрил очередную резолюцию о признании геноцида армян перевесом в один голос. Что вызвало не только протест Анкары. Но, возможно, будет иметь кардинальные последствия во взаимоотношениях стратегических партнеров.

Согласно Севрскому мирному договору (1920 год), чтобы не допустить возрождения мощного турецкого государства, в противовес ему планировалось создать государство Курдистан². Настойчивость, с которой Запад (ныне США) пытается реализовать план создания курдской государственности, обусловлена не заботой о курдах, а в первую очередь направлена на недопущение в обозримом будущем возрождения имперских амбиций Турции. Многие годы не прекращается партизанская война курдов, насчитывающих по разным оценкам от 12 до 18 млн. человек. Однако Анкара пытается за счет экономического роста и определенных уступок решить курдскую проблему.

Лозаннский мирный договор 1923 года юридически оформил распад Османской империи и закрепил современные границы Турции. В результате Турция лишилась контроля над нефтеносным районом Мосул с преимущественно тюркоязычным населением (туркоманами), вошедшим в состав Ирака. В качестве компенсации Великобритания с

² В конце двадцатого столетия эта западная геополитическая технология будет использоваться против возрождения России за счет отрыва от неё самостоятельной Украины.

Ираком предоставили Турции право получать в течение 20 лет 10% доходов от добычи Мосульской нефти. В современном Ираке туркоманы являются третьим по численности народом (2,5 млн. человек) после арабов и курдов. Туркоманы исторически ориентируются на Турцию.

В 1974 году при поддержке греческой военной хунты на Кипре произошел военный переворот, в качестве ответной меры и Договора 1960 года Анкара ввела свои войска, чтобы защитить турецкую общину острова, где была провозглашена «Турецкая республика Северный Кипр». Турки убеждены, что раскол Кипра на турецкую и греческую общины организовал Запад, чтобы создать военные базы в Восточном Средиземноморье вблизи государств Ближнего Востока. На территории Кипра находятся две военных базы члена НАТО — Великобритании — Декелия и Акротири, которые Лондон объявил своими «заморскими территориями».

Новый геополитический выбор Турции. За последние годы осуществлена существенная геополитическая трансформация Турции³, заслуживающая пристального внимания другого евразийского государства — Российской Федерации. Современная Турция в отличие от олигархической, коррумпированной России эффективно использует цивилизационную рубежность, становится образцом для подражания не только для тюркских народов бывшего Советского Союза, но и самих русских. Возможно, турецкая элита нашла свою золотую середину в многомерном геополитическом, геоэкономическом и социокультурном коммуникационном пространстве. Евразийская Турция является ассоциированным членом Европейского Союза, членом НАТО и многих других влиятельных международных организаций. Но при этом член Североатлантического блока и стратегический партнер США проводит все более независимую от Запада политику.

Турция вступила в НАТО в 1952 году в разгар «холодной войны», когда были опасения возможной советской интервенции в направлении на Стамбул и оккупации зоны Черноморских проливов. В 1961 году в Турции были размещены американские ракеты средней дальности. Это вызвало резкую реакцию Москвы, размещение советских ракет на Кубе и Карибский кризис. В случае горячей стадии конфликта двух сверхдержав Турция оказывалась под возможным советским ударом. Уже тогда в турецком обществе возникли первые сомнения о целесообразности вхождения в Североатлантический блок.

Турецкая армия является второй в НАТО после США по численности вооруженных сил (652 тыс. военнослужащих с учетом жандарме-

³ Гусейнов В.А., Денисов А.П., Савкин Н.П., Демиденко С.В. Большой Ближний Восток: стимулы и предварительные итоги демократизации. — М., ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2007; Султанов Э. Выборы в Турции: референдум исламской модели. — Вопросы аналитики, 2007, № 4.

рии и береговой охраны). Согласно основному закону гарантом светского государства является турецкая армия, которая трижды (в 1960, 1971 и 1980 годах) брала власть, чтобы обеспечить сохранения курса кемализма. Таким образом, турецкая армия занимала на протяжении длительного времени господствующие политические позиции в государстве. На вооружении турецкой армии имеются пусковые установки оперативно-тактических ракет, 4,2 тыс. танков, 500 самолетов, ракетные фрегаты и корветы, десантные корабли и подводные лодки. Турция создала самый мощный в регионе модернизированный военноморской флот, который в 4,5 раза превосходит российский и украинский флоты. Турецкие спецслужбы подконтрольны Генштабу, а спецназ «бордовы береты» не уступает британским и американским спецподразделениям.

Обращает на себя внимание особенности членства Турции в НАТО. Турецкая власть сохраняет суверенное достоинство в этом военно-политическом блоке, на территории страны нет «чисто» американских военных баз и Анкара может сказать нет Вашингтону в тех случаях, которые противоречат национальным интересам. Как известно, Анкара не позволила использовать свои военные аэродромы для транспортировки американских грузов в Ирак. Московский Кремль, наоборот, разрешил использовать российский коридор для транспортировки грузов в Афганистан. Турецкая инициатива «Черноморская гармония» направлена против усиления военно-политического присутствия США в Черноморском регионе.

Современная Турция входит в «Большую двадцатку», претендующую заменить в ближайшем будущем западный клуб «Большой семерки», где на «табуретки» сбоку сидит Россия. Анкара была инициатором создания Организации Черноморского экономического сотрудничества. Турция играет активную роль в Азии, где входит в «Большую семерку» наряду с Китаем, Индией, Индонезией, Саудовской Аравией, Южной Кореей. В июне 2010 года в Стамбуле состоялся третий саммит набирающей политический вес международной организации — Совещания по взаимовоздействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Турция предпринимала попытки по урегулированию отношений с Арменией, выступает за создание региональной организации по решению проблем Южного Кавказа.

Иран со времен Османской империи являлся геополитическим соперником Турции. Сегодня Турция и Иран примерно равновелики по численности населения, а по объему и темпам роста ВВП вперед вышла Анкара. Благодаря Соединенным Штатам, терпящим поражение по демократизации Большого Ближнего Востока, происходит сближение геостратегических интересов Турции и Ирана в регионе. И после ухода американских войск из разоренного Ирака, возрастет роль Анкары и Тегерана в обеспечении региональной безопасности.

Турция вместе с Бразилией выступила посредником в решении тегеранской ядерной проблемы, что вызвало раздражения в Израиле.

Турция и Израиль на протяжении длительного времени являются стратегическими союзниками США на Ближнем Востоке. Это привело к более тесным связям турецкой и израильской военной элиты. Напряженные отношения между Анкарой и Тель-Авивом после инцидента с «Флотилией свободы» привели к активизации курдских террористов, устроивших теракт в Стамбуле против военнослужащих. Турецкие курды (РПК) так же заявили о возможном провозглашении «демократической автономии» на юго-востоке страны. Эта активность вряд ли была возможна без поддержки американских спецслужб. США заинтересованы умерить независимый от Вашингтона внешнеполитический курс Анкары.

В середине 1990-х годов Турция установила партнерские отношения с Китаем. Анкара признала Синьцзян — Уйгурский автономный район неотъемлемой частью КНР и прекратила политическую деятельность местной уйгурской диаспоры, выступающей за независимость Восточного Туркестана. Таким образом, Турция дистанцировалась от своих западных партнеров, и обеспечила поддержку со стороны Китая (постоянного члена Совбеза ООН) в курдском вопросе⁴.

За последнее время происходит углубление российско-турецкого экономического сотрудничества, отмечается общий подход в решении региональных проблем в Черноморском регионе и Южном Кавказе. Сближению Северного и Южного полюсов Евразии — России и Турции — способствует неоспоримый факт исторического сосуществования русских и тюркских народов в границах российской государственности⁵. У России и Турции общее имперское прошлое и неприятие Западом. Но имеются существенные различия в менталитете русских и турок. Восточная политика более гибкая, и не делит резко мир на «белый» и «черный». Укрепление российско-турецких отношений рассматривается на Западе как нежелательное усиление евразийских держав, способных создать Балто-Черноморский щит.

В отличие от российского руководства Анкара проявляет больше достоинства в отношениях с Вашингтоном. Здесь немислимо, чтобы местные политики приходили в восторг от подаренной членом американской администрации авторучки или кнопки «перезагрузки». Турки не допускают «потери лица» государства, не компрометируют Ататюрка («отца нации»), в отличие от многократно оболганных советских коммунистических вождей.

Геополитическая трансформация Турции ведет к смене соотношений внешнеполитических предпочтений в турецком обществе. На фоне

⁴ Островская Е. Уйгурский проект // Вестник аналитики, 2010, № 2.

⁵ Агаев Р. Евразийский дискурс российской геополитики // Вестник аналитики, 2008, № 3.

уменьшающегося числа сторонников бездумной вестернизации и американизации, исламисты выступают за активизацию роли Турции на Ближнем Востоке, а евразийцы — за интеграцию тюркских народов. Одновременно возрастает зависимость Запада от Турции. От будущего турецкого «энергетического моста» зависит Европейский Союз. Поэтому, несмотря на кризис в ЕС, Европейский Инвестиционный Банк существенно увеличил вложения в турецкую инфраструктуру до 2,7 млрд. евро в год. Для Соединенных Штатов и НАТО Турция важна как главный стратегический партнер на Ближнем Востоке.

При переходе к многополярности формируются новые геополитические модели региональной интеграции. Совсем недавно казалось, что вне конкуренции **европейская модель интеграции**, обеспечившая высокое качество жизни. Она стала особенно привлекательна для европейских стран бывшего «социалистического лагеря» и большинства бывших союзных республик. Модель европейской интеграции считалась самой успешной, пока не произошло «головокружение от успехов». Внешне либеральная, но потребительская по своей сущности модель испытывает кризис за счет расширения за пределы пространства западноевропейской цивилизации. Когда большинство стран ЦВЕ устремились к «богатому пузу» Запада.

На протяжении более полувека (с 1963 года) Турция ведет переговоры о членстве с Евросоюзом. Европейский Союз регулярно отклоняет турецкие намерения на вступление в Сообщество из-за нарушений прав и свобод человека, насильственной ассимиляции национальных меньшинств и нежелания признать греческий Кипр. Нерешительность ЕС в отношении членства Турции (и хочется и колется) усиливает понимание в турецком обществе необходимость критически оценить «европейскую мечту» и выработать новую геополитическую стратегию. В результате в турецком обществе все больше сторонников, выступающих за выход Анкары из многолетнего «предбанника» Европейского Союза. При этом местные аналитики напоминают, что вступление мусульманской Турции в ЕС являлось американским проектом, когда Вашингтон опасался усиления сближения Германии и Франции после Второй мировой войны. Согласно турецким социологическим опросам общественная поддержка планов европейской интеграции упала за последние пять лет с 70% до 40%. Как становится очевидным, на этом пути имеются и глубокие цивилизационные (социокультурные и конфессиональные) барьеры.

В возрождении исламских традиций значительная часть турецкого общества видит спасение от разлагающего влияния западной глобализации. «Исламский ренессанс» привел к созданию политического течения неоисламистов, призванного выполнить такую же революционную роль, какую в судьбе Европы сыграли европейские протестанты. Как известно, в политическом поле Западной Европы сегодня хри-

стианские демократы правят наравне с другими партиями, и в Турции справедливо считают, что у них тоже может быть партия такого же типа⁶.

В западных СМИ часто используют двойные стандарты и упрощают происходящие в Турции процессы. Признавая успехи турецкого либерализма, одновременно отождествляют исламских демократов с новой имперской (неооттоманской) политикой. Стоит только восточной стране претендовать на роль региональной державы, как Вашингтон обвиняет её в имперских амбициях. По сложившейся традиции не воспринимает Запад и доктрину евразийства, ассоциируемую с политикой авторитаризмом. Настало время внимательно присмотреться, почему «исламский протестантизм» и евразийская доктрина — это плохо, а оказавшаяся провальной евразийская геополитика США по демократизации Большого Ближнего Востока — это «безграничная справедливость»?

В современном мире доктрина евразийства трансформировалась в несколько разновидностей неоевразийства (проект Нурсултана Назарбаева «Евразийский союз» равноправных государств и др.). Евразия рассматривается как геополитическая ось Берлин — Москва — Токио — Тегеран (Александр Дугин), Берлин — Москва — Пекин. Евразийская Турция с учетом своего геополитического положения предложила другую модель.

Евразийская геополитика Турции связана с культурным и политическим (идеологическим) течением пантюркизма (пантуранизма), в основе которого идея о необходимости политической консолидации тюркских народов на основе их этнической, культурной и языковой общности. Эта идеология, сформировавшаяся еще во второй половине XIX века, стала фундаментом геополитической концепции «Великого Турана» — создания единого государства тюрков. Большую роль в её формировании сыграл европейский национализм. В отличие от геополитической концепции всемирной революции «Пролетарии всех стран объединяйтесь», показавшую свою полную несостоятельность, концепция «Великого Турана» выглядела более реалистичной. В 1933 году Ата-тюрк говорил: «Советский Союз когда-нибудь распадется. Там есть наши братья и придет день, когда мы должны будем их поддержать».

После распада СССР Турция стала претендовать на роль региональной державы и лидера в тюркском мире, активно включилась в «большую геополитическую игру» на Кавказе. Стратегическим партнером Турции на Южном Кавказе стал Азербайджан, где с советских времен отмечались симпатии к турецким братьям-тюркам. Однако Турция выступила в роли нового «старшего брата», что охладило сторонников неопантюркизма не только в Баку⁷, но и в других тюркских независимых республиках. Экономический кризис в Турции в конце 1990-х годов способствовал более умеренной внешней политике, уменьшились призывы к созданию «Великого Турана». Из-за ограниченных

⁶ Агаев Р. Турция: схватка на перепутье // Вестник аналитики, 2008, № 4.

⁷ Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития. Отв. ред. и рук. авт. кол. В.А.Гусейнов. — М.: Красная звезда, 2008.

экономических и финансовых возможностей, а также внутренних проблем Турция не смогла заполнить геополитический вакуум, образовавшийся после распада СССР в тюркских республиках Каспийского региона.

Но с учетом допущенных ошибок во внешней и внутренней политике в последнее десятилетие Турция успешно сочетает политику либерализации экономики и «мягкой исламизации» при возросшей роли СМИ в общественной жизни. В результате Турция, а не олигархическая Россия с масштабной коррупцией стала образцом для подражания для тюркских республик бывшего Советского Союза. Турция превратилась в евразийскую региональную державу и разворачивается во внешней политике лицом к соседям. Новый курс был сформулирован в труде Ахмета Давутоглу «Альтернативные парадигмы: влияние исламского и западного мировоззрений на политическую теорию» в виде простой формулы: «ноль проблем с соседями». В частности, в этой формуле содержится мысль, что нельзя вечно идти на конфронтацию с соседями только из-за того, что много лет назад арабы возглавили восстание против Османской империи. Известный ученый на практике реализует этот курс в ранге министра иностранных дел Турции в правительстве Реджепа Эрдогана.

Практически Турция реализует **либеральную многopартнерскую версию неоевразийской доктрины с элементами учения «о третьем пути»**, эффективно сотрудничая с Западом и Востоком в отличие от многовекторной российской политики постоянных уступок. Этот курс обострил борьбу местных западников и евразийцев, о чем свидетельствуют произведенные в 2008 и 2010 годах аресты членов общества «Эргенекон». Исламская модель (панисламизма) интеграции на религиозной основе скомпрометирована радикальным фундаментализмом. Таким образом, Турция не только возрождается как региональная держава, но и смогла предложить свою модель интеграции в многополярном мире.

Становится очевидным, большие геополитические пространства Евразии, проектируемые Соединенными Штатами с центром в Вашингтоне, оказались большим блефом, за который уже заплачено миллионы жизней мусульман и других народов. Многополярный мир формируется на основе региональной, а не мировой биполярности. Фундаментом этого мира могут стать, например, геополитические оси в Европе (Берлин — Москва), на Ближнем Востоке (Анкара — Тегеран), в Индокитае (Бангкок — Ханой). Но региональная геополитической архитектуры мира не станет безопаснее, чем мировая биполярная система, а вероятность этнонациональных и этноконфессиональных конфликтов возрастет. Сбываются прогнозы, что победа в холодной войне христианского Запада над православным Востоком оказалась пирровой. Такая «победа» соответствует основному принципу традиционной геополитике

Поднебесной: пусть варвары передерутся, и ослабленный победитель «приползет» в Пекин. Фактически, мировая геополитическая архитектура развивается не по американскому, а китайскому сценарию. Пекин, следуя заветам Дэн Сяопина, не стремится к глобальному биполярному миру, чтобы не повторять ошибок Советского Союза, взвалившего на себя непосильный груз ответственности за «прогрессивное человечество». Интеграционная геополитика «Большого Китая» осуществляется на основе консолидации китайцев во всем мире.

Чтобы не допустить или смягчить нестабильность в многополярном мире, необходимо образование как минимум двух геополитических осей региональных держав в многомерных Больших пространствах. Так, например, в Евразии, отождествляемой с Тураном, возможна геополитическая ось Москва — Анкара. Учитывая традиционные связи России и Турции с Европой, этот треугольник может более надежно обеспечивать международную безопасность. Возможно, многопартнерская геополитика Турции находится на этом пути.

На этом фоне обращают на себя внимание **неудачи российской модели интеграции постсоветского пространства**, которая привела к образованию преимущественно слабых и неустойчивых региональных группировок. Угасающая «великая держава» в целях лояльности Кремлю используется цены на природный газ. Что приводит к периодическим «газовым войнам», приносящим ущерб международному имиджу России. А предупреждения об отключения от газовой трубы напоминают тысячное китайское предупреждение «американскому бумажному тигру» из недалекого прошлого. Олигархическая модель криминально-коррупцированной демократии является абсолютно не привлекательной для интеграции на постсоветском пространстве. Россия не может предложить новейшие технологии, качественное образование и достижения культуры. Кремлевская власть продолжает демонстрировать свою зависимость от Запада и Китая, идя на бесконечные уступки, равносильные предательству национальных интересов. В таких условиях восстановить интеграционный имидж страны (правопреемницы СССР), предавшей мировое левое (коммунистическое) движение и своих многочисленных союзников, остается исключительно проблематичным.

Евразийский «тигр». За последние десятилетия, несмотря на внутренние проблемы, Турция в отличие от другой евразийской державы — России — осуществила успешную модернизацию, и разрыв в макроэкономических показателях неумолимо сокращается. Турция вышла в 2009 году на 16-е место среди крупнейших экономик мира по объему внутреннего валового продукта (880 млрд. долл.). По этому макроэкономическому показателю сокращается разрыв с Россией. ВВП Турции в 1990 году составлял 29% от российского, а в 2009 году — 73% и в 5,2 раза превышает украинский ВВП. Турция занимает 18-е место в

мире по ВВП на душу населения (Россия на 51-м месте). За последнее десятилетие среднегодовой рост экономики составил почти 6%. Во время мирового финансового кризиса турецкие темпы роста стали самыми высокими в Европе. Особенно эффективно развивается обрабатывающая промышленность и индустрия туризма. Страна полностью обеспечивает себя продовольствием.

Турция обладает самыми крупными запасами пресной воды на Ближнем Востоке. Здесь истоки великих исторических рек Тигра и Евфрата. Это огромное стратегическое преимущество в регионе, где многие войны шли из-за дефицита пресной воды. Евфрат только в Турции имеет притоки и на всем остальном протяжении не получает воды. Обеспечение пресной водой Ирака зависит от Турции и Сирии.

Перед распадом Советский Союз занимал 25-е место в рейтинге Программы ООН по человеческому развитию и существенно опережал по интегральному показателю, отражающему не только уровень, но и качество жизни, Турцию. В настоящее время разрыв существенно сократился. Правопреемница СССР «скатилась» на 71-е место, тогда как Турция поднялась на 79-е место.

Население Турции увеличилось с 1923 года с 12,5 млн. до 77,8 млн. человек (17-е место в мире), из них — 66,7% турки и 24% курды. Далее идут крымские татары, боснийцы, лазы, албанцы, грузины, арабы. Из менее крупных общин следует выделить туркмен, азербайджанцев, армян, абхазов, левантинцев, болгар, ассирийцев, евреев и греков. В стране постоянно проживает 250 тыс. граждан Российской Федерации. Турция сохранила космополитизм бывшей империи. Здесь живет больше боснийцев, чем в Боснии, больше албанцев, чем в Албании, больше абхазцев, чем в Абхазии⁸. Это оценки экспертов, так как перепись по национальному признаку в Турции не проводится. С помощью успешной экономической политики Турция, где доминируют мусульмане-сунниты, надеется решить внутренние национальные проблемы.

Население тюркских республик (Турция, Казахстан, Азербайджан) за последние двадцать лет увеличилось на 6,7 млн., а преимущественно славянских республик Восточной Европы сократилось на 16,3 млн. человек. За прошедшее столетие существенно сократился разрыв в численности населения в современных границах России и Турции. В 1990 году численность населения России в 6 раз превышало аналогичный показатель Турции, а в 2010 году — всего в 1,8 раза.

Несмотря на экономический кризис конца 1990-х годов, либеральные реформы в Турции в отличие от России оказались успешными. Турецкий капитализм формировался естественным путем снизу. Местные предприниматели не получили «жирные куски» общенародной собственности, тогда как капиталы российских олигархов была «нажаты» в результате присвоения общенародной собственности. В результате турецкий собственник более эффективен, чем российский.

⁸ Бекиров С. Подствольная демократия // Московские новости, 2–8 ноября 2007 г.

Ближний Восток и особенно Турция традиционно являются зоной экономических интересов Германии. Со времен строительства Багдадской железной дороги немецкий капитал получил постоянную прописку в регионе. Не случайно главным торговым партнером Турции многие годы была Германия. С помощью немецкого капитала и технологий в Турции построены многие промышленные объекты. В Турции работает свыше 12,6 тыс. европейских компаний, из них 4 тыс. — немецких. Германия проявляет вместе с Турцией сдержанность и дистанцирована от своих стратегических партнеров по НАТО по проблеме вокруг Ирака.

В процветании турецкого бизнеса есть большая заслуга Москвы, позволившей захватить значительную часть текстильного и продовольственного российского рынка. В настоящее время Россия является главным внешнеторговым партнером Турции. Но основу российского экспорта составляет природный газ (75%) и металлы (20%), тогда как Турция экспортирует в Россию преимущественно машины и оборудование (30%), текстиль (20%) и продовольствие (15%). В России работает свыше 150 турецких строительных фирм. С каждым годом Турция в отличие от России увеличивает экспорт высокотехнологичной продукции. Россия и Турция намерены увеличить двухсторонний товарооборот с 23 млрд. долл. в кризисном 2009 году до 100 млрд. долл. в 2014 году.

Индустрия туризма, обеспечивающая лучшее в мире соотношение цены и качества предоставляемых услуг, стала визитной карточкой страны и способствует реализации многопартнерской геополитики. Турция входит в первую десятку мировых лидеров туристической индустрии и ежегодно получает от международного туризма свыше \$18,5 млрд. Турция располагает кроме теплых морей и солнца достопримечательностями и объектами туризма мирового значения, многочисленными памятниками античной, византийской и других эпох. Благодаря глобальному финансовому кризису Турция становится ключевым игроком на мировом рынке туризма, поток туристов в 2009 году возрос на 10%. Турцию ежегодно посещают свыше 27 млн. иностранцев, в том числе свыше 3 млн. граждан России. В кризисном 2009 году был отмечен более чем 25–30% рост численности туристов из России, тюркских республик Центральной Азии, арабских стран Ближнего Востока (Сирия, ОАЭ, Катар и Саудовская Аравия) и Ирана. Ни одна страна в мире не может похвастаться таким ежегодным ростом туристического потока. Сервис «все включено» в отелях Турецкой Ривьеры свидетельствует не только о создании эффективной модели в сфере туристических услуг, но и о низком уровне коррупции, что является лучшей рекламой государства. Турция оставляет далеко позади по качеству сервиса и дешевизне услуг Южный Берег Крыма (Украина) и Сочи (Россия), где в стоимость услуг включен коррупционный НДС, составляющий примерно 20%. Турецкий сервис недостижим и для Израиля, который установил безвизовый режим для туристов из России и Украины. Евреи склонны больше к чистой коммерции и не могут обеспечить надлежащий сервис услуг.

В отличие от примитивной и провальной национальной идеи «удвоения ВВП», предложенной народу российской властью, турецкие неоисламисты из правящей партии фундаментом успешного бизнеса считают сочетание высоких технологий с высокими моральными качествами. Успешная модернизация стала возможна благодаря политической воле турецкой власти, эффективно использующей евразийское положение страны на историческом перекрестке торговых путей соединяющих Европу с Азией и Черноморье со Средиземноморьем. Но главное, в многопартнерской геополитике Турции доминирует чувство национального достоинства и отсутствует слепое раболепие власти перед Западом.

Эльдар КАСАЕВ

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ*. ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЗАЦИИ ИСЛАМА НА НАЦИОНАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Исламу принадлежит особое место в становлении системы региональных международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке. Во многом это определено той ролью, которую сыграла мусульманская религия в судьбах народов этих регионов, их социально-экономической и политической жизни.

Под знаменем ислама разворачивался первый этап национально-освободительных движений в ряде восточных стран. Наряду с национализмом ислам нередко выступал в качестве составной части мобилизующих идеологических концепций, которые использовались политическими лидерами Востока в борьбе за независимость или в процессе модернизации. Мусульманские движения стали неотъемлемым элементом политического спектра переходного общества.

Ближний и Средний Восток — это историческая родина ислама и традиционный ареал формирования мусульманской культуры. Здесь находятся главные святыни последователей основных направлений в исламе (суннитов и шиитов).

Сегодня этот регион продолжает оставаться эпицентром исламского влияния на все другие страны мира, население которых исповедует эту религию, в том числе Россию и часть государств СНГ.

Это влияние включает в себя распространение исламского духовного наследия, мусульманских культурных традиций, достижений современной исламской мысли, а также опыта политических и социально-экономических преобразований на основе исламской модели развития или попыток ее претворения в жизнь.

---

* Термин «фундаментализм» в своем первоначальном значении употреблялся в отношении определения крайне консервативного течения в современном протестантизме, возникшего в начале XX в. в южных штатах США. Фундаментализм выступал против либерального протестантского рационализма, который осуждался как модернизм. Для протестантского фундаментализма характерно непринятие любой критики или рационалистического истолкования Священного Писания — «фундамента» христианства.

Вместе с тем, воздействие исламского фактора на региональные международные отношения часто отождествляется с деятельностью исламистов (сторонников использования ислама в политических целях), направленной на приобретение власти, часть из которых выступает под лозунгами возрождения истинного ислама и отрицает свою приверженность к процессам индустриализации и модернизации. Так ли это на самом деле?

Являются ли попытки создания исламистами на территории Северного Кавказа суверенного мусульманского государства, приводящие к кровопролитным вооруженным столкновениям и политической нестабильности в регионе, средством модернизации?

Рассмотрение и подробное ознакомление с условиями возникновения политизированного исламского фундаментализма, его особенностями и эволюцией в различных мусульманских странах поможет четче разобраться в истинных и мнимых целях этого движения, а также выявить его особенности в масштабах России.

Различные подходы к исламу

Отечественные политологи, историки, социологи стали в последнее время уделять внимание превращению исламского фундаментализма на Ближнем и Среднем Востоке в самостоятельный фактор международной и региональной политики.

На характер очередного этапа в развитии исламского фундаментализма повлияли, главным образом, два обстоятельства.

Во-первых, это изменения, произошедшие в нашей стране и в мире за последнее десятилетие, многие из которых объективно способствовали возникновению новых предпосылок для роста фундаменталистских тенденций в исламе.

Прежде всего это выразилось в фактическом создании монополярного мира, значительной утрате влияния России на Ближнем Востоке, образовании на постсоветском пространстве новых государств «исламской ориентации», руководство которых декларирует приверженность мусульманским ценностям или включает свою территорию в «районы традиционного распространения ислама».

Во-вторых, всплеск мусульманского радикализма в отдельных государствах Ближнего и Среднего Востока инициировал в свою очередь обострение противоречий между представителями различных течений и направлений в самом исламе.

Вопросы, связанные с изучением феномена исламского фундаментализма и его влияния на социально-политическую обстановку в странах Ближнего и Среднего Востока, уже сравнительно давно находятся в поле зрения зарубежных и отечественных исследователей. Вместе с тем, воздействие (прямое или косвенное) «радикального ислама» на

формирование региональных международных отношений, с учетом значительной вовлеченности в дела региона других государств, может представлять определенный практический интерес.

Одной из первых проблем, с которой сталкивается исследователь при рассмотрении исламского фундаментализма, является неоднозначность трактовки самого термина. Иногда даже высказывается мнение о существовании нескольких разных «фундаментализмов».

Считается, например, что в исламских странах с переходным типом экономики в религиозной сфере присутствуют и взаимно влияют друг на друга три тенденции, которые некоторые отечественные исследователи определяют как типы религиозного сознания в исламе.

Это «ортодоксальная», или «традиционалистская» (носители которой оправдывают существующее положение и противодействуют каким-либо экономическим и социально-политическим переменам и в принципе возражают против изменений исламского вероучения), «возрожденческая» (выступают за очищение ислама и возврат к его истокам, то есть, так называемые фундаменталисты) и «реформаторская», или «модернистская» (требуют модернизации исламской практики в соответствии с изменившимися условиями реальной жизни).

Со своей стороны замечу, что в идеологии исламского возрождения доминируют традиционалистская и возрожденческая тенденции. Обе они взаимопересекаются, вступают в противоречия и вместе с тем составляют единое целое.

В то же время, указывая на два основных направления (традиционализм и модернизм), нельзя не выделить в традиционной форме еще одно направление — исламский фундаментализм.

Внешне традиционализм и фундаментализм схожи, так как и тот, и другой выступают за возрождение традиционных исламских норм поведения, обычаев, наказаний. Более того, и тот, и другой порой применяют, хотя и в разной степени, экстремистские методы. Однако за общей формой существуют серьезнейшие расхождения. Каковы же они?

Традиционализм использует традиционную форму для сохранения традиционных отношений. Фундаментализм же делает то же самое, стремясь к радикальной перестройке или даже к революции. Кроме того, различие между традиционализмом и фундаментализмом заключается еще и в том, что традиционалисты ограничиваются территорией своей собственной страны, а фундаменталисты стремятся выйти за ее пределы.

Некоторые исламоведы, в известной мере, скептически оценивают термин фундаментализм. Так, например, известный политолог Джон Эспозито воспринимает фундаментализм как термин, слишком перегруженный христианскими понятиями и западными стереотипами, а также как термин, заключающий в себе монолитную угрозу, которой не существует.

Однако наличие достаточно широкого спектра подходов к определению понятия исламский фундаментализм на практике часто сводится к более упрощенной трактовке. Многие обозреватели, аналитики, специалисты-практики, журналисты рассматривают исламский традиционализм как сравнительно устоявшееся понятие, обозначающее, в том числе, политику, направленную на сохранение или возрождение традиционной исламской модели общественных отношений, как условия дальнейшего успешного развития мусульманской общины (уммы).

При таком подходе собственно исламский фундаментализм представится как явление, возникающее на основе традиционализма в период очередной революционной фазы, когда появляется необходимость радикального возвращения к истокам по принципу: «Назад — в будущее».

В целом можно выделить ряд характерных черт, свойственных исламскому фундаментализму.

Особенности исламского фундаментализма

Первое. Обращение к истокам вероучения в целях перестройки общественных отношений на основе базовых религиозных ценностей — возрождение истинного ислама.

Второе. Активные действия по установлению исламской власти, приведению законодательства в соответствие с положениями Корана и Сунны, продвижению во все сферы общественной жизни норм морали, существовавших во времена Пророка и его ближайших сподвижников.

Третье. Более или менее радикальный характер проводимых в соответствии с идеологическими установками политических, социальных и экономических преобразований (так называемая исламская революция).

Четвертое. Осуществление активного внешнеполитического курса в направлении достижения единства с аналогичными движениями за рубежом; проведение международной деятельности по распространению идей исламского возрождения.

Последнее, в частности, характерно не только для Ближнего и Среднего Востока, но и отчасти для регионов Северного Кавказа и Средней Азии.

С учетом изменений в религиозно-политической обстановке в странах Ближнего и Среднего Востока, вызвавших в последние годы известную нивелировку различий в формах и методах действий сторонников многочисленных направлений традиционализма и фундаментализма, можно указать на появление более универсального определения понятия исламизм.

Если в середине 1990-х годов исламизм трактовался как новый фундаментализм, то сегодня его чаще употребляют в значении политиче-

ский ислам, а исламистами на Ближнем Востоке нередко называют уже всех тех, кто активно использует исламскую религию как средство достижения политических целей.

Очередная волна политизации ислама в современном мире происходит на фоне процессов, которые одни обозреватели, чаще всего на Западе, объясняют как следствие «цивилизационного противостояния», а другие, преимущественно в исламских странах Востока, определяют как своего рода новую фазу неизбежного конфликта между постиндустриальной и альтернативной ей традиционалистской моделями развития.

В обоих подходах исламский фундаментализм, выступающий в качестве фактора региональной международной политики, приобретает в известной мере конфронтационный и деструктивный смысл. Вместе с тем, значение этого феномена в социальной жизни и политических отношениях на Ближнем и Среднем Востоке представляется гораздо шире и не может рассматриваться вне контекста объективных условий его возникновения.

В последнее время в вопросах соотношения ислама и политики стали формироваться два подхода к оценке идеологии и практики современного исламизма.

Первый подход заключается в трактовке происходящих в мусульманском мире событий с позиций возрождения ислама. Второй — за активизацией исламского фактора стоят конкретные экономические и политические интересы.

В первом случае прослеживается идея о том, что современный исламский фундаментализм — это закономерное явление в рамках очередной волны исламского ренессанса и исламской модернизации. Оно отражает стремление части мусульман к возрождению истинных исламских ценностей в условиях процесса глобализации, а также связано с сохраняющимся цивилизационным противостоянием.

В этой связи следует заметить, что существующее несправедливое положение в международных отношениях, отсутствие реально устраивающих население развивающихся стран результатов в построении демократического, гражданского общества, нерешенность острых социально-экономических проблем — все это выступает факторами, способствующими переходу радикальных исламистов на позиции политического экстремизма.

При таком подходе проблема так называемого исламского терроризма в ряде случаев предстает как отражение экстремальных форм борьбы за равноправное участие в мировой политике, реакция на засилье западных стран в мировых делах, как борьба за национальный или конфессиональный суверенитет.

Политологическая оценка с таких позиций происходящих событий дает иные, чем с применением иного подхода (если можно так выра-

зиться, политического ислама), результаты. Исходным пунктом этой методики, как правило, выступает анализ геополитических мотивов (нефть, сферы влияния) в международных делах. При этом сторонники данного подхода полагают, что, например, за ваххабизмом в России, движением «Талибан» в Афганистане, организацией «Братьев-мусульман» в Египте стоят конкретные политические силы, которые используют религиозный радикализм этих и подобных движений в интересах решения своих корыстных, в конечном итоге, задач.

Под таким углом зрения исламские экстремисты предстают как бы орудием в проведении политики отдельных западных или восточных государств, направленной на достижение конкретных геополитических целей: создание позиций или установление контроля в жизненно важных регионах — торговые пути, транспортировка энергоносителей, добыча отдельных видов минералов.

Таково схематичное и далеко неполное изложение различных взглядов на проблему соотношения ислама и политики в современном обществе. Однако есть и некоторые дополнительные возможности для прогностического анализа дальнейшего хода распространения идеологии исламского фундаментализма и ее влияния на международные отношения, которые лежат в иной плоскости.

Эволюция социальной базы

Возможно, продуктивным будет изначальный совокупный учет социально-экономических интересов различных слоев исповедующего ислам населения. В конечном счете спрос электоральных групп на радикальный ислам, который предполагает решительные шаги по установлению «исламского порядка» (социальной справедливости, равенства, введение в действие шариата — божественного, а не людского законодательства), рождает соответствующее предложение.

При этом социальная база исламистов будет пополняться за счет представителей тех групп населения, которые связывают удовлетворение своих социально-экономических и соответствующих им политических интересов с установлением исламской формы правления.

Следует напомнить, что выход исламских фундаменталистов на авансцену политической жизни, увенчавшийся приобретением ключевых позиций во властных структурах ряда стран Ближнего и Среднего Востока или установлением их доминирующего идеологического влияния на общество, или же образованием мощной оппозиции правительству в этих государствах, был обусловлен, прежде всего, социально-экономическими причинами.

Напряженная экономическая ситуация, вызванная, в известной мере, подчиненным положением восточных стран западным транснациональным корпорациям, позволила радикальным исламским груп-

пировкам привлечь симпатии представителей беднейших слоев населения.

Кроме того, исламские движения, основы которых изначально составляли радетели за чистоту ислама, требовавшие возвращения к временам праведных халифов, социального равенства и справедливости, приняли на себя функцию выразителей интересов части социальных слоев и групп, возникших, в том числе и как результат попыток модернизации традиционного общества на основе заимствованных моделей.

В данном случае исламским фундаменталистам удалось использовать протестные настроения части населения в интересах обеспечения поддержки планов по реализации своих идеологических установок. Их социальная база формировалась во многом благодаря специфической роли исламской религии в политической жизни Востока.

Говоря о различиях общественного устройства в христианском и мусульманском мире, стоит отметить, что ислам как религиозная доктрина и форма социальной организации всегда играл на мусульманском Востоке несколько иную роль, нежели христианство в Европе. Он заполнил собой все поры мусульманского общества, определил характер экономических отношений и формы политической администрации, социальную структуру, культуру и быт правоверных. Духовная жизнь в мусульманских странах протекает в рамках ислама, является исламской как по сути, так и по форме. Для мусульманина выступить против ислама означает выступить против всего того, что есть в жизни и в обществе, противопоставить себя ему, оказавшись вне его и закона.

Обоснованность введения исламской формы правления, согласно представлениям исламских фундаменталистов, заключается даже не столько в универсальности норм шариатского права для значительной части афро-азиатских обществ, сколько в его альтернативности законодательству, принимаемому в соответствии с западным (изначально, в период древности, — античным) путем развития. Кроме того, в жизненности заложенных еще во времена пророка Мухаммеда принципов конституционной слитности уммы, которая, вне зависимости от национальной и культурной принадлежности, объединяет всех правоверных.

Политическая деятельность исламских фундаменталистов различается в зависимости от их положения в обществе: легальное в Судане, Марокко, Палестинской автономии, Ливане, полулегальное в Йемене, Саудовской Аравии и нелегальное в Алжире, Египте.

В большинстве стран Ближнего и Среднего Востока группировки фундаменталистской ориентации подразделяются на умеренные, радикальные и экстремистские. Основным критерием этого разделения служит, как правило, степень их вовлеченности в оппозиционную или антиправительственную деятельность, а также готовность к при-

менению насильственных и вооруженных методов в достижении поставленных политических целей.

Вместе с тем, общая идеологическая платформа исламского фундаментализма (как в шиизме, так и в суннизме) в целом, несмотря на имеющиеся различия, сохраняется.

Проблема насилия при осуществлении «исламского призыва» в концепциях различных направлений движения фундаменталистов обуславливается имеющимся противоречием между декларируемыми принципами мирного сосуществования представителей различных вероисповеданий и требованиями джихада, который является священной обязанностью каждого мусульманина, и решается фундаменталистами в зависимости от конкретных социально-политических условий их деятельности.

Установление «исламского порядка» в понимании мусульманских фундаменталистов означает возврат к первоначальным ценностям исламской цивилизации, реконструкции раннего исламского государства («халифата Тимамата») и возвращения к положению, которое существовало во всех областях — социальной, экономической, политической и культурной — в эпоху пророка Мухаммеда и его ближайших сподвижников на основе возрождения фундаментальных духовных ценностей.

Вся жизнь общества, которое, по замыслу фундаменталистов, отвечает идеям социальной справедливости и гармонии, регламентируется положениями шариатского законодательства. В производственно-экономической сфере допускается как частная собственность, основанная на личном труде, так и общественная — государственная и кооперативная; средства производства используются в интересах всей общины; распределение осуществляется по принципу «от каждого — по способностям, каждому — по благочестию».

Перечисленные выше некоторые характерные черты и установки исламского фундаментализма в той или иной мере присущи в целом большинству исламских движений, проповедующих идеологию возрождения истинного ислама. Однако роль исламского фундаментализма, как и вообще исламского фактора, специфична для разных государств Ближнего и Среднего Востока.

Очаги исламизма

В 1990-х годах наметилась тенденция к образованию своего рода многополярности очагов исламского фундаментализма. В частности, выделился ряд стран, на территории которых в силу разных причин происходил рост исламских движений, придерживающихся фундаменталистской идеологии. Среди них Алжир, Египет, Судан, Палестинская автономия, Йемен, а также Иран и Афганистан.

Кроме того, продолжалась деятельность исламистов в Саудовской Аравии, которая приняла форму религиозной оппозиции, а также в других мусульманских регионах Востока. Этот процесс не прекращается, и в будущем возможен перенос активности исламистов в другие страны, которые со временем могут также войти в зону влияния исламских фундаменталистских группировок.

Немаловажное значение для всестороннего анализа региональных международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке приобретает учет деятельности различных исламских неправительственных религиозных организаций, не имеющих прямого отношения к группировкам исламистов. Как правило, активность этих организаций носит межмусульманский характер и не имеет ярко выраженной радикалистской направленности.

Среди пользующихся наибольшей популярностью таких объединений можно выделить, например, суннитскую Группу уведомления и предупреждения о грядущем Страшном суде и исламского призыва, которая возникла в Индии в начале XX века и затем распространилась в Пакистане, Бангладеш, других регионах Азии, в большинстве арабских стран, а также Европе и Америке. Главный духовный центр этой организации находится в Дели, откуда осуществляется руководство национальными ассоциациями по всему миру.

Религиозная доктрина группы, основанная на Коране и Сунне, испытала на себе значительное влияние суфизма. Суфийская практика используется в религиозном воспитании и наставлении, а некоторые организационные принципы дервишеских орденов служат основой работы по привлечению новых сторонников. В своей проповеднической деятельности члены группы исходят из того, что, наставляя на путь истинный человека за человеком, они постепенно добьются устранения греховности из общества. Они не поддерживают, хотя и не отвергают, идею «удаления дурных поступков», которой придерживаются некоторые радикальные традиционалисты, в частности, в Саудовской Аравии.

По их воззрениям, добиться отречения от греховного возможно путем напоминания о наказании в день Страшного суда. Их убеждения запрещают юридическо-богословские изыскания, поскольку считают, что в нынешнее время утрачены условия, позволяющие такого рода творчество.

Тем не менее на сегодня можно констатировать, что процессы, происходившие в указанных выше странах, оказывали более или менее заметное влияние на региональные международные отношения не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в более широких масштабах.

В качестве примера можно сослаться на такой, ставший сегодня уже общепризнанным, факт, как применение некоторыми ведущими

западными государствами политики «двойных стандартов» в отношении различных стран Ближнего и Среднего Востока.

В частности, США время от времени поднимают вопрос о государственной поддержке терроризма отдельными восточными странами. В этом контексте проглядывается не только двойственность американского подхода к тем или иным субъектам международного права, но и неспособность американских политиков осуществлять взятые добровольно на себя в одностороннем порядке обязательства по контролю за нераспространением террористических проявлений на почве религиозного экстремизма.

Антиреклама — тоже реклама

Попытки установления США «нового мирового порядка», исходя из их собственных интересов, без учета реалий многополярного мира приводят к возрастанию неуправляемости так называемого исламского фактора. Это влечет за собой невозможность оказания другими членами международного сообщества реального сдерживающего воздействия на распространение исламского экстремизма. Ставка на использование военной силы в подавлении очагов терроризма или ликвидации отдельных лиц, квалифицируемых США в качестве спонсоров международного терроризма, не только не эффективна, но и чревата непредсказуемыми последствиями.

Как показывает опыт подобных акций в отношении представителей «исламского терроризма», они зачастую дают обратный эффект: способствуют росту популярности экстремистов в своей среде и авторитету среди тех слоев населения, которых можно отнести к их социальной базе, а также активизируют протестные настроения среди мусульманских общин.

В частности, неудавшиеся попытки администрации США рассчитать-ся за взрывы американских посольств в африканских государствах с Усамой бен Ладеном, нанеся ракетные удары по базам моджахедов в Афганистане и по фармацевтической фабрике в Судане, привели к тому, что «главный спонсор международного терроризма» в одночасье приобрел такую известность в мире, о которой не мог даже и мечтать, сражаясь (кстати, при поддержке все тех же американцев) против советских войск в Афганистане, и позднее, создавая финансовую и экономическую инфраструктуру борцов с неверными режимами по всему миру.

Видимо, отнюдь не случайно, что в исламских странах, с которыми США наиболее активно сотрудничают в области борьбы с терроризмом и которые используют рекомендации американцев без учета национальной специфики реальной религиозно-политической ситуации, сталкиваются с невозможностью ликвидировать терроризм на своей территории (например, в Египте).

Более того, силовые и полицейские методы способствуют расколу, росту напряженности в традиционном обществе, ведут в конечном итоге к нарушению прав человека (в их западном понимании). В этих условиях исламские фундаменталисты получают возможность не только критики режима за проводимую им прозападную политику, идущую вразрез с местной традицией, но и приобретают имидж борцов за независимость.

Как заявлял верховный наставник «Братьев-мусульман» в Египте Мухаммед Хамид Абу ан-Наср, члены этой организации требуют введения шариата как гарантии свобод и защиты имущества граждан. Они прилагают все свои душевные и физические силы в интересах независимости этой страны, освобождения ее от любых форм иностранного проникновения или вмешательства во внутренние дела.

Сложившаяся практика, при которой США игнорируют прогностический анализ социально-экономических причин, ведущих к воспроизводству террористических проявлений, связанных с исламским экстремизмом, заключается в ошибочности американской концепции универсальности созданной ими социально-экономической и политической системы и ее приемлемости регионами с совершенно иной структурой общественных отношений.

Характерным примером в этом ряду может послужить Иран в последний период правления шаха, накануне революции 1979 года. Наблюдаемая в настоящее время неспособность США учитывать эту несовместимость ведет к тому, что в глазах мирового сообщества деятельность американцев выглядит не только как продолжение политики «двойных стандартов», но и в качестве государственной поддержки терроризма.

Например, до недавнего времени США оказывали финансовую помощь Йеменской Республике, на территории которой расположены религиозные институты и частные школы, в которых проходили идеологическую и военную подготовку экстремисты-выходцы из Алжира, Египта, Ливии, Судана и других мусульманских стран, а также самого Йемена.

Однако в силу огромного влияния исламского фактора на внутриполитический курс президента Али Абдаллы Салеха йеменское правительство вынуждено было использовать различные ухищрения для продолжения финансирования этих учебных заведений в статьяx бюджета.

Попытки США в ходе осуществления военной акции на Балканах разыграть «исламскую карту», в том числе и в интересах подрыва позиций наиболее радикально настроенных исламских фундаменталистских движений, если и достигли цели, то только частично.

Во-первых, исполняя роль защитников мусульман в Косово, США не удалось в полной мере привлечь к себе симпатии мусульман в дру-

гих странах, уменьшив тем самым их поддержку традиционным борцам за дело ислама — фундаменталистам.

Во-вторых, пуски «Томагавков» по православной Сербии производились тогда, когда еще свежи в памяти аналогичные действия в отношении мусульманских Судана и Афганистана, а также Ирака, и психологически воспринимались как звенья одной цепи, своего рода продолжение одного курса.

В-третьих, эффект устрашения фундаменталистов оказался слабее, чем ожидалось. Так, например, движение ХАМАС в своем заявлении по поводу косовских событий призвало арабские и исламские государства принять меры по оказанию срочной помощи мусульманам Косово и предотвращению повторения трагедии, которая выпала на долю палестинского народа. В то же время оно осудило действия США, которые прикидываются защитниками мусульман Косово, хотя поддерживают сионистскую оккупацию Палестины и террористические действия против палестинского народа. Отмечалось также, что американское вмешательство — это попытка под прикрытием лозунга о правах человека достичь собственных целей, заключающихся в установлении полного контроля на Балканах.

Наряду с субъективными факторами, связанными с международной деятельностью отдельных государств на Ближнем и Среднем Востоке, которая способствует время от времени радикализации исламских движений в этих регионах, существуют более глубинные и пролонгированные причины развития исламского экстремизма в современных условиях. Заметно, что тенденция к росту фундаменталистских устремлений определенной части мусульманского населения характерна для разных типов стран Ближнего и Среднего Востока. Однако это обстоятельство, включая разные исторические и социо-культурные стартовые условия этих стран, если и влияет, то только в известной мере, на процесс запуска механизма генезиса повышенного спроса на радикальный ислам.

Таким образом, современный ренессанс исламского фундаментализма как в качестве государственной религии, так и в виде знамени, поднимаемого неправительственными религиозно-политическими организациями, имеет под собой вполне конкретную основу исторического характера, обусловленную традиционными социально-экономическими различиями между западным и восточным обществами.

Так, в современных странах Запада уже давно сложилось гражданское общество, тогда как на Востоке оно отсутствует по определению. Трудности его формирования в арабских странах являются одной из причин популярности исламистских идей, особенно у беднейших слоев городского и сельского населения, но также и у представителей определенных прослоек средних классов и незанятых интеллектуалов, получивших светское образование на Западе и не нашедших должного применения своим знаниям у себя на родине.

От традиций к модернизации

По итогам проведенного исследования становится очевидным, что в условиях дисбаланса в современной системе международных отношений, в силу ее фактической монополярности, продолжающихся процессов модернизации и глобализации (по сути — форсированной вестернизации), действующих и на мировом, и на региональных и субрегиональных уровнях, напряженность по линии «Запад — Восток» будет сохраняться и, возможно, даже усиливаться.

Одним из проявлений этой напряженности является процесс «ползучей исламизации», протекающий во всех без исключения арабских странах, результатом которого становится усиление позиций религиозно-фундаменталистских сил, представленных многочисленными исламистскими организациями и движениями, действующими как на территории отдельных государств, так и на уровне всего региона.

Поскольку главной целью исламистов является приход к власти и закрепление своих позиций в ключевых государственных институтах, на легальной демократической основе (Палестинская автономия, Марокко) или нелегальной (Египет, Алжир), то в обозримом будущем можно ожидать ужесточения внешнеполитической риторики отдельных государств региона, что может негативно отразиться на ситуации в самом регионе и в сопредельных регионах, где исламский фактор оказывал и продолжает оказывать существенное влияние на формирование политических реалий.

С учетом того, что в России мусульманское население, по разным оценкам, составляет до 20 млн. человек, внешняя политика России на исламском векторе должна будет проводиться с учетом интересов этой части населения, с тем, чтобы не допустить нарастания напряженности внутри страны в процессе принятия внешнеполитических решений.

Основная гипотеза, выдвинутая в начале статьи, о том, что исламизация всех сфер жизнедеятельности арабских стран, особенно политической сферы, в конечном счете приводит к радикализации их внешней политики, в ряде случаев (Палестинская автономия, Ирак, Ливан) получила косвенное подтверждение.

Дело в том, что арабский регион не является монолитным образованием, он неоднороден.

Во-первых, существуют два субрегиона — Магриб и Машрик, связующим звеном между которыми является Египет.

Во-вторых, существуют страны, традиционно ориентированные на Запад (Египет, Марокко, Саудовская Аравия, другие монархии Персидского залива), и те, в которых сильны антизападные настроения (Ирак, Ливан, Судан, Палестинская автономия, Сирия).

В этой связи говорить о единой сбалансированной арабской региональной политике можно лишь с определенной долей условности.

Тем не менее стоит отметить близость позиций руководства всех арабских стран по ключевым региональным проблемам (палестинская проблема, восстановление Ирака, нераспространение ядерного оружия и оружия массового уничтожения). Однако в случае последовательной смены прозападно ориентированных правящих элит в ряде арабских стран и прихода к власти в них исламистских сил с большой вероятностью можно ожидать радикализации внешней политики не только на национальном, но и на региональном уровне в среднесрочной перспективе.

Произошедший летом 2007 года в Палестине фактический раскол автономии на две территории (сектор Газа под контролем ХАМАС и Западный берег реки Иордан под контролем ФАТХ) подтверждает верность этого прогноза.

Говоря в целом о процессе ближневосточного урегулирования и о нарастающем влиянии исламизма на ситуацию в арабском мире и сопредельных регионах, следует отметить явную неэффективность (в практическом смысле) большинства мер и шагов, предпринимаемых ведущими западными державами и региональными и международными организациями (ЕС, ООН, Квартет, ЛАГ) в данной сфере.

Несмотря на многократные призывы России к вовлечению в мирный диалог всех заинтересованных стран, в том числе Сирии и Ирана, сколько-нибудь существенного прогресса в этом направлении не наблюдается. К тому же большинство исламистских организаций оказываются выключенными из конструктивного политического диалога, в основном, потому, что их основным требованием является прекращение существования Израиля как самостоятельного субъекта международного права. Поэтому любые договоренности, достигнутые до настоящего момента между основными участниками мирного процесса, остаются, по сути, декларациями о намерениях. Почти 60-летняя история арабо-израильского конфликта является самым убедительным тому свидетельством.

Конфликт уже давно интернационализирован, он расколол мировое сообщество; Ближний Восток, являясь стратегическим регионом с точки зрения ведущих западных держав и России, еще на протяжении нескольких десятилетий будет оставаться очагом повышенной напряженности, прежде всего, в политической, экономической и гуманитарной сферах, наряду с усилением позиций радикального исламизма не только в арабских странах, но и в мусульманском мире в целом.

Единовременное и эффективное политическое решение этой проблемы на данный момент не выработано и не может быть выработано только лишь в силу современной конъюнктуры, сложившейся в системе международных отношений на рубеже XX–XXI веков.

Отвечая на вопрос, поставленный в начале статьи, следует отметить следующее.

В идейном отношении исламский фундаментализм амбивалентен.

С одной стороны, для отрицания модернизации он использует традицию, провозглашая определенные ее элементы единственно законными символами исконно мусульманского мироустройства, но себя авторизует непосредственно через обращение к священному тексту.

С другой — он не чужд реформаторству, но принципиально исключает новацию (собственные новации подаются как возрожденные традиции). Кроме того, исламизм отсекает реформаторский принцип развития позитивного содержания традиции в соответствии с требованиями среды.

Одновременно у фундаментализма есть вполне модернистские черты — сильная предрасположенность к развитию не просто отдельных мировоззренческих характеристик, но именно тоталитарной идеологии с элементами рациональности, убежденность в примате политики, понимание высшей цели как преобразование центральных политических институтов.

Вывод из этого следующий: исламский фундаментализм, как и многие другие религиозные и политические течения, в той или иной степени подвержен необратимому процессу модернизации.

Политизированный ислам в России

В последнее время на территории нашей страны отмечается значительная активизация «дааватческой» (миссионерской, призывной) деятельности духовенства Ирана, Турции, Сирии, Иордании и ряда других исламских государств. Одним из социальных следствий этой деятельности может явиться общее усиление исламского фундаментализма в местах компактного проживания мусульман: на Северном Кавказе, в Поволжье и на Урале.

Прежде всего, религиозное оживление привело к бурному росту инфраструктуры. Только в Татарстане за последние годы выстроено более тысячи мечетей, в Дагестане — свыше 2 тысяч (а по неофициальным данным — до 5 тысяч), в Башкирии — около 600.

Отечественная система религиозного образования не способна выдавать в таком темпе подготовленные кадры, а свято место пусто не бывает: их приходится импортировать. Эти «нелицензионные зарубежные поставки» преимущественно с Ближнего и Среднего Востока вызывают тревогу не только государства, но и самих мусульман. Почему?

Казалось бы, зарубежная помощь в строительстве мечетей, издании религиозной литературы, подготовке кадров духовенства, создании учебных заведений оказала существенную поддержку российским мусульманам в усвоении духовно-нравственных ценностей и богословских основ ислама.

Однако из-за значительной политизированности ряда международных исламских организаций, участвовавших в оказании поддержки российским правоверным, наряду с собственно исламскими ценностями ведется пропаганда идеи о том, что их религиозный долгом является борьба за независимость и, как следствие, создание суверенного исламского государства внутри России.

Принимая во внимание прогнозы, в соответствии с которыми к 2030 году численность российских мусульман может достичь 30 млн. человек, а также динамичное социально-экономическое развитие арабских стран, создающее в ближайшей перспективе мощный плацдарм для дальнейшего возрастания помощи российским мусульманам из-за рубежа, стоит весьма серьезно отнестись к возможности такого рода модернизации.

Впрочем, среди общественных деятелей встречаются люди, понимающие, что асимметрия между ростом мусульманского населения в России и, напротив, депопуляции остальной его части создает угрозу геополитической катастрофы, когда исламский регион Идель-Урал (Поволжье) расколется Россию пополам. Чтобы этого не случилось, политолог Сергей Градировский разрабатывает проект «*Русский ислам*», исходя из предпосылки усиления роли ислама в России, а также из необходимости ладить с представителями этой конфессии для укрепления целостности государства.

Достаточно напомнить, что в период 1992–1994 годов на территории Чечни, Кабардино-Балкарии, Дагестана и Башкирии с помощью саудовских исламских организаций были созданы молодежные лагеря для изучения основ мусульманской религии, в которых преобладала пропаганда фундаменталистских течений ислама.

В частности, идея построения исламского государства и утверждения шариата считают необходимым выход мусульманских регионов из состава России и образование ими конфедеративного или федеративного государственного образования с ориентацией на исламские страны.

Пантюркистские идеи воссоздания «государства Великого Турана», охватывающего территорию современных исламских государств Азии, Ближнего и Среднего Востока, разделяют некоторые организации и националистические движения северокавказских республик, Южной Осетии и Абхазии. Распространение данной идеологии может способствовать возникновению антагонизма в отношениях между различными группами населения и конфессиями российского общества.

Помимо того, что политизация ислама, чуждая традиционному российскому исламу, порождает угрозу территориальной целостности Российской Федерации, она еще подпитывает исламский радикализм и экстремизм, а также отрицает светский характер государства.

В этой связи стоит заметить, что российское законодательство содержит положения, в соответствии с которыми религиозное объеди-

нение не участвует в выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления, а также не принимает участия в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь. Усиление государственного контроля за соблюдением этой нормы закона всеми религиозными организациями, в том числе и мусульманскими, могло бы содействовать сдерживанию политизации ислама в России.

Сможет ли буква закона остановить идеологов исламизма и их последователей? Каким будет будущее мусульманских регионов России? Насколько сильна «исламистская угроза» для нашей государственности?

Вопросы можно множить, но одно ясно наверняка. Для России возможны два варианта модернизации через исламский фундаментализм: стать мишенью для радикальных мусульман всего мира либо превратиться в дружественную страну, готовую для диалога культур.

Ислам как одна из мировых религий и в России проповедует гуманизм, смирение, ставит во главу угла общечеловеческие ценности, призывает к благочестию и праведному образу жизни, соблюдению этических и морально-нравственных императивов.

Президент России Дмитрий Медведев, поздравляя всех мусульман нашей страны с праздником Ураза-байрам в сентябре прошлого года, справедливо отметил некоторые незыблемые ценности, на которые опирается ислам: милосердие, стремление к созиданию, забота о ближних. Глава государства также выразил надежду, что мусульмане и впредь продолжат бережно относиться к сохранению традиций веры, содействовать развитию плодотворного межконфессионального диалога.

Дмитрий Медведев продолжил, но уже на более высоком уровне активно выступать за толерантные и доверительные отношения мусульман с представителями других религий. Выступая 12 ноября 2009 года с традиционным Посланием перед Федеральным Собранием Российской Федерации, президент особо подчеркнул, что проживающие в нашей стране люди разных национальностей и конфессий должны иметь возможность для совместного полноценного общения. Применительно к Северо-Кавказскому региону первое лицо государства заявило следующее: «Мы (российские власти — *Авт.*) сделаем все возможное, чтобы жизнь людей на Северном Кавказе была благополучной. А с теми, кто будет мешать нам, — разберемся».

Отрадно, что в XXI веке духовная жизнь миллионов российских последователей традиционного ислама во многих регионах становится богаче и разнообразнее, а их вклад в укрепление общественного согласия и взаимопонимания между народами нашей единой Родины — все более весомым и значимым.

Однако идеология исламизма зачастую строится на псевдоисламских в религиозном смысле ценностях.

Во-первых, набирающему обороты современному российскому исламу присуще большинство недостатков. В частности, противоречивость идеологии и неоднородность убеждений, что влечет за собой несовершенство и нелогичность некоторых его норм.

Во-вторых, данное обстоятельство позволяет сделать вывод о возможности использования политическими лидерами только тех аспектов шариата, которые выгодны в той или иной ситуации. В таком случае исламский фундаментализм проявляется не как религиозное, а как политическое движение, стремящееся захватить власть любым доступным способом, в том числе и путем насильственного свержения законной российской власти.

Мусульманская умма в России раздроблена: Поволжье, Урал, антагонично настроенные республики Северного Кавказа. Эти регионы сполна испили чашу многочисленных внутренних противоречий и конфликтов касательно исламского фактора. Во власти к этому обстоятельству единого подхода нет. Одни считают, что раздробленность полезна, поскольку позволяет действовать по известному принципу «разделяй и властвуй». Другие убеждены, что лучше было бы последовать примеру Екатерины II, которая после ряда мятежей мусульман объединила, учредив в Оренбурге Магометанское управление и взяв тем самым конфессию под контроль государства и пресечь дальнейшее распространение исламизма.

Какая позиция возобладает сегодня?

Со своей стороны замечу, что ключ к преодолению рецидивов исламского фундаментализма, обострившегося в России на волне демографического увеличения мусульман и связанных с мировым финансовым кризисом социально-экономических проблем, сегодня следует искать не в прямой борьбе с ним, как с неким материализовавшимся злом, а в оздоровлении российской экономики и улучшении уровня жизни наших граждан. Лишь эти действия федеральной и региональной власти способны сначала «законсервировать», а затем, возможно, и полностью нивелировать негативные проявления исламизма на территории мусульманских регионов России.

Любовь ЯРОШЕНКО

ПО КОМУ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ: ОН ЗВОНИТ НЕ ПО НАТО

17 мая 2010 год Совет Североатлантического альянса увидел долгожданный доклад «12 апостолов», пробный вариант политического обоснования жизненной необходимости НАТО в контексте вызовов и угроз глобального XXI века. Возможно, ему не суждено стать окончательной версией концепции НАТО 2020, однако рекомендации, вынесенные известной группой экспертов под руководством Мадлен Олбрайт, это, безусловно, попытка лицензировать альянс на качество.

Критерий успешного прохождения сертификации предельно прост. Эксперты должны были дать хорошо аргументированные ответы на два ключевых вопроса. *Зачем необходим альянс? Каким в конечном итоге он должен стать к 2020 году?* Вопросы далеко не новые и даже банальные. Члены НАТО уже задавали их и в 1991, и в 1999 годах. Тем не менее отсутствие новизны не способно умалить значение тех ответов, которые в итоге получили страны-члены НАТО, страны-партнеры и все остальные «заинтересованные лица».

На первый взгляд тезисы «группы мудрецов» являются предельно простыми и предсказуемыми. Едва ли кто-то из ведущих российских или зарубежных экспертов ожидал отсутствия традиционного упоминания того, что НАТО — неоспоримая история успеха, и с этим стоит смириться и предстоит продолжать жить и дальше. «Мудрецы» еще раз подчеркнули, что *«НАТО — организация, которая даже в отсутствии идеологического врага с востока, всегда стояла на страже безопасности Европы и была призвана способствовать ее консолидации в духе свободы»*¹. Если десятилетия подтвердили жизнеспособность НАТО, значит, альянс был, есть и будет; главное — правильно адаптировать его к новым угрозам.

Угрозы, по утверждению «группы мудрецов», очень далеки от прямой военной атаки по периметру границ НАТО и в большинстве случаев не имеют четкой географической прописки: терроризм, распространение ядерного оружия, кибератаки против современных коммуника-

¹ NATO 2020: Assured security; dynamic engagement. Analysis and recommendations of the group of experts on a new strategic concept for NATO. 17 May 2010, p. 6.

ционных систем, наконец, саботаж на основных энергетических маршрутах. В таком контексте вопрос о новой зоне ответственности альянса более чем уместен. Отвечая на него, команда Мадлен Олбрайт призвана снять одну из главных озабоченностей, часто озвучиваемую в российском экспертном сообществе. *Быть или не быть глобальной НАТО?*

Ответ в рамках представленного доклада выглядит вполне четким. *«НАТО — региональная, а не глобальная организация, ее полномочия и ресурсы ограничены, и у нее нет желания брать на себя обязательства, по осуществлению миссий, которые успешно могут выполнить другие страны и альянсы»²*. Однако не скрывается ли за этой четкостью формулировок двойное дно? Заявленную формулу дополняют две другие переменные, которые с легкостью ставят под сомнение предыдущее утверждение.

«Мы осознали, что в нашу эру нетрадиционные угрозы возникают далеко за пределами альянса и влияют на безопасность дома»³. Вполне естественно, что если члены НАТО не будут чувствовать себя в безопасности дома, реакция окажется незамедлительной. *«В борьбе с подобными угрозами НАТО должно не только обновить подход к обороне территории стран-членов альянса, но и увеличить способность доминировать в военных операциях и миссиях далеко за пределами альянса»⁴*. Искусные дипломаты, подготовившие эти три коротких утверждения, конечно понимали, что заявить о том, что НАТО — организация с глобальной зоной ответственности, это все равно, что раздражать разъяренного быка красной тряпкой. Но тот или иной вариант формулировки не меняет основного смысла. *НАТО будет действовать глобально, если возникнет подобная необходимость*.

В данном контексте совершенно уместно продолжение дискуссии о стратегии НАТО следующем вопросом. *На каких условиях будут осуществляться глобальные операции/миссии НАТО? В соответствии с международным правом или при необходимости не принимая его во внимание? С участием или без участия потенциальных партнеров?*

«Мудрецы» утверждают, что Североатлантический альянс способен и должен открыть эру глобальных партнерств. Ключевые партнеры или новые партнеры, там, где это необходимо, индивидуальный подход в каждом отдельном случае. Кратко и четко, но для создания полной картины происходящего хотелось бы добавить еще одну фразу, которую можно прочесть между строк: *при лидерстве НАТО*. Партнерство — это тот инструмент, который способен помочь НАТО сэкономить собственные ресурсы в решении комплексных проблем, влия-

² NATO 2020: Assured security; dynamic engagement... P.9.

³ Там же.

⁴ Там же.

ющих на общее состояние безопасности в мире. При этом видение подходов и в конечном итоге решений по поводу возникающих проблем едва ли будет «китайским», а НАТО примкнет к проекту как один из многих рядовых участников. Скорее, наоборот, в уже разработанный в штаб-квартире Североатлантического альянса проект будут подбираться наиболее подходящие и недостающие элементы в зависимости от географической прописки вызова или угрозы безопасности.

В подобной конфигурации Россию должно интересовать то место, которое отводит ей Североатлантический альянс. Доклад подтверждает, что НАТО не представляет военной угрозы для России и не рассматривает Россию как военную угрозу. Достаточно ли этого утверждения для того, чтобы начать практическую «перезагрузку». Список разделяемых интересов довольно обширен: борьба с терроризмом, кризисное реагирование, ядерное нераспространение, ПРО. Однако, несмотря на явное желание показать оптимистический настрой и подчеркнуть значимость России в обеспечении безопасности в евроатлантическом регионе, дипломаты учли озабоченности тех стран, чья историческая память оказывается иногда слишком острой для продолжения конструктивного диалога как в рамках Совета Россия — НАТО, так и на площадке Россия — ЕС.

Не случайно раздел о России включает следующий постулат: *«Понимая необходимость сотрудничества с данной страной с целью обеспечения безопасности в евро-атлантической зоне, альянс должен последовательно претворять в жизнь политику вовлеченности по отношению к России. В то же время все члены альянса должны быть уверены в том, что их интересы и безопасность будут защищены надлежащим образом»*⁵. В этой формулировке фактически представлены дополнительные гарантии таким государствам, как страны Балтии, например.

В своих рекомендациях экспертная группа попыталась раскрыть весь комплекс сомнений по поводу взаимоотношений России и НАТО. Перечень возможных претензий к России, как и тех сфер, где для Североатлантического альянса и России могут «распахнуться двери», а не просто «окно возможностей», оказался до боли знакомым. Россия — это, прежде всего, диалог по поводу ядерного нераспространения и сокращения арсеналов ядерного оружия, так как НАТО, и это не может быть неожиданностью, уже давно говорит о своей возможной роли в рамках укрепления режима нераспространения.

Идея, заявленная в черновике стратегической концепции, — «мир свободный» от ядерных войн, отчасти дополняет и повторяет проект президента Барака Обамы «Движение к ядерному нулю». Вполне естественно, что Россию выделяют в качестве существенного и значимого

⁵ NATO 2020: Assured security; dynamic engagement... P. 10.

элемента. Далее следуют возможность совместного ПРО как инновационный шаг в сотрудничестве России и НАТО и, наконец, позитивная оценка той помощи, которую предоставляет Россия в рамках миссии НАТО в Афганистане. Это подтверждение уже обсуждавшейся повестки дня. Вопрос в том, насколько более эффективным и глубоким может стать диалог России и НАТО в сферах пересечения взаимных интересов? Пробная версия будущей стратегической концепции едва ли проясняет ситуацию, оставляя обширное поле для деятельности Совета России — НАТО. Именно этот орган, являясь форумом для обсуждений, как раз и должен способствовать выработке совместных инициатив.

К сожалению, приходится констатировать, что Россия для НАТО по-прежнему выступает в качестве некой «темной лошадки». Диалог с Россией, безусловно, желателен, так как это самая большая по территории страна в евро-атлантическом регионе, и без нее безопасность строить невозможно. Но НАТО, как и большинство зарубежных аналитических центров, подчеркивает неприемлемость политики политического и экономического запугивания, которую ведет Россия в отношении отдельных государств⁶. Значит, Россия все же воспринимается как угроза, но, конечно, не военная, а политическая и экономическая, и только в отношении определенных государств, названия которых напрямую не упоминаются. Не трудно понять, что речь идет о бывших странах социалистического блока и постсоветском пространстве.

Для данных государств Россия по-прежнему остается военной угрозой. Естественно, что открытым текстом в концепции об этом не заявлено. Однако фраза *«Так как политика России по отношению к НАТО остается трудно предсказуемой, альянс должен быть в состоянии готовности в случае, если поведение России станет более враждебным»*⁷ уже говорит о многом. Термины «менее» и «более» «враждебный» не поясняются группой Мадлен Олбрайт. Эксперты особенно отмечают необходимость единства позиций стран-членов альянса по поводу России.

Интересна в данном случае степень готовности НАТО предоставлять какие-либо гарантии безопасности странам — не членам альянса в случае политического или экономического давления России. Классическими примерами остаются Грузия и Украина. Россия, конечно, хотела бы получить четкого подтверждения будущего нейтралитета этих стран. Но едва ли можно было ожидать, что Североатлантический альянс откажется от политики открытых дверей во имя какой-либо негласной сделки даже с одним из самых значимых партнеров. Утверждение того, что альянс готов принять любого, кто в состоянии выполнить весь спи-

⁶ NATO 2020: Assured security; dynamic engagement... P. 15.

⁷ Там же, p. 16.

сок необходимых критериев соответствия, — стандартная формулировка, плавно переходящая из одной стратегической концепции НАТО в другую. *Содержит ли доклад команды Олбрайт скрытый намек на то, что «файлы» Грузии и Украины все же окончательно закрыты?*

Полной уверенности в том, что НАТО не собирается расширять список членов за счет данных государств, нет. Официально политику открытых дверей никто не отменял. Конечно, можно сделать главный акцент на то, что в докладе есть ряд заявлений, указывающих: «*участие в проектах и сотрудничество может быть возможным и взаимовыгодным для всех сторон, даже если государство не является членом НАТО*»⁸. Это относится, прежде всего, к России, Украине и Грузии и уже является аргументом в пользу закрытия файлов о членстве. Но в то же время не нужно забывать, что Североатлантический альянс намерен развивать механизмы кризисного реагирования в совокупности с качественным улучшением работы комиссий НАТО — Грузия и НАТО — Украина для мониторинга уровня безопасности в данных регионах.

Закрыты ли в таком случае «файлы» Грузии и Украины? Скорее, «нет», чем «да». Кампания за членство этих стран в НАТО заморожена, но НАТО не планирует уходить из данных регионов, просто степень активности этой организации пока снижена. На развитие отношений между данной организацией и Грузией/Украиной наверняка будут влиять две составляющие: характер сотрудничества России и НАТО в целом и уровень взаимоотношений по линии Россия — Украина и Россия — Грузия.

Серьезные сомнения вызывает тот факт, что Грузия или Украина будут в состоянии соответствовать стандартам НАТО даже при полной поддержке вступления в Альянс со стороны местного населения. Важно, что отчасти «монополистские» права России на миротворчестве, спасательные и гуманитарные операции на постсоветском пространстве уже давно оспариваются различными региональными организациями европейского толка. Развивая и применяя механизмы кризисного реагирования на Южном Кавказе и в Черном море, НАТО делает потенциальный задел на возможную роль медиатора конфликтов в данных регионах, следовательно, вероятного конкурента России.

Какие выводы в данном случае может сделать для себя Россия? Рекомендации команды Мадлен Олбрайт в отношении России — это стратегия или все же тактика, учитывая тот факт, что очень трудно выстраивать жизнеспособную стратегию в отношении непредсказуемого партнера, каким представляется Россия. В описании состояния безопасности в мире эксперты справедливо выделили список, прежде всего, нетрадиционных угроз. Ключевыми факторами, снижающими общий уровень безопасности, являются распространение ядерного оружия и ОМУ в целом, амбиции террористических групп, столкновения

⁸ NATO 2020: Assured security; dynamic engagement... P. 21.

на религиозной, этнической, национальной почве, уязвимость мировых информационных систем, соревнование за углеводороды и другие стратегические ресурсы, демографические изменения, деградация окружающей среды, включая климатические изменения. Россия имеет потенциал для решения практически каждой из данных проблем, а в противодействии многим из заявленных угроз ее участие является ключевым. Понимают это и в штаб-квартире Североатлантического альянса, и в Кремле. Не случайно в рекомендациях, представленных группой экспертов, особо подчеркивается роль России в переброске грузов невоенного назначения в Афганистан, диалог России и США о сокращении стратегических наступательных вооружений, противодействие России терроризму, пиратству и распространению оружия массового уничтожения. У России и НАТО есть разделяемые интересы, и это уже может дать определенный импульс к диалогу.

Проблема заключается в том, что два игрока имеют разное представление о том, как должна выглядеть обновленная архитектура евро-атлантической безопасности. Заключение экспертов подчеркивает, что НАТО и ЕС остаются несущими опорами стабильности и сотрудничества в евро-атлантическом регионе⁹, не исключая многосторонние форматы партнерств и сотрудничества с ООН, ОБСЕ. Россия, напротив, в рамках предложения Дмитрия Медведева предлагает заключить юридически обязывающий договор, который подтвердит принцип неделимости безопасности в евро-атлантическом регионе. Но эта инициатива явно не вписывается в видение Североатлантического альянса. Создается впечатление, что у России в данном случае может быть два выбора. Максимально интенсифицировать диалог с НАТО по важнейшим вопросам, по которым наши интересы действительно пересекаются или подать заявку в НАТО.

Выбрав второй путь и пройдя все критерии соответствия, Россия получает столь желаемое право участвовать в процессе принятия решений, а вместе с этим правом и обязательства вносить свой вклад, в том числе и военный в миссии альянса. НАТО выйдет к границам Китая и Юго-Восточной Азии. Тогда утверждение о том, что у «альянса есть интерес к распространению безопасности и стабильности за пределами своих непосредственных границ»¹⁰ приобретет совсем иной смысл. Однако такой сценарий кажется достаточно фантастическим.

Готовность НАТО к подобному повороту событий не ясна, так как слишком разным является восприятие России у государств — членов НАТО. Россия с выдвижением инициативы Дмитрия Медведева стремится сыграть роль «ведущего», а не «ведомого» игрока в формировании повестки дня в рамках обеспечения международной безопасности. Поэтому единственным вариантом остается усиление диалога Россия — НАТО.

⁹ NATO 2020: Assured security; dynamic engagement... P. 18–19.

¹⁰ Там же, p. 21.

С точки зрения содержания этого диалога, рекомендации, представленные группой экспертов, не привнесли практически ничего нового. Впервые в официальном документе была озвучена идея общего ПРО. Сотрудничество в данной сфере с Россией было представлено как «крайне желательное»¹¹. Но дальше этой формулировки эксперты не пошли. Будущее единого ПРО остается очень туманным. Интерес, безусловно, представляет возможный документ о совместной оценке угроз и вызовов XXI века. Именно разработка этого документа даст максимум возможностей для обсуждения и согласования позиций, прояснения опасений друг друга. Являясь по своей природе двусторонним документом, он сможет более полно раскрыть потенциал диалога Россия — НАТО, чем те рекомендации, которые были вынесены 12 экспертами.

В целом, приходится констатировать, что доклад, представленный «мудрецами», оставляет много вопросов не только относительно российской переменной мировой политики, но и функций альянса в новой архитектуре евро-атлантической безопасности. Характер выделенных факторов, угрожающих международной безопасности, явно имеет глобальную окраску. НАТО признает, что главной задачей остается оборона стран-членов альянса. Однако интерес и стремление снизить общей уровень нестабильности в мире вынуждает проявлять активность по отношению к проблемам международной безопасности за границами альянса.

Подобное заявление — это лишь мягкий вариант формулировки «глобальное НАТО», причем глобальное подразумевает не только территориальный размах, но и функционал данной организации. Хватит ли у НАТО ресурсов и как должна трансформироваться внутренняя структура Североатлантического альянса, если эта организация проявляет интерес и к проблеме нераспространения ОМУ и к деградации окружающей среды? Эти вопросы по-прежнему открыты, и поиск ответов на них потребует времени.

Однако не включить противодействие, единоличное или в сотрудничестве с партнерами, данному спектру нетрадиционных угроз означало бы не адаптацию к вызовам нового времени, а стагнацию. Стратегически данный шаг НАТО является вполне оправданным. Внутренняя трансформация и правильная организация ресурсного распределения это вопрос будущего и практического опыта. Суть заключается в том, чтобы официально закрепить за НАТО интерес к угрозам нетрадиционного характера и право на вмешательство в виде «помощи организациям и странам вне альянса». Это и есть существенное движение на пути к обеспечению легитимности действий альянса. Главное, чтобы, осуществляя глобальные миссии за пределами своей зоны ответственности в борьбе с нетрадиционными угрозами, НАТО была способна получить широкую международную поддержку и мандат ООН.

¹¹ NATO 2020: Assured security; dynamic engagement... P. 11.

Станислав ЧЕРНЯВСКИЙ

КРОВАВЫЕ УРОКИ ОЧЕРЕДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КИРГИЗИИ

В апрельские дни 2010 года в Киргизии произошла вторая за пять лет революция. Недовольный народ во главе с лидерами оппозиции штурмом взял власть. Президент К.Бакиев бежал на юг страны, а 8 апреля было образовано Временное правительство во главе с Розой Отунбаевой. Таким образом, революция, о необходимости которой столько говорила оппозиция, свершилась, хотя окончательно так и не завершилась. Свергнутый президент, нашедший приют в Белоруссии, отказывается считать себя бывшим и делает противоречивые заявления о намерении продолжать борьбу.

Переворот в Киргизии не стал неожиданностью ни для ее соседей, ни для международного сообщества — известия о беспределе президентского клана, разворачивании им и без того скудного национального достояния страны были у всех на слуху. По сути, все ожидали каких-то перемен и неожиданным оказалось лишь время события. Время, кстати, не очень удачное как для России, готовившейся отмечать 65-летие победы над фашизмом, так и для США, нацелившихся на «перезагрузку» отношений с Москвой. Неудачным в смысле времени оказался этот период и для Казахстана, активно реализующего свою программу Действующего председателя в ОБСЕ.

«Крестьянский бунт» (а назвать по-другому развернувшееся после переворота массовое мародерство вряд ли возможно) положил конец эпохе «бархатных революций» на постсоветском пространстве, когда правители отдавали власть легко и почти бескровно. Шумные смены правящих команд «цветочного периода», при которых «избранные народом» президенты недолго цеплялись за кресло, гордо объявляя о нежелании кровопролития, завершились.

Трагические события, переживаемые в очередной раз Киргизией, ставят естественный вопрос — почему это происходит и кому это нужно?

Причины и движущие силы

В первые месяцы после прихода к управлению страной весной 2005 года новые власти Киргизии во главе с К.Бакиевым провозгласили

позитивную программу развития общества. Предполагалось, с одной стороны, преодолеть семейственность, коррупцию и неэффективность, накопившиеся за пятнадцать лет акаевского правления, а с другой — создать государственную систему, способную обеспечить достойную жизнь гражданам страны. В этой связи на фоне усиления разногласий между лидерами «тюльпановой революции» в 2006–2007 годах в Киргизии трижды менялась Конституция. В своей последней редакции она существенно расширила не столько прерогативы ставшего президентом К.Бакиева, сколько его независимость от системы сдержек и противовесов, характерных для развитых демократий.

Однако концентрация властных полномочий в руках президента не стала стартовой площадкой для конструктивных преобразований в Киргизии. Более миллиона ее жителей оказались в положении рабочих-мигрантов, причем, по оценкам специалистов, до 800 тыс. из них уже никогда не вернутся на родину. Продолжился исход русскоязычного населения, не были преодолены регионализация и криминализация общества. Усиливалась и зависимость от различных видов иностранной помощи, которая обостряла конкуренцию среди политических группировок киргизской элиты. Другими словами, социальная база режима К.Бакиева стала неуклонно сокращаться, а его «не полное служебное соответствие» становилось все более очевидным по мере консолидации основных сил оппозиции.

Власть начала срастаться с криминалом. Стало известно, что одним из основных финансовых спонсоров «тюльпановой революции» был депутат киргизского парламента Б.Эркинбаев — владелец Карасуйского рынка и крупнейший лидер уголовного мира на юге страны. Вторую сторону конфликта финансировал другой уголовный лидер — северянин, тоже владелец рынка (в Бишкеке) и тоже депутат парламента, Ж.Сурабалдиев. Именно он платил деньги «добровольцам», которые вначале противостояли демонстрантам у Дома правительства 24 марта 2005 года, а затем вечером спровоцировали погромы и мародерство в Бишкеке. Ещё одним организатором и спонсором тех событий называли третьего крупного преступного лидера — Р.Акматбаева, брат которого был также депутатом парламента.

Сам К.Бакиев, став президентом, не брезговал преступными методами в борьбе с оппозицией. Счет нераскрытых заказных убийств шел на десятки, отстреливались депутаты и журналисты, люди исчезали без следа. Параллельно стряпались заказные уголовные дела.

Насильственная смена власти А.Акаева не привела к демократизации страны. Хаос, царивший в киргизских городах в дни той «бархатной» революции, массовое мародерство и неспособность преодолеть структурные изменения цивилизованным путем не пошли на пользу бакиевцам и не прибавили им политического авторитета. Киргизский президент так и не сумел выполнить одно из ключевых требований и

своих экс-соратников, и свое собственное в бытность оппозиционером — отойти от клановой системы управления страной.

Демократ К.Бакиев довольно быстро превратился в авторитарного правителя, активно избавляющегося от бывших соратников. На ключевые должности в государстве он назначал многочисленных братьев и родственников, а также лично преданных ему людей. В удержании власти он явно делал ставку на насилие. Но специфика киргизского общества, как и многих других государств Востока, состоит в их родоплеменном устройстве. С государственных постов не просто снимались политические оппоненты и конкуренты, а отстранялись от власти целые кланы.

В результате К.Бакиев утратил всяческую поддержку населения, которому при нем жилось гораздо хуже, чем при А.Акаеве. Возникла стандартная революционная ситуация, когда низы больше не хотели такой жизни, а верхи уже не могли ими управлять. Опыт «тюльпановой революции» марта 2005 года оказался востребован. Но на этот раз стихийности не было, даже анархия оказалась хорошо организованной.

Таким образом, сценарий апрельского народного восстания 2010 года был предопределен теми же факторами, что и события марта 2005 года, когда колонны протестующих пошли на штурм президентского дворца, чтобы свергнуть режим Аскара Акаева. Главные среди них — тяжёлое социально-экономическое положение населения, глубоко укоренившиеся во всех эшелонах коррупция, семейственность и клановость, а также слабость центральной власти и органов правопорядка. Нельзя сбрасывать со счетов и возросшую роль криминальных авторитетов, связанных с наркомафией, активно пользующихся в своих целях отсутствием эффективной системы государственного управления и утратой местной правящей элитой чувства реальности.

Сыграла свою роль и консолидация киргизской оппозиции, вступившая весной 2008 года в активную фазу. Началось практическое объединение многочисленных киргизских НПО и правозащитных организаций с оппозиционными партиями, согласование единых кандидатов «теневое правительство».

Точкой «обратного отсчета» жизнеспособности режима К.Бакиева эксперты считают последнее полугодие 2008 года. Среди знаковых событий называют, в частности, насильственную смерть оппозиционных журналистов, интриги относительно статуса американской базы в Манасе, нецелевое расходование многомиллионного российского кредита, оказавшегося в распоряжении сына президента Максима, арест бывшего министра обороны И.Исакова и некоторые другие коррупционные скандалы. Росло недовольство беспардонностью бакиевской семьи, которая все активнее вторгалась в исполнительную власть — реорганизация силовых структур, которые возглавили брат, сын и личный друг президента, приватизация крупных государственных

предприятий, проведенная в пользу президентского клана, очередное изменение киргизской конституции, позволяющее обходить принцип всенародных выборов главы государства.

Хотя внешне эти события вели, казалось бы, к укреплению властных позиций К.Бакиева, реальные общественные симпатии все больше оказывались на стороне его оппонентов, причем разделительные линии между президентом и оппозицией лишили К.Бакиева поддержки не только северных, но во многом и южных областей, на которые он ранее опирался. Критическим с точки зрения дискредитации деятельности президентской команды стало многократное повышение отпускных цен на электроэнергию, ощутимо ухудшившее и без того сложное материальное положение населения. Этот шаг был предпринят, несмотря на заметное снижение Узбекистаном цен на поставки углеводородов, которые составляют основу ТЭК Киргизии.

В подобных условиях начало протестных выступлений становилось только вопросом конкретной даты и места, а дальше, историческая динамика неизбежно несла киргизское общество за рамки конституционного управления и правового поля.

Ударной силой революции 2005 года была криминализованная молодежь. Тогда мародерство и погромы, которые учинили в Бишкеке пьяные молодчики, сошли им с рук. То же повторилось и 6 апреля 2010 года, когда начались акции протеста на севере республики, в городе Таласе. Формально поводом стал резкий рост тарифов на электричество и тепло. Однако очень быстро протестующие перешли от митингов к захвату административных зданий, штурму тюрем и следственных изоляторов. Как по команде, такие же народные волнения прокатились по другим городам. А вскоре в Бишкек направились колонны автобусов с разгоряченными молодыми людьми. В столице к ним присоединились местные гастарбайтеры — жители глубинки, приехавшие в столицу на заработки, а также жители бедных окраин. Главным связующим элементом бунтующих орд снова, как и пять лет назад, стал местный криминалитет. В этот раз наученная прошлым опытом толпа сразу принялась штурмовать государственные учреждения.

Разграблению и поджогам подверглись здания парламента, генеральной прокуратуры, налоговой службы. Не удалось взять Дом правительства, МВД и штаб-квартиру спецслужб. Для подавления массовых беспорядков власть разрешила применить оружие. Появились убитые и раненые с обеих сторон. В руках восставших оказалось около 100 единиц трофейного оружия. Пока одни штурмовали твердыни власти, другие разоряли «дворянские гнезда» — дома родственников К.Бакиева и членов его правительства. Под «раздачу» попал дипломатический квартал. После этого настал черед другого имущества «бакиевской банды» — магазинов, клубов, аптек и т.п. А потом стали грабить все торговые заведения подряд.

Грабители, мародеры и самозахватчики земель — маргинальные сельчане, умело направляемые криминальными лидерами, — восприняли свержение «второго хана» за последние пять лет как сигнал к вседозволенности. Ведь так легко чувствовать себя безнаказанным, когда зачинщики погромов 2005-го практически ушли от уголовной ответственности. Так просто найти виноватого во всех бедах — русского дачника или турка-месхетинца. И так легко громить дома и магазины, когда милиция уже две недели не выходит на работу!

Армия старалась соблюдать нейтралитет, милиция в основном поправлялась, а преданный К.Бакиеву армейский спецназ защищал только некоторые государственные здания. Вскоре армия объявила о переходе на сторону восставшего народа. Так же поступили милиция и спецслужбы. Выяснилось, что К.Бакиев не имел поддержки даже среди силовиков.

Как и пять лет назад, жители города принялись срочно организовывать дружины самообороны, чтобы спасти Бишкек от полного уничтожения.

Несмотря на очевидную потерю власти, президент К.Бакиев не обратился за помощью ни к народу, ни к дружественным иностранным государствам или международным организациям, а улетел в Ош, откуда перебрался в родной Джалал-Абад. При этом он отказывался уходить в отставку и покидать страну, требуя неприкосновенности для ближайших родственников и предлагая перенести столицу Киргизии в Ош или Джалал-Абад.

8 апреля победившая оппозиция создала Временное правительство во главе с Розой Отунбаевой. Оно столкнулось с серьезными проблемами — оказалось, что навести порядок на улицах Бишкека гораздо сложнее, чем взять власть в республике. Даже объявленный 9–10 апреля национальный траур не помешал мародерам продолжать грабежи. Обуздать криминальную стихию не удалось. Под шумок произошло несколько рейдерских захватов предприятий. Были попытки местных жителей захватить, разграбить или разгромить базы отдыха на озере Иссык-Куль. В районе Бишкека произошел массовый захват земель, в том числе заповедных, с поспешной закладкой фундаментов. Мародеры были уверены, что последует амнистия «революционерам», и все награбленное и захваченное достанется новым хозяевам.

Пассивная реакция властей привела к тому, что в ночь с 10 на 11 июня на юге республики (сначала в городе Ош, а потом и в других населенных пунктах) вспыхнула кровавая межэтническая резня между киргизами и узбеками. За последующие четыре дня беспорядков, по официальным данным, погибли 275 человек, 45 пропали без вести, а более 75 тысяч человек были вынуждены бежать в соседний Узбекистан. Неофициальные источники умножают все эти данные на десять, и они близки к истине. Город Ош практически сожжен, пострадали также Ошская и соседняя Джалал-Абадская области.

Не вдаваясь в подробности первопричин этих событий, следует признать, что главной из них является низкая культура местного населения — укоренившееся ощущение бедности, безнаказанности, бессмысленности и бесперспективности собственной жизни.

Перезагрузка по-киргизски

Кто и как будет управлять «постреволюционной» Киргизией? Сумеет ли в ней укорениться демократия, уже пережившая рецидивы авторитаризма? Наконец, с кем будет иметь дело международное сообщество и какова должна быть позиция России?

Эти вопросы имеют практический интерес, но дать на них четкие ответы пока не представляется возможным. Трудности в поиске ответов во многом связаны с рядом специфических особенностей структуры и функционирования национальной элиты, ее неоднородностью, разобщенностью по региональному признаку, высоким удельным весом криминалитета, возвращенного наркотрафиком.

Усилившаяся в последние годы коммерциализация процесса формирования властной политической элиты и оппозиционной контрэлиты привела к тотальной криминализации общества, поощряя сращивание силовых структур с криминалом и ослабление государственной власти в целом.

Политические партии в Киргизии обладают весьма незначительным весом. Их наиболее слабым местом является отсутствие политико-идеологических доктрин в целом, а, тем более, каких-либо различий в программах. Процесс становления партийной системы находится на начальной стадии, а ведущие политические силы — пока лишь партии того или иного харизматического лидера.

Особенность победившей на этот раз киргизской оппозиции в том, что она не поднялась из народных низов, а была как бы «спущена» с властного Олимпа. Глава нынешнего Временного правительства Роза Отунбаева дважды была министром иностранных дел Киргизии при двух разных президентах. Практически все ее соратники — бывшие политические союзники Бакиева.

Происходящее сегодня в Киргизии мало похоже на радикальные революционные изменения, скорее это — очередное переформатирование межклановых отношений, сосредоточенное вокруг главной проблемы азиатского способа производства — «власть — собственность», когда власть не равна управлению, а представляет собой лишь способ личного обогащения. При этом, за редким исключением, большинство киргизских политиков представляют из себя амбициозных лидеров, отражающих не общенациональные или партийные интересы, а региональные, кланово-трайбалистские или просто семейные и/или даже просто личные корыстные и честолюбивые пристрастия. Полное отсут-

ствие устоявшихся норм политической жизни сегодня позволяет значительному числу людей, относящих себя к киргизской политической элите, осуществлять попытки самореализации в качестве лидеров нации, но парадоксальность ситуации состоит в том, что такого рода желающих слишком уж много для небольшой нищей республики.

Временное правительство объединяет людей с разными взглядами и подходами, которые на предстоящих в октябре парламентских выборах едва ли будут выступать как единая команда. Каждый из новых руководителей использует свое пребывание во власти для решения будущих задач, что тормозит принятие срочных решений, необходимых для легитимации. Значительная часть высокопоставленных чиновников активнейшим образом включается в процесс передела собственности. Этим активно пользуется криминал, который, очевидно, еще долгое время будет чувствовать себя вольготно, поскольку правоохранительные структуры (МВД, органы госбезопасности и другие) находятся в деморализованном состоянии. Силовики, многие из которых физически пострадали в результате недавних волнений, оставшись без моральной и материальной помощи, были фактически обвинены в преступлениях против народа и не скоро рискнут реально защищать действующую власть.

Очевидно, что нынешнее руководство республики оказалось совершенно не готово к подобному развитию событий. Ситуация безвластия в среднесрочной перспективе вполне может вернуться. Отсутствие положительных результатов в сфере борьбы с криминалом и издержками передела собственности на фоне ухудшившегося экономического положения порождает протестные настроения среди населения.

Возможно, на короткое время новому правительству удастся достичь определенных успехов в сборе налогов, в том числе и за счет фактической экспроприации собственности клана Бакиевых, однако уже сейчас ясно, что волна криминала, рейдерских захватов, социально-политической нестабильности приведет к спаду деловой активности, к проблемам в промышленности и в без того небогатой республике.

Временное правительство не выдвигает (и не разрабатывает) новой позитивной программы экономических или социальных реформ. Все реформирование в основном сводится к чистке бакиевской элиты из управленческого аппарата. При этом из-за революционной ситуации, в ходе которой немало крестьян направилось в Бишкек для насильственного изъятия земель, в стране засеяно не более трети посевных площадей, что грозит серьезными перебоями с продовольствием. Перспективы экономического кризиса усугубляются сохранением закрытых границ со стороны Узбекистана и Казахстана, что прервало трансграничную и приграничную торговлю. Вопросы «чем кормить страну» и «как улучшить социальную ситуацию» Временное правительство намерено оставить будущему «легитимному правительству» на период «после октяб-

рьских выборов». Таким образом, помимо политического, существует угроза экономического кризиса, усиленного слабым управлением.

Это, в свою очередь, способно привести к установлению в стране двоевластия, поскольку заявлен слишком длительный срок переходного периода до легитимных выборов (шесть месяцев — с 10 апреля до 10 октября 2010 года). В указанный период Временное правительство формально не может принимать легитимных решений относительно глубоких реформ. Все решения будут оставаться «временными» до их подтверждения будущим правительством, парламентом и президентом.

Новая Конституция предполагает заметное расширение власти парламента и серьезное сужение полномочий президента. Источником народовластия объявляется Народный Курултай (аналог всенародного собрания или референдума). Многие положения проекта Конституции, имеющие принципиальное значение для определения ведущей политической партии, прописаны запутанно, поскольку являются компромиссным для всех «революционеров». Поэтому нельзя исключать, что превращение Киргизии в многопартийную парламентскую республику приведет к калейдоскопической смене правительств, партий и различных политических движений.

Позиция соседей — ближних и дальних

В условиях сегодняшней глобализации, когда извержение вулкана в Исландии аукается далеко за ее пределами, переворот в стране, находящейся на стыке интересов ведущих мировых держав, не может оставаться ее внутренним делом. Насильственная смена власти в Киргизии и последовавшие за этим кровавые события поставили под вопрос не только региональную стабильность, но и решение таких глобальных мировых проблем, как антитеррористическая операция в Афганистане. Не случайно, что события в Бишкеке незамедлительно стали темой обсуждения президентов США, России и Казахстана.

Неожиданное трусливое бегство К.Бакиева из Бишкека в Минск вызвало серьезную озабоченность ближайших соседей. Казахстан и Узбекистан немедленно перекрыли с ней границы, усилили пограничный режим китайцы, протяженность границы которых с Киргизией превышает 800 км. Забеспокоился и Таджикистан. США отменили намеченные ранее на 8 апреля двухсторонние дипломатические консультации с Киргизией и временно приостановили использование своей военной базы в Манасе.

Президент США Б.Обама, встретившись в начале апреля с президентом Казахстана Н.Назарбаевым, просил его как Действующего председателя ОБСЕ принять меры к прекращению кровопролития.

Наиболее четкую позицию заняла Россия. Президент Д.Медведев отметил, что киргизские события свидетельствуют о накопившемся у

граждан недовольстве действующей властью, подчеркнув, что переворот является внутренним делом Киргизии.

14 апреля правительство России приняло решение предоставить гуманитарную помощь Бишкеку в виде гранта в размере 20 млн. долл. и льготного кредита в объеме 30 млн. долл., а также 20 тыс. тонн дизельного топлива и бензина для проведения весеннего сева по льготным ценам и 1,5 тыс. тонн семян. Решено также существенно увеличить импорт киргизских овощей и фруктов. Для Бишкека это немаловажно, поскольку ежегодно республика поставляет в Россию фруктов и овощей на 200 млн. долл.

Одновременно российское руководство высказало свою официальную оценку происходящих в Бишкеке событий. Как заявил Д.Медведев 16 апреля: «Крах действующей политической системы в Киргизии, того режима, который находился у власти, связан именно с тем, что ему не удалось решить сложные вопросы социально-экономического плана, и, с другой стороны, то, что было создано, очень напоминало предыдущую систему управления. Систему, которая была основана на клановости, семейственности, дележке бизнеса и которая не очень сильно занималась другими проблемами». При этом российский президент особо подчеркнул, что «такой сценарий может повториться где угодно в тот момент, когда власти теряют контакт с народом».

Несмотря на то, что во всех высказываниях российских политиков по поводу волнений в Киргизии доминировало пожелание мирного исхода событий, нашлись все же отдельные эксперты (как в натовских государствах, так и в некоторых странах СНГ), намекавшие на некий «злой умысел Кремля», способствовавшего, якобы, апрельскому перевороту. Полностью отвергая подобные утверждения как необоснованные и клеветнические, следует все же признать, что в 2009–2010 годы российско-киргизские отношения развивались неровно.

В экономической области у России появились серьезные претензии к руководству Киргизии по поводу нецелевого использования двух кредитов в размере 450 млн. долл., предоставленных весной 2009 года, которые киргизская сторона направила на создание инвестиционного фонда, предназначенного для кредитования коммерческих проектов, реализуемых семейством К.Бакиева. Обещанный ранее дополнительный кредит в размере 1,7 млрд. долл. для завершения строительства Камбаратинской ГЭС-1 «завис». Попытки разрешить противоречия в финансовой области, предпринятые в феврале 2010 года на 11-м заседании Межправительственной Российско-Киргизской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и гуманитарному сотрудничеству, успеха не имели.

В итоге переговоров была подписана программа экономического сотрудничества на 2010–2013 годы, предусматривающая около 60 совместных мероприятий в сферах торгово-экономического, научно-тех-

нического и гуманитарного сотрудничества. В частности, Россия и Киргизия договорились развивать сотрудничество в нефтегазовой отрасли, создав совместное предприятие путем продажи части акций ОАО «Кыргызгаз» «Газпрому», а также активизировать до конца 2011 года реализацию программы геологического изучения недр на площадях «Кугарт» и «Восточное Майлису IV». Однако главная цель — получение кредита на строительство Камбаратинской ГЭС-1 — достигнута не была. В качестве причины российской сторона выдвинула необходимость технико-экономического обоснования строительства и проведения экспертизы проекта Всемирным банком.

Россия также предъявила Киргизии претензии за незаконный реэкспорт нефтепродуктов общим объемом 370 тысяч тонн, которые она поставляла на льготных условиях. Объемы реэкспорта топлива в 2009 году достигли 298 тысяч тонн, бензина — 9 тысяч, дизеля — 47 тысяч, топливного мазута — 15 тысяч тонн. И это при остром дефиците топочного мазута, который в то время испытывала Бишкекская ТЭЦ. Поэтому с 1 апреля 2010 года Россия применила к Киргизии общие для всех экспортеров таможенные пошлины в 193,5 долл. за тонну и полностью прекратила поставки горюче-смазочных материалов.

В сфере военно-политического сотрудничества двусторонние отношения складывались также непросто. Среди наиболее острых «раздражителей» — двурушничество К.Бакиева в вопросе о «закрытии-открытии» американской базы ВВС в «Манасе», создание учебного центра на юге республики, в Баткенской области, финансировать который попеременно приглашались то россияне, то американцы, а также судьба совместного российско-киргизского военного предприятия на озере Иссык-Куль по производству торпед.

Одной из наиболее острых проблем, которую обе стороны стараются не выпячивать на передний план, является растущий наркотрафик из Киргизии. Из десяти наиболее известных наркополицейских маршрутов транспортировки афганского героина шесть проходят через киргизский город Ош. Примечателен такой факт — 1 апреля 2010 года сотрудники МВД Киргизии в ходе спецоперации в городе Ош задержали более 160 упаковок гашиша афганского производства (около 107,8 кг) и 24,4 кг героина, а меньше чем через неделю, в ночь с 6 на 7 апреля, в Киргизии вспыхнула «революция».

В отношениях со своими ближними и дальними соседями Киргизия стремилась (и, очевидно, будет стремиться) проводить многовекторную внешнюю политику. Выгоды подобного курса очевидны — многовекторность приносит ощутимые материальные результаты, позволяя мобилизовать различные иностранные гранты, льготные кредиты, привлекать инвестиции. Однако сохранять баланс интересов не всем удается — пример тому К.Бакиев. Его непоследовательность при заключении соглашения с США о Центре транзитных перевозок в

аэропорту «Манас», попытки разыграть «конкурентный сценарий» взаимодействия между США, Россией и Китаем по ряду не только тактических, но и стратегических вопросов успеха не имели. Негативный резонанс получило, например, предложение, сделанное им в январе 2010 года китайской стороне, стать партнером в приоритетных гидроэнергетических проектах, под которые ранее были получены российские кредиты, почву для тревожных комментариев создали и просочившиеся в СМИ сведения об американских планах открытия тренировочного контртеррористического центра.

Многовекторность, несомненно, останется важнейшим приоритетом внешней политики нового киргизского руководства. Одним из знаковых шагов в этом плане стало решение Временного правительства об автоматическом продлении договора о нахождении базы «Манас» в стране еще на год. Подтверждены другие международные обязательства Киргизии. В целом, в отношении событий в Киргизии между ближними и дальними соседями Киргизии быстро сложился международный консенсус, который оказался не в пользу К.Бакиева. Попытки извлечь личную выгоду из многовекторной внешней политики и под ее прикрытием превратить страну в феодальную вотчину потерпели поражение.

Очевидно, что новому руководству республики стоило бы учесть уроки своих предшественников. Это касается как внутренней, так и внешней политики — ведь, как известно, служба нескольким господам одновременно не доводила до добра ни одного из киргизских лидеров. Разумеется, выбор за киргизской стороной. Однако на данном этапе самым верным союзником Киргизии оказалась Россия, отказавшаяся вмешиваться в ее внутренние дела, но оказавшая ей незамедлительную материальную помощь.

Поэтому логичным для нового руководства страны был бы выбор действительно стратегического союза с Россией, страной, с которой ее связывает богатое прошлое, страной, которая не в теории, а на практике, помогает не отдельным элитным группировкам, а непосредственно киргизскому народу.

12 июня Временное правительство Киргизии обратилось к России с официальной просьбой ввести миротворцев, чтобы как можно быстрее прекратить этнические столкновения на юге страны. Российские власти ответили на эту просьбу отказом, назвав происходящее внутренним делом Киргизии. 14 июня Секретари Советов безопасности государств ОДКБ приняли решение оказать помощь Киргизии — предоставить авиацию, технику, военный транспорт, спецсредства. Однако в поставках оружия и посылке миротворцев отказано.

Подобная реакция государств ОДКБ не случайна — в совместном заявлении глав-государств ОДКБ от 8 мая 2010 года констатируется неконституционный характер смены власти в Киргизии, что вызвало в

Бишкеке острую, болезненную реакцию, причем не столько со стороны Временного правительства, которое реалистично признает внеконституционный характер «восстания», сколько со стороны интеллигенции.

Как нам представляется, осторожная реакция России связана не только с отсутствием международной легитимации нового правительства, но и со сложившимся в постсоветский период фактическим разделением «соседской ответственности» Казахстана за север Киргизии, а Узбекистана за юг страны. Для Казахстана приоритетом является защита прав казахстанских собственников в экономической инфраструктуре страны и их территориального выражения в районе Иссык-Куля, для Узбекистана приоритетны права этнических узбеков и безопасность Ферганской долины. Игнорировать эти интересы нельзя.

Не стоит, видимо, забывать и прежние высокомерные декларации временного президента Киргизии Розы Отунбаевой о недемократичной и имперской России, к которой она теперь, за гранью выживания собственного государства, уничтоженного «клановой демократией», обращается за военной помощью, не беспокоясь о национальном суверенитете.

Все это требует от российской стороны повышенной осторожности как в публичных оценках, так и в конкретных действиях.

Первостепенную важность приобретает твердое подтверждение принятых ранее Бишкеком договорно-правовых обязательств. Особенно в том, что касается позиций русского языка, защиты прав и интересов российских соотечественников. Важное значение будет иметь и подписание ранее согласованных договоренностей о военном сотрудничестве и государственных гарантиях российскому бизнесу. В условиях нынешнего киргизского хаоса России особенно важно детально обсуждать и четко фиксировать обязательства за каждый миллион финансовой помощи и каждую тонну гуманитарных грузов. Их неразрывная, «пакетная» связь должна быть очевидна каждому временному и каждому постоянному правительству Киргизии.

Что касается позиции российской стороны в отношении существующих на территории Киргизии американских военных объектов, то она, скорее всего, будет базироваться на понимании важности совместного с США решения задач в борьбе с международным терроризмом. Тем более, что Россия выступает за конструктивное сотрудничество структур ОДКБ и НАТО, полагая, что оно в итоге пошло бы на пользу региональной стабильности.

Использованные Интернет-ресурсы: kremlin.ru (официальный портал президента России), mid.ru (официальный портал МИД России), acorda.kz (официальный портал президента Казахстана), www.prezident.tj/rus (официальный портал президента Таджикистана), gov.uz/ru/ (официальный портал правительства Узбекистана), dkb.gov.ru (официальный портал Организации Договора о коллективной безопасности), fergana.ru (информационное агентство «Фергана.Ру»), ng.ru («Независимая газета»), globalaffairs.ru (журнал «Россия в глобальной политике»), gazeta.ru (интернет-издание «Газета.Ру»).

Вагиф ГУСЕЙНОВ, Александр ГОНЧАРЕНКО

РОССИЯ В МИРОВОМ ТЭКЕ: РЕСУРСЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ¹

«Экономика должна быть экономной» — любил повторять сей лозунг Александра Бовина Леонид Ильич Брежнев. Автор не менее колоритного слогана, что энергетика является одним из основных двигателей экономики, неизвестен, но справедливости ради надо признать, что актуальность вывода не потеряется минимум несколько десятилетий. Это прямо относится к России, у которой из трех ключевых ресурсов развития — интеллектуальный потенциал, территория и полезные ископаемые — последний имеет преобладающее значение.

Россия всегда считалась одним из ведущих энергетических государств мира. Обращает на себя внимание уникальность нашей страны с точки зрения ее энергообеспеченности. Так, территория России занимает 11,4% суши на Земле, то есть немногим больше 1/9 ее части. Численность населения страны составляет менее 2% от численности населения мира. При этом в стране сосредоточено 23,4% мировых запасов природного газа, от 6,3% до 9% (по разным оценкам) мировых разведанных запасов нефти, 6,3% нефти и 19% угля². В России сосредоточены 23,4% мировых запасов природного газа. Наша страна обеспечивает 12,4% мирового производства нефти и занимает первое место в мире по трубопроводной торговле природным газом, а как экспортер нефти делит пальму первенства с Саудовской Аравией.

Трудно переоценить роль ТЭКа и в экономике России. В настоящее время ТЭК обеспечивает 20% ВВП, 25% поступлений в федеральный бюджет и около 25—30% объема инвестиций³. В 2007 году из 6,9 трлн. руб. доходов федерального бюджета свыше 4 трлн. руб. (почти 60%) пришлось на минерально-сырьевую базу⁴. Нефтегазовая отрасль обеспечивает 12% промышленного производства России, а общее число

¹ Из книги «Тенденции развития нефтегазового комплекса России (2000–2010 годы)», готовящейся к изданию в библиотечке «Вестника аналитики».

² Данные BP Statistical Review of World Energy-2009.

³ Из выступления С.Нарышкина на V Всероссийском энергетическом форуме «ТЭК России в XXI веке».

⁴ Правда о российских углеводородах // НГ-Энергия, 8 сентября 2008 г.

людей, занятых в ней, составляет 3% от общего числа работоспособного населения. Однако даже эти цифры не в полной мере отражают зависимость экономики РФ от конъюнктуры мирового энергетического рынка, что в полной мере продемонстрировала динамика макроэкономических показателей России во время продолжающегося практически 8 лет непрерывного роста мировых цен на нефть и «острой фазы» экономического кризиса 2008–2009 годов, сопровождавшейся практически пятикратным снижением нефтяных котировок.

Россия признается ключевым звеном в системе международной энергетической безопасности не только на традиционных рынках сбыта энергоносителей (Европа, США), но и на новых — в Китае, Индии и других странах Азии, где энергопотребление растет опережающими темпами.

Анализ развития российской и международной систем энергообеспечения указывает, что в глобальном масштабе Россия является одной из крупных мировых сырьевых баз, за счет которых возможно удовлетворение перспективных энергетических потребностей. В связи с этим роль нефтегазового комплекса России в ближайшие десятилетия будет неуклонно расширяться.

По данным российских специалистов⁵, имеющиеся и перспективные запасы газа позволят при наличии соответствующих инвестиций и благоприятной ситуации на внутреннем и внешнем рынках довести добычу газа к 2020 году до 890 млрд. куб. м в год с последующим поддержанием добычи на этом уровне за счет ввода в эксплуатацию новых месторождений.

Добыча газа в Западной Сибири в ближайшее десятилетие стабилизируется, поэтому весь прирост добычи обеспечит ввод в эксплуатацию новых месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока, шельфа северных и дальневосточных морей. Значительные запасы и перспективные ресурсы природного газа Восточной Сибири и Дальнего Востока теоретически позволяют создать в данном регионе новые центры газодобычи. Добыча газа в Западной Сибири может быть доведена до 670 млрд. куб. м, в Восточной Сибири — до 120 млрд. куб. м, на Дальнем Востоке — до 30 млрд. куб. м в год.

Экспорт СПГ с месторождений Сахалина в АТР стартовал в феврале 2009 года, в ближайшее время объем его поставок в рамках «Сахалина-2» может быть доведен до 10 млн. т СПГ в год. После 2015 года может быть реализован проект поставок газа с Ковыктинского месторождения в Китай и Корею, а после 2015 года начнется экспорт с других крупнейших месторождений Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия). В это же время возможна и транспортировка газа по

⁵ См. например, Коржубаев А., Филимонова И. Светлое будущее в углеводных тонах // Нефть России (Москва), 5 июля 2007 г.

трубопроводам с месторождений «Сахалина-1». На 2015–2016 годы намечен запуск разработки Штокмановского месторождения, которое должно стать базой для газопровода Nord Stream, а также — в перспективе — для еще одного российского завода по производству СПГ.

Имеющиеся и перспективные запасы нефти позволят сохранить рост добычи нефти, хотя в реальности темпы добычи в Западной Сибири замедлятся. Годовая добыча нефти в РФ к 2020 году потенциально может быть доведена до 550 млн. т.

Мощности магистральных нефтепроводов и морских терминалов для экспорта и транзита нефти из России за пределы СНГ смогут возрасти к 2015 году в 1,5 раза по сравнению с сегодняшним уровнем. Это позволит реализовать перспективные объемы экспорта нефти в дальнее зарубежье.

Однако все вышеперечисленные оценки отражают некий идеальный прогноз развития российского ТЭКа, исходя из имеющегося огромного ресурсного потенциала. В реальности же нарастание конкуренции на мировом энергетическом рынке в сочетании с накопившимися проблемами в отечественном ТЭКе делают задачу поступательного роста добычи углеводородов практически невыполнимой в среднесрочной перспективе.

Кроме того, как отмечает бывший председатель ЦБ РФ С.Дубинин, наличие значительного потенциала природных ресурсов породило в среде правительственных чиновников иллюзию неограниченных финансовых возможностей. Однако это не совсем так: энергетические резервы России огромны, но они ограничены. Ограничения налагаются как объемом внутреннего потребления и его низкой эффективностью, так и условиями добычи, труднодоступностью месторождений⁶.

Не стоит переоценивать и газовые успехи России. Наша страна — бесспорный лидер лишь по газовым запасам. В части добычи данные разнятся: если брать статистику ВР, в 2002–2008 годах Россия лидировала в добыче товарного газа, обходя США. Речь о топливе, которое не было закачано потом обратно в пласт или сожжено на факелах. Валовая, т.е. общая, добыча газа у Штатов больше, гласят данные национальных регуляторов; лишь однажды США уступили лидерство России — в начале 1990-х годов⁷.

В последние годы за счет благоприятной мировой конъюнктуры и завершения основных организационных преобразований нефтяная промышленность РФ находилась на подъеме. Однако мировой финансовый кризис 2008 года, сопровождающийся резким падением цен на углеводороды, продемонстрировал практически полную зависимость России от внешних энергетических рынков не только российской эко-

⁶ Дубинин С. Россия против кризиса. Кто победит? — М.: Русь-Олимп, 2009.

⁷ Качали, как могли // Ведомости, 12 января 2010 г.

номики, но и самой структуры нефтегазового комплекса. В конце 2008 года и первой половине 2009 года на фоне незначительного падения мирового потребления углеводородов (на 2% — нефть и на 5% — газ по итогам 10 месяцев 2009 года)⁸ и крайне неблагоприятных ценовых показателей рынка Россия демонстрировала колоссальные темпы падения добычи нефти и газа. Ситуацию исправила относительная стабилизация рынка во второй половине 2009 года. При этом, несмотря на громадный потенциал, ситуация с добычей нефти и газа становится все более неопределенной.

Во время заседания Совета безопасности РФ 22 декабря 2005 года Путин фактически подтвердил, что иного выбора, кроме как полагаться на сверхприбыли энергетиков, у России не остается: «от того, какое место мы займем в глобальном энергетическом контексте, прямо зависит благополучие России в настоящем и будущем»⁹.

Казалось бы, в подобных условиях разумно позаботиться о своевременном пополнении запасов, которые составляют основу нашего благополучия. Но здесь-то, как отмечает профессор, доктор геолого-минералогических наук В.Гаврилов, и кроется «подводный камень» энергетической политики нашего государства. Систематическое недофинансирование геологоразведочных работ, которое наблюдалось в России с начала 1990-х годов до настоящего времени, привело к тому, что за период с 1993 по 2007 год прирост запасов нефти по России в целом компенсировал лишь 34,5% добычи. Основной прирост запасов нефти достигался на уже открытых месторождениях за счет «переоценки» запасов.

В последние годы ситуация несколько корректировалась, но все равно с 1991 года накопленный дефицит запасов углеводородов, исчисляемый в 6 млрд. т условного топлива, остается некомпенсированным. В итоге в целом по России запасы углеводородного сырья уменьшились на 15%, а в Западной Сибири — на 20%. Если ситуацию не изменить, то скоро, примерно лет через 25, мы увидим дно нефтяного колодца. По газу это событие может произойти через 40 лет¹⁰.

Годы благоприятной конъюнктуры нефтегазовых цен вместо инвестиций в новые проекты были растрачены на многочисленные и зачастую бесполезные сделки по поглощению активов со стороны госкомпаний. Многие частные собственники и иностранные инвесторы были вынуждены свернуть проекты в РФ или передать контроль над ними государству в лице госкомпаний, что привело к значительному снижению инвестиционной привлекательности российского ТЭКа.

Решая задачи пополнения своих прохудившихся закромов, «Газпром» фактически «задавил» основных независимых производителей газа. Все эти действия монополии могли бы быть списаны на «болезни

⁸ Рост перешел в падение // Ведомости, 6 ноября 2009 г.

⁹ Путин презентует проект обновленной энергетики // Известия, 23 декабря 2005 г.

¹⁰ Правда о российских углеводородах // НГ-Энергия, 8 сентября 2008 г.

роста», если бы она вкладывала полученную в результате продажи собственного и перепродажи газа других производителей прибыль в освоение новых месторождений и газификацию регионов России. В реальности же происходит обратное.

2000–2008 годы — время практически непрерывного роста нефтяных цен — предоставляли возможность России использовать энергетический фактор для укрепления своих позиций в мировом сообществе. Усиление государственного регулирования ТЭКа позволило улучшить наполняемость бюджета, создать «подушку безопасности» в виде стабфонда, активизировало внешнюю энергетическую политику и энергетическую дипломатию, дало возможность России использовать энергетический фактор для укрепления своих позиций в мировом сообществе. И действительно — энергетические вопросы подчас превалируют во внешнеполитической повестке дня.

Основными задачами внешней энергетической политики России последнего десятилетия стали наведение порядка во взаимоотношениях с потребителями — странами СНГ, диверсификация экспортных путей российских углеводородов, рост влияния «Газпрома» в европейской энергетической системе, получение доступа к конечным потребителям на западных рынках. Эти цели были достигнуты лишь частично.

Вошла в практическую плоскость концепция диверсификации поставок углеводородов потребителям напрямую, минуя страны-транзитеры. Введен в строй газопровод «Голубой поток» и нефтепровод Балтийской трубопроводной системы (БТС). Введение в строй БТС ликвидировало зависимость России от транзита при экспорте нефти через порты на Балтике: по мере расширения мощности этой системы «Транснефть» под разными предлогами отказалась от поставок нефти через Латвию и Литву, соответственно, сократив транзит через Белоруссию. Приближается к началу реализация газопроводного проекта Nord Stream, введена в строй первая очередь нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО) с ответвлением на Китай, что позволит существенно усилить позиции России на переговорах с ЕС (появляется новый, альтернативный Европе рынок сбыта). «Газпрому» удалось добиться от европейских партнеров подписания долгосрочных контрактов на поставки газа, а также расширить круг европейских партнеров в основном за счет операций «обмена активами» с энергетическими корпорациями Германии и Италии.

Однако фактически на этом список наших достижений во внешней энергетической политике России исчерпывается. На другой чаше весов — многочисленные упущенные возможности и собственные промахи, число и геополитический «вес» которых не позволяет говорить об успехах «глобального энергопроекта».

В частности, переход на коммерческие взаимоотношения в энергетике со странами СНГ (ознаменовавший конец фактического субси-

рования экономик этих государств) был проведен с таким количеством грубых политических просчетов, что эффект от такого шага оказался скорее негативным, а Россия окончательно потеряла доверие стран своего ближайшего окружения. По видимому, дело в том, что изначально Москва исходила из того, что экономики и бюджеты стран СНГ не могут позволить себе покупать дорогой газ, и ситуация вынудит их пойти на уступки Москве по другим вопросам. Однако за годы «рыночных отношений» Россия практически не приобрела ничего из того, за что боролась. Украина и Грузия предпочитают сегодня покупать газ по высокой цене, чем идти на политические уступки. При этом Россия имеет огромные репутационные проблемы в Европе, ущерб имиджу страны как надежного поставщика энергоресурсов.

Россия стремительно теряет контроль над странами постсоветского пространства, что проявляется, в частности, в ходе переговоров по энергетической проблематике. Одним из индикаторов данной тенденции является переориентация большинства стран СНГ на сотрудничество с Западом по широкому кругу вопросов как политического, так и экономического характера.

Между тем возможности «Газпрома» применять «газовый ресурс» на постсоветском пространстве постепенно сходят на нет. До недавних пор Москва строила свою политику в ближнем зарубежье на предположении, что низкие цены на нефть и газ служат достаточной гарантией от непредсказуемого поведения соседей. Однако последние события наглядно демонстрируют, что страны постсоветского пространства одна за другой отказываются следовать в фарватере Кремля, несмотря на реальную перспективу сокращения притока дешевого топлива. Угроза возникновения энергодефицита уже не срабатывает, и Грузия, Молдавия, Украина все смелее оспаривают первенство России и активнее занимаются поиском альтернативных поставок углеводородов.

Энергетические конфликты с Белоруссией и Украиной стали, по сути, регулярным явлением, что как ничто другое показывает политическую слабость России на постсоветском пространстве. Как справедливо по этому поводу отмечает директор по макроэкономическим исследованиям ГУ-ВШЭ С.Алексашенко, «очень плохо, когда политик повторно наступает на одни и те же грабли. Но в тысячу раз хуже, когда он вообще не понимает существования граблей и каждый удар по своему лбу воспринимает как происки врагов»¹¹.

Все это говорит о том, что в ближайшей перспективе ситуация с газовыми поставками на постсоветском пространстве будет оставаться неурегулированной. «Газпрому» предстоят непростые переговоры с украинской и белорусской сторонами.

¹¹ saleksashenko.livejournal.com/57430.html

Концепция диверсификации поставок углеводородов потребителям напрямую, минуя страны-транзитеры, продвигается также медленно. В сфере выстраивания трубопроводной политики можно было бы добиться намного большего. До сих пор в «подвешенном» состоянии находятся ряд ключевых трубопроводных проектов (газопровод South Stream, Прикаспийский газопровод, нефтепроводы Бургас-Александруполис и БТС-2).

Внешняя экспансия российского газа сталкивается с рядом ограничений. Среди них можно выделить как конкуренцию на внешних рынках и необходимость больших вложений в развитие экспортной инфраструктуры в Европе и Азии, так и проблемы на внутреннем рынке. На европейском направлении главным ограничителем, помимо конкуренции со стороны Алжира и Норвегии, является переход ЕС на принципы энергетической либерализации, то есть отказ Евросоюза от долгосрочных контрактов в пользу спотовых и снижение доли одного поставщика в энергобалансе каждой отдельной страны менее чем до 35%. Таким образом, «Газпром» теряет часть рынка ФРГ и восточноевропейских стран, которые в ближайшей перспективе могут стать членами ЕС. В результате «Газпром» не только утрачивает гарантии сбыта большей части своего газа по стабильным ценам, но и возможность получения кредитов под заключенные долгосрочные контракты.

«Газпром» продолжает усиливать свои позиции на внешнем рынке, однако со стороны руководства концерна открыто игнорируются как основные тенденции развития газового сектора в мировой экономике, так и сложная ситуация, складывающаяся в российской газодобыче. Это представляет определенную опасность для газового концерна, особенно в свете стремления Европы освободиться от энергозависимости от России. По сути, переговоры по энергетике с Европейским союзом оказались замороженными, а взаимодействие ЕС и России в вопросах газового снабжения все больше напоминает времена «холодной войны».

Сегодня на мировом рынке газа наблюдается очевидное превышение предложения над спросом. Причиной этого стало, с одной стороны, снижение спроса со стороны западных стран вследствие тяжелейшего экономического кризиса, а с другой, появление на рынке избыточных объемов СПГ от недавно введенных в строй предприятий. Именно по этой причине рухнули спотовые цены на газ, упавшие летом 2009 г. до 120 долл. за 1 тыс. куб м. С учетом этого европейские потребители начали требовать от «Газпрома» пересмотра контрактных объемов закупки газа, а также принципов ценообразования на газ.

Появление в игре больших объемов сланцевого газа еще сильнее сдвинет баланс в сторону избытка предложения. Цены на газ будут постоянно низкими в течение многих лет. Российский газ может стать не просто слишком дорогим для европейских и других потенциальных

покупателей, которые смогут удовлетворять свои потребности за счет дешевого СПГ, он будет просто не востребованным. Еще сложнее выглядят перспективы североамериканской экспансии российского газового концерна.

Актуальность этих вызовов создает необходимость переосмысления стратегии и тактики поведения России в глобальном экономическом пространстве.

Конечно же, с учетом имеющегося ресурсного потенциала Россия, по крайней мере в ближайшие 40–50 лет, имеет все шансы остаться ведущей энергетической державой мира и одним из основных поставщиков углеводородного сырья на мировые рынки. Но в то же время правящей элите страны необходимо принять все меры для уменьшения политических рисков в развитии нефтегазового сектора, для повышения предсказуемости развития ее энергетической политики страны и перехода на новую, более энергоэффективную экономическую платформу.

По сути, на мировом энергетическом рынке созданы предпосылки для освоения новых территорий, технологий энергоэффективности и создания новой инфраструктуры. Очевидно, что в настоящее время Россия к этому не готова ни с точки зрения существующих технологий, ни в связи с низкой инвестиционной привлекательностью экономики. Данное обстоятельство ставит перед политическим руководством страны непростой выбор между попытками дальнейшего огосударствления ТЭКа и объективной потребностью в инвестициях и современных технологиях.

Очевидным становится и необходимость выстраивания четкой внешней энергетической политики, которая бы не зависела от сиюминутных политических выгод и отвечала бы задачам повышения инвестиционной привлекательности российской экономики и ТЭКа в частности. От того, насколько политика российских властей будет способствовать выполнению этих задач, в конечном счете зависит конкурентоспособность России в мировой экономике.

О КОНКУРЕНТНОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Заочный «круглый стол» (продолжение)

Ведущий — доктор исторических наук, профессор, ректор Восточной экономико-юридической академии, член Аккредитационной коллегии Рособрнадзора, эксперт комитета по образованию и науке Государственной Думы РФ Евгений Миннибаев

Продолжаем обсуждение опубликованных в прошлом номере вопросов:

1. Как вы оцениваете нынешнее состояние российского высшего образования?

2. Каковы, на ваш взгляд, достоинства и недостатки проводимых в настоящее время структурных преобразований в высшей школе и экспертные оценки их влияния на конкурентную сферу, перспективное положение образования и развития общества?

3. Какие законодательные, административные, общественные и другие меры необходимо принять, чтобы за счет развития конкуренции реально и значимо повысить приоритет и качество высшего образования, социальную и экономическую эффективность работы вузов? Какие условия и тенденции станут определяющими динамики сферы образования — государственное регулирование или конкурентное развитие высших учебных заведений?

4. Что может наиболее эффективно повлиять на перспективы и положение в мире нашей высшей школы? Что означает для России высокая конкурентоспособность отечественных вузов?

5. Консерватизм или инновации, традиционные или новые образовательные технологии, утвердившиеся формы или принципиально новые виды образовательных организаций должны в перспективе определять облик системы образования, которая будет способна формировать общество и экономику, основанную на знаниях?

6. По вашему мнению, нынешнее состояние российской экономики и развитие общества, с одной стороны, и нарастающие потребности грядущего информационного общества требуют от высшей школы опоры на теоретическую подготовку или на практические навыки спе-

циалиста, фундаментальные или прикладные знания, широкий профиль или узкую специализацию вузовских выпускников?

7. Как вы думаете, чтобы быть конкурентоспособным, российское высшее образование должно стать элитным или доступным широким слоям населения, что мешает организации эффективной системы «образование через всю жизнь»? Что самое ценное нужно сохранить в нашем образовании, а что привлечь из мирового опыта для создания действительно конкурентоспособной системы образования, адекватной новым вызовам и задачам, стоящим перед нашей страной?

На вопросы редакции отвечают:

Владимир Петров, кандидат исторических наук, ректор Регионального открытого социального института (г. Курск).

1. Образование как часть общества является отражением этого общества. Поэтому состоянию образования присущи характеристики состояния общества нашего времени: переходность, структурные изменения, неопределенность, устремленность вперед. Российское общество ищет пути ускоренного развития, чтобы страна не выпала из «обоймы» ведущих держав, то же самое пытается делать и образование, как один из факторов этого опережающего развития. Достоинством образования как системы передачи знаний и нравственных ориентиров является его консерватизм. Именно системе образования в значительной степени страна обязана тем, что ее развитие в 1990-е годы пошло по эволюционному, а не революционному пути. Она являлась, пожалуй, единственным стабилизирующим фактором в постсоветское время, когда менялись, а зачастую рушились все привычные ориентиры и болезненно формировались новые реалии. Теперь настало время, в силу того, что общество в своих основополагающих социально-экономических характеристиках ушло вперед, опережающего развития системы образования, которая должна завершить свою структурную перестройку на принципах и механизмах, адекватных современным реалиям и вызовам времени. Иными словами, достоинством системы образования на настоящем этапе развития должна стать ее способность быть локомотивом опережающего развития российского общества.

2. Достоинством является то, что преобразования идут. Недостатком — отсутствие у тех, кто их проводит, методологии преобразований, принципов и механизмов, дающих стимулы к развитию. Точнее, то видение принципов и механизмов, которое у них присутствует, методологически, на наш взгляд, основано на устаревших и иллюзорных основаниях, взятых из практики прошлых эпох. Что мы имеем ввиду? Практика российских модернизаций, начиная с Петра Вели-

кого и заканчивая индустриализацией 30-х годов прошлого века, давала выдающийся эффект благодаря государственной мобилизации «всего и вся», в том числе образования и науки. Мобилизация характеризовалась концентрацией финансовых, материальных, человеческих, административных и т.д. ресурсов на задаче «догнать и перегнать». То есть развитие, как правило, основывалось на политической воле государства. Само по себе это хорошо, когда государство берет на себя инициативу. Вопрос только в том, какие средства предлагаются для ее реализации и насколько они адекватны условиям реализации поставленных задач. Развитие конкуренции в образовательной и научной сферах может, как показывает мировой опыт, стать действенным инструментом, в повышении эффективности их деятельности. К сожалению, следует констатировать, что конкурентная среда в российском образовании в настоящее время только формируется и формируется под негативным влиянием государственной политики в этом вопросе.

Главным противоречием сегодняшнего рынка образовательных услуг является неравноправное положение его субъектов, что ведет к ограничению конкуренции. Это, в частности, находит проявление в отсутствии рыночного механизма доступа всех вузов ко всем возможным каналам финансирования образования и наличии *de facto* дискриминационных условий их функционирования на рынке образовательных услуг.

Такое положение закреплено в действующем законодательстве. Так, негосударственные образовательные учреждения (НОУ) полностью лишены доступа к бюджетным ассигнованиям на подготовку кадров с высшим образованием. Это, в свою очередь, является одной из причин отсутствия режима добросовестной конкуренции на рынке образования, т.к. один из субъектов рынка (государственные образовательные учреждения — ГОУ) имеет заранее определенную «устойчивость» в форме государственного задания, что зачастую лишает их стимулов к развитию.

В качестве еще одной иллюстрации можно привести пример с уплатой вузами налогов на имущество и за пользование землей. Образовательные учреждения вне зависимости от организационно-правовой формы собственности платят эти налоги. С точки зрения закона, таким образом, НОУ и ГОУ формально равны. Но с точки зрения механизма уплаты и фактических последствий для вузов, а также ситуации конкуренции на рынке, это совсем не так однозначно.

В отношении ГОУ оплата налогов происходит за счет федерального бюджета. НОУ производят оплату налогов самостоятельно, что накладывает дополнительные финансовые расходы на их бюджеты. Они вынуждены изыскивать необходимые ресурсы за счет сокращения внутренних программ развития, т.к. компенсация этих расходов через

увеличение размера платы за обучение сделает их неконкурентноспособными по сравнению с аналогичными ГОУ на рынке образовательных услуг и приведет к постепенному свертыванию деятельности этого сектора российской системы образования.

Последние шаги по реструктуризации системы высшего образования, на наш взгляд, тоже не будут способствовать развитию конкурентных начал в ней. Выделение сектора «привилегированных вузов» — это не инструмент развития конкурентной среды. Это формирование монополизма. А, как известно, монополия ведет к застою.

Таким образом, мы видим проявление классических примеров ограничения конкурентной борьбы на внутреннем рынке самим государством. Меры эти носят как общий, так и селективный характер. В первом случае, когда государство финансирует только один сектор образования или когда правительство само определяет, какие вузы будут пользоваться государственной поддержкой. Во втором, когда государственная власть сдерживает развитие конкуренции, создавая дискриминационные условия деятельности одних и режим «наибольшего благоприятствования» для других. Мотивацией такого подхода являются либо политика, формируемая на базе традиций и давления образовательного лобби, либо — личного предпочтения политических лидеров.

3. Пожалуй, ответ на данный вопрос стоит начать со второй его части. Мы не можем однозначно утверждать «государственное регулирование или конкурентное развитие высших учебных заведений» будет превалировать в ближайшем будущем, потому что это зависит от политических установок в данном вопросе, реализованных законодателем в статье закона. Но, судя по последним действиям власть предержащих, все же — первое.

В то же время надо отметить, что, если бы в сфере образования утвердились конкурентные начала, то и это могло бы произойти только путем государственного регулирования. Таким образом, государственное регулирование будет присутствовать при любом варианте развития, только содержание и механизмы его реализации будут различны.

Все же, если за основу взять рыночный вариант развития, основанный на конкурентных началах, то государственное регулирование, по нашему мнению, могло бы включать решение следующих задач:

- сужение сферы не рыночных отношений при сохранении социальных гарантий и соблюдении интересов государства;
- расширение сферы рыночных отношений через формирование государственного заказа на подготовку специалистов и распределение его на принципах конкурса;
- участие государства в субсидировании процентной ставки или предоставлении гарантий по образовательным кредитам.

Исходя из обозначенных задач, считаем возможным определить не рыночную составляющую системы подготовки специалистов, как потребность государства в специалистах для социально значимых отраслей. Эта потребность выступает как социальная необходимость и количественно выражается в размере «госзадания».

Применительно к подготовке специалистов — это учителя, врачи, социальные работники, правоохранительные органы, военные, кадры для фундаментальной науки и т.д. То есть это специалисты, призванные обеспечить исполнение государством своих основополагающих функций. Здесь так же уместно говорить о внедрении договорных отношений между государством и выпускником, обучавшимся по квоте «госзадания», которые могут предусматривать «компенсационный механизм» в отношении затраченных государством средств на подготовку специалиста, включая обязательство работы на определенный срок в интересах государства по полученной профессии или возврата средств.

Рыночная составляющая может быть расширена за счет финансирования государством подготовки специалистов для народного хозяйства на бюджетные средства на конкурсной основе и выступает в форме «государственного заказа». С учетом того, что в настоящее время из бюджета финансируется более 200 студенческих мест на 10000 человек населения и при условии выработки реального государственного задания, размер государственного заказа, переведенного на рыночные основы, может быть довольно внушительным.

При этом государство может пойти по линии перевода на рыночные «рельсы» не собственно финансирования обучения, а, например, субсидирования или полной компенсации процентной ставки по образовательному кредиту и части невозвратного долга. Это будет тот инструмент, который способствует развитию рыночных начал во всем их спектре от развития банковской сферы до личностной мотивации.

Личный интерес является важной составляющей рынка образования. Механизмы рынка здесь существуют 15 лет. Корпоративный интерес пока представлен на рынке в недостаточной степени. Бизнес предпочитает получать «готовый продукт» на бесплатной основе, а затем «доводить» его до нужных параметров. Участие граждан в финансировании своего образования ограничено их финансовыми возможностями. В условиях кризиса резко возросли финансовые риски для физических лиц, оплачивающих свое образование. Устранить их в значительной мере может участие государства в субсидировании ставки процента по образовательным кредитам.

Здесь так же совершенно естественно вписываются договорные отношения между государством, банком, вузом и обучающимся в отношении возврата полученного кредита в течение определенного време-

ни после получения образования и поступления на работу. Кстати, на этих основаниях может быть решен вопрос и о возвратности средств в случае переезда выпускника на работу за рубеж.

Принципиально важным является вопрос, кто будет проводить Конкурс. По нашему мнению, это не должно быть профильное министерство! Это должно быть либо Министерство экономического развития, либо независимая конкурсная комиссия. Это позволит в значительной степени уйти от начал ведомственного подхода, протекционизма и перейти к принципу государственного интереса.

4. Часто под высокой конкурентоспособностью отечественных вузов понимают два момента: высокий международный рейтинг и привлекательность для иностранных студентов. Первое — сугубо западное изобретение, которое теперь используется и у нас в стране. Коль скоро оно возникло там, то и критерии его характерны для тамошнего восприятия и понимания. Наши вузы, зачастую, в него не укладываются и нашими вузами не понимаются. Выхода два. Первый, воспринять правила игры, развить и представить в выгодном свете те стороны деятельности вузов, которые «рейтингуются». Надо понять, что рейтинг — это, конечно, отражение действительности, правда не всей; но это и PR для второго — иностранных студентов. Это — второе — проблема комплексная. Одного PR здесь недостаточно. Для этого сама страна должна стать привлекательной!

Но при этом хочется заметить, что удачно складывающаяся судьба многих наших соотечественников, в том числе и недавних студентов, как за пределами страны, так и на Родине, свидетельствует, что уровень их подготовки вполне конкурентоспособен.

5. Представляется, что современная система образования должна включать в себя все вышеперечисленное: здоровый консерватизм и открытость всему новому; объем традиционных знаний, обличенных в новые образовательные технологии, позволяющие их эффективно усваивать; утвердившиеся формы и принципиально новые виды образовательных организаций, которые позволят удовлетворить потребителя в его стремлении получить современное и востребованное образование.

6. Фундаментальность подготовки всегда была достоинством российской высшей школы во все времена ее существования. При этом время диктует необходимость узкопрофильной прикладной подготовки современного специалиста. Но кто сказал, что это взаимоисключающие тезисы? Фундаментальность, широкий научный кругозор — основа для новых идей, узкая специализация — залог качественного и эффективного выполнения своих обязанностей. Достичь этого сплава и призвана современная высшая школа, чтобы не было, как в знаменитой интермедии А.Райкина, когда пришедшему на производство молодому выпускнику говорят: «Забудь, чему тебя обучали в вузе...».

7. Если под элитным подразумевается высокое качество содержания образования, то, безусловно, — «да». И это уже существует в силу того, что есть вузы, дающие очень высокий уровень знаний и воспитания. Если речь идет об элитности, а, точнее, элитарности, с точки зрения, прежде всего, финансовой недоступности широким слоям населения, то эта модель тоже существует и от этого никуда не уйти. Но все же, по нашему мнению, стране нужно прежде всего массовое, доступное, качественное высшее образование.

«Образование через всю жизнь» — это насущная потребность нынешнего дня. Этот принцип может быть реализован двумя субъектами, задействованными в производственном процессе, — работником и работодателем. Каждым в своих интересах, но для общей пользы. Когда и те и другие поймут и почувствуют, что на образовании не экономят, т.к. образованный работник — это выгодно, тогда «образование через всю жизнь» станет не лозунгом, а потребностью.

Самое ценное в нашем образовании — это традиция фундаментальности, самое ценное в мировом опыте — это свобода развития высшей школы, что и у нас называется автономией, но не всегда реализуется в полной мере.

Сергей Крамаров, доктор физико-математических наук, профессор, исполнительный директор Межрегиональной ассоциации специалистов негосударственных образовательных учреждений Южного региона (г. Ростов-на-Дону).

1. Нынешнее состояние российского высшего образования я считаю излишне «обюрокраченным». Многие системные процессы, связанные с развитием системы образования, сводятся к централизованному распределению средств на содержание государственного сектора и, как следствие, практически не связаны с развитием негосударственного сектора. Не отработана пока система, способствующая стремлению государственных вузов к экономической самостоятельности, хотя переход к автономным организациям должен бы стимулировать такой переход, но до реального перехода к рынку образовательных услуг в системе образования еще очень далеко. Если же говорить о качестве образования, то, на мой взгляд, оно с каждым годом снижается, и это не только потому, что снижается качество на предыдущей ступени образования (это мы отмечаем по нашим абитуриентам), но и потому, что существующие методы приведения к «единому государственному стандарту» сильно заформализованы.

2. На мой взгляд, современное российское высшее (да и не только) образование «увлеклось» вопросами формирования различных структур, различных организационных «форм», в ущерб реализации и развития реальных процессов развития образования и науки. Действи-

тельно, мы часто вначале лишь декларируем создание различных организационных структур, а только потом пытаемся наполнить их содержанием. Это касается и создания технопарков, наукоградов и пр. Известно много случаев, когда на бумаге создается очередной технопарк, выделяются средства на его создание, развитие, назначается директор и т.д. и т.п., а затем, когда первоначально выделенные средства «съели», создатели таких структур, как птенцы, которые ждут очередной пищи от своих родителей, сидят с открытым «клювом» и ждут очередной порции... На мой взгляд, вначале необходимо развить сам «процесс» в рамках уже имеющихся структур, доказать его эффективность, а затем уже придумывать его организационные формы. При этом в понятие «процесс» я вкладываю все аспекты его реализации, включая, естественно, и его развитие, привлекательность для молодых, перспективных кадров.

3. Сегодня в рамках дискуссий по проблемам профессионального образования в России как бы за рамками остается важнейший вопрос повышения профессиональных знаний тех, кто уже имеет соответствующее образование. Знания, полученные в системе профессионального образования, если не подкреплены действенным самообразованием и повышением квалификации, обеспечивают продуктивность и конкурентоспособность специалиста на рынке труда в течение примерно 10 лет, и этот период стремительно сокращается. Это ярко проявляется в работе многих ученых советов по защита диссертаций, особенно по т.н. «критическим направлениям». Мне уже далеко за 50, но я самый «молодой» доктор наук ученого совета, в котором я сам защищал еще кандидатскую диссертацию свыше 30 лет назад перед моими уважаемыми коллегами по совету...

Таким образом, мне хочется подчеркнуть еще раз — стране нужны не «структурные» реформы, а реформы «процессов», которые будут стимулировать развитие образования и науки изнутри, а не снаружи.

4. Высокая конкурентоспособность российских вузов наступит тогда, когда наши соотечественники (и не только соотечественники) будут стремиться попасть на работу в российские вузы.

Чтобы прийти к этому, нельзя «шарахаться» от крайности к крайности. Если мы внедрили в систему образования ЕГЭ, то это нужно продолжать развивать.

Система ЕГЭ должна быть дополнена экономическим содержанием, когда знания, полученные в школе, позволяют получать важные преференции при поступлении в вуз в зависимости от учебы в школе. Мне не понятно, почему мы забыли о государственных финансовых обязательствах (ради чего и принималась сама идея ЕГЭ), когда сумма средств, выделяемых государством на подготовку специалиста, передавалась ему лично (в виде ценной бумаги — ГИФО), и эти средства поступали бы на счет того вуза, куда будет принят студент, и дальше

сопровождали бы его при любых его перемещениях. Система «подушевого» финансирования уже внедрена в систему общего образования, а система профессионального образования почему-то обижена?

При внедрении такой экономической основы реформирования высшей школы можно будет говорить о создании экономической базы для академической мобильности как студентов, так и ППС. При этом важным обстоятельством являлось бы то обстоятельство, что вуз должен быть аккредитован государством (или другим уполномоченным государством профессиональным сообществом)... Тогда не нужны будут различные административные схемы формирования вузов различного уровня. Сам рынок образовательных услуг, их качество решат все проблемы. Формирование вузов по принципу их слияния административным путем — отпадет сам собой... Президент Д.Медведев, посещая в США Силиконовую долину, выбрал для посещения вуз не по принципу государственный вуз или частный, а по его достижениям (как раз это был именно частный вуз).

В этом направлении еще нужно очень много сделать, но ближайшим шагом, на мой взгляд, должен быть переход к финансированию не вузов, а конкретных заказов, как по подготовке специалистов, так и по развитию и внедрению конкретных проектов. Причем здесь нужны очень серьезные экспертные оценки на всех уровнях.

5. В развитии такой системы, как образование — определенный консерватизм — это необходимое условие существования системы, однако, как и любая развивающаяся система, должна использовать и внедрять самые современные знания и технологии. Особую роль играют современные информационные технологии. Постепенное проникновение в систему образования современных информационных технологий — объективный процесс, которым необходимо управлять. Начиная с дистанционных технологий, затем переход к электронному обучению и теперь нарождающееся новое, цифровое, обучение — это лишь ступени технологизации процесса обучения. Система образования несколько отстает от развития информационных технологий, и здесь огромная проблема подготовки соответствующих профессорско-преподавательских кадров, готовых к внедрению этих технологий. Здесь нам есть, что брать у многих западных университетов, но с использованием наших российских реалий.

6. Внедрение системы ЕГЭ привело как к реальному демократическому развитию системы ВПО, так и вскрыло ряд негативных процессов. Если раньше проблема кадров в малых городах отчасти могла решаться путем создания филиалов вузов и использованием современных технологий электронного образования, то сегодня в условиях реальной академической мобильности выпускников школ нужно думать о создании условий для высокообразованной молодежи в провинции. Если говорить об экономике, построенной на знаниях, нужно искать механизмы «удер-

жания» интеллекта в провинции, об изменении имиджа и статуса интеллигенции в малых городах, стимулировать развитие малого и среднего бизнеса, который бы дал возможность для развития молодым. К сожалению, система поддержки малого и среднего предпринимательства сегодня очень «обюрокрачена», а молодежь хочет получать сразу много... Здесь вопросы, скорее, не к системе образования, а к созданию системы поддержки экономики, основанной на знаниях.

Несколько слов относительно специализации вузов и о соотношении теоретических и прикладных знаний. На мой взгляд, формирование фундаментальных и прикладных знаний у будущих специалистов — это два принципиальных направления подготовки кадров высокой квалификации. Наиболее четко такая система, на мой взгляд, выстроена в Германии, где даже сам переход с одной системы обучения в другую возможен только через возвращение на предыдущую стадию обучения. Такая система ВПО практически существовала и в Советском Союзе, где университетские знания у выпускников формировались как фундаментально ориентированная система знаний, а институтская система — как прикладная. И вся система обучения и воспитания (если откинуть идеологическую основу) в каждой из этих «ветвей» образования была направлена на формирование гармоничной личности с фундаментальным или прикладным стилем мышления. Дальнейшая реформа системы ВПО сломала этот подход. Самые наши известные институты в одночасье стали университетами и, если исходить из традиций образования, то они должны были готовить специалистов с системой «фундаментального мышления». Слава богу, это не произошло, но внесло определенную сумятицу в саму систему ВПО. Так, объединение в единый вуз даже очень хорошего университета и очень хороших институтов (например, в ЮФУ) вызывает справедливый вопрос: специалистов с какой системой мышления нужно готовить в таком вузе? В этом смысле, если Университет рассматривать лишь как «бюрократическую систему», объединяющую группу институтов, тогда такой подход возможен, если же Университет и Институт — это две разные «идеологии» подготовки специалистов с различным типом мышления, тогда необходимо это четко обозначить и развивать систему ВПО, исходя уже из этого.

7. Что нам следует взять у Запада, так это новые образовательные технологии. Осуществляя программы т.н. «второго диплома», когда наши студенты, обучаясь в России по европейским программам, были вынуждены осваивать не только содержание, но и современные технологии освоения новых знаний, стало очевидно, что это направление пока не освоено в России.

Еще один вопрос, который, на мой взгляд, требует обсуждений — это низкая экономическая, юридическая, информационная и т.д. «грамотность» населения страны и роль системы ВПО в ее формировании.

Я имею в виду профессиональное просветительство. При формировании общества, основанного на знаниях, уровень образованности всего общества играет огромную роль. Сегодня уровень информированности населения резко отличается в центре и в провинции, расслоение общества происходит не только по экономическим показателям, но и по уровню знаний. Это процесс объективный и поэтому на систему профессионального обучения необходимо возложить и это очень важное направление развития общества. Конечно, можно заявить, что сегодня есть Интернет — и любой сможет добыть необходимую информацию. Но этому нужно обучить. Стремительное развитие информационной среды требует ее постоянно изучать и осваивать. Меняется не только техника, технология, стремительно изменяются сами принципы создания, хранения и передачи информации. Быть «на острие» этих процессов, информировать и просвещать население — это задача системы профессионального образования. Особое место здесь играет роль просветительства в провинции, где такую систему необходимо создавать практически заново.

Спектр задач по противодействию кризису Тоффлера широк. Однако наиболее актуальными представляются проблемы повышения профессиональных знаний работающих специалистов в области современных информационных технологий и технологий малого бизнеса, то есть современных экономических знаний. В этом плане достаточно сослаться на суждения президента о низком уровне управленческой культуры нынешних руководителей разных звеньев, незнание и неумение использовать возможности современной экономической и технической науки, в том числе компьютеров и телекоммуникаций.

Суть предложений может сводиться к тому, чтобы в первую очередь в «провинциальных» территориях создать благоприятные условия для обретения специалистами разных сфер деятельности, безусловно, актуальных знаний, о которых сказано выше. Базой могут стать, например, учебно-консультационные пункты при администрациях и органах управления образованием, филиалы вузов или Информационно-консультационные центры АПК, школы, оснащенные компьютерной техникой и средствами связи в Интернет и др. уже имеющиеся структуры. Нужно лишь организовать процесс повышения грамотности населения, а не создавать еще новые структуры...

Представляется вполне перспективным опыт организации обучения широкого круга специалистов в порядке, апробированном нами в системе общего образования в 2000–2004 годах, когда начинались программы информатизации школы.

Тогда была организована система обучения и сертификации тьюторов — мультипликаторов информационных технологий, наделение их правами организации и курсов обучения учителей и обеспечение их необходимыми учебно-методическими и дидактическими пособиями. Такой положительный опыт нужно транслировать на новый уровень задач.

ДЕБЮТ

В сегодняшнем номере — статьи студенток 2-го курса факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ Екатерины Островской и Кристины Заварыкиной

Екатерина ОСТРОВСКАЯ

ДРУГАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ (МОДЕРНИЗАЦИЯ. НОВЫЙ ВЗГЛЯД)

Сегодня много говорят о необходимости проведения модернизации в России, четко не определяя при этом само это понятие. Как правило, по умолчанию модернизация сводится к системе мер по преодолению экономического и технологического отставания от развитых стран Запада. Но не является ли такое определение препятствием для начала реальных преобразований? Ведь оно уже содержит дополнительные смыслы, которые не всегда очевидны: 1) понимание модернизации как проекта экономических преобразований является существенным сужением поля необходимых реформ; 2) ориентация на внешние образцы провоцирует конфликт культур, собственная культура воспринимается как препятствие для развития.

В рамках данной работы предлагается другое понимание модернизации, которое, на мой взгляд, позволяет по-новому увидеть цели и стратегию реформ, а также разрешает вышеупомянутые культурные противоречия.

Парадокс модернизации

«Вопрос о технологическом развитии упирается в вопрос о существовании общественной среды, способной к воспроизводству, внедрению и использованию технологий»¹, — это ключевой момент, значительно расширяющий понятие модернизации и меняющий весь комплекс необходимых преобразований. Модернизация приобретает социальное измерение. Четко формулируется её предмет — *само общество*. Из этого следует, что преобразования в отдельной экономической сфере не принесут какого-либо результата. В данном случае

---

¹ Экспертный доклад «Модернизация России как построение нового государства», ИНСОР, 2009.

модернизация понимается как *система мер и мероприятий по реформированию всей социо-культурной структуры общности для ответа на возникающие вызовы и угрозы её дальнейшему развитию*. При этом вызовы и угрозы носят не только внешний, а, даже в большей степени, внутренний характер.

В рамках подобного определения снимается дилемма догоняющего развития, так как каждое общество представляет собой цивилизационный феномен, находящийся в уникальных исторических обстоятельствах. Формируется парадигма «органичной модернизации», в свое время обеспечившая успех всем тем развитым странам, которые сегодня сами становятся объектом для подражания.

Но расширить предмет модернизации недостаточно, возникает вопрос, как общественная структура может быть рационально реформирована государством? В рамках уже упоминавшегося доклада ИНСОРа говорится о возможности государства влиять на действующие в обществе механизмы социализации и социальной коммуникации. То есть *реальная задача государства и цель модернизации* состоит в том, чтобы *создать такие модели социализации, которые позволят реализовываться потенциалу отдельного индивида*. И этот общественный каркас уже станет основой для всех других преобразований.

Главный парадокс здесь заключается в том, что для реализации масштабных проектов в экономике, для достижения лидерства в инновационных технологиях, для борьбы с коррупцией государству необходимо реформировать всю общественную структуру, а значит сосредоточиться на уровне универсальных движущих механизмах общества, т.е. фактически на условиях жизни каждого индивида.

Коридор возможностей

Исходя из сформулированного выше понимания модернизации, следующим шагом необходимо охарактеризовать условия, в которых она будет осуществляться, т.е. проанализировать современное состояние российского общества.

Рассмотрим два основных параметра: существующие ценности и институты. Именно эти факторы (в их взаимосвязи) определяют социальную структуру общества и, соответственно, его успешность. Эта система и есть реальный предмет преобразований в процессе модернизации (напомню, что целью реформ при этом является создание новых эффективных моделей социализации).

Система ценностей в российском обществе, к сожалению, до сих пор находится в состоянии кризиса, начавшегося после распада СССР. Кардинальный слом прежних социальных практик в постсоветский период и переход страны на либеральный путь развития естественным образом выразился в ослаблении национальной идентичности и кризи-

се системы базовых ценностей. И, несмотря на то, что сегодня, по опросам общественного мнения, абсолютное большинство людей уже адаптировались к новым условиям, кризис в национальном масштабе не преодолен. Произошедшие на бытовом уровне изменения не выразились в новой государственной идее, не были интегрированы с историческим наследием страны. Результатом стало опасное раздвоение сознания: предельный либерализм и атомизация людей на бытовом уровне и патриотические, но лишенные реального содержания, ценности на уровне парадном. Подобная ситуация опасна тем, что размывание национальной идентичности продолжается при внешней активной симуляции национального единства. Идея единства становится ключевой, но она уже не может создать стратегической перспективы и отнимает энергию развития.

Кризис идентичности, общественное отчуждение и атомизация также напрямую влияют на эффективность институтов. Являясь, по сути, материальным выражением ценностей, институты также становятся подвержены раздвоению. Происходит разграничение формальных и неформальных норм поведения, что сводит на нет любую попытку реформ. Внедрение нового, эффективного в рамках западной модели института в России приводит к его мутации в самые непредсказуемые формы с негативными последствиями. Происходит расширение бюрократии, но реальных изменений не происходит. Государство стремится зарегулировать как можно больше общественных сфер (в надежде сделать их эффективными), но на деле это приводит только к увеличению административных барьеров и уничтожению частной инициативы. Традиционная российская ловушка «государство (как реформатор, увеличивающий свой контроль) и община (как институт защиты от произвола власти)» снова приводится в действие и препятствует любым преобразованиям.

При этом основная сложность в проведении реформ заключается в постоянно действующем механизме воспроизводства социальных практик, в том числе негативных: ценности являются основанием институтов и сами же в дальнейшем ими тиражируются. Если модели социального действия не были изменены, происходит многократное воспроизводство уже ставшей привычной неэффективной социальной практики. Но, особо подчеркну, что данная тенденция никоим образом не связана с «особенностями русского характера». Это закономерный, универсальный процесс, и порочный круг можно разомкнуть.

В подобных условиях задача реформаторов заключается в том, чтобы внедрить эффективные социальные практики. И возможным решением в этом случае может стать создание в рамках старой структуры «анклавов» новых моделей социального действия (комплекса ценностей и институтов), которые затем изменят всю систему. Независимо от сфер, где они будут внедряться, если новые практики будут

способствовать успешной самореализации человека, то и все общество со временем перейдет на новый тип взаимодействия. Подобный подход к преобразованиям позволит провести их эффективно: в центре внимания должно быть российское общество и каждый его гражданин.

Культура vs. развитие?

Сформулировав стратегию успешной модернизации, необходимо сосредоточиться ещё на одной важной стороне вопроса, а именно: подробнее рассмотреть роль культуры в процессе преобразований.

Важным следствием нового понимания модернизации является тезис о том, что культурные особенности нации не могут стать препятствием для развития. В обществе может существовать неэффективная социальная система, но это означает только то, что нация недостаточно использует свой потенциал для развития. Таким образом, миф о том, что особый русский характер приговаривает страну к вечной отсталости, не только вреден, но и несостоятелен. Более того, в условиях внедрения новых социальных практик культура может стать важнейшим ресурсом развития.

Ведь необычайно важно обеспечить первичное участие людей в преобразованиях, создать индивидуальные мотивы к инновационному поведению (для начала хотя бы у некоторой наиболее творческой части людей). В этих условиях культура в форме позитивной гражданской идентичности может сыграть значительную стимулирующую роль. Позитивную гражданскую идентичность можно определить как «осознание <индивидуом> принадлежности к национально-государственной общности как важнейшей характеристики жизненного опыта, значимой... ценности и как мотивации ответственного политического поведения»².

Если раскрыть это определение, то можно выделить следующие аспекты позитивной идентичности:

- гордость за прошлое своей нации, наличие национального мифа;
- соотнесение себя с нацией в настоящем через наличие эффективных социальных практик, способствующих самореализации индивида. Государство воспринимается в этом случае как ресурс развития личности;
- осознание и чувство причастности к национальному проекту развития, его одобрение.

Эти три составляющие формируют нацеленность всей нации на успех, способствуют преодолению конфликтов, формируют у людей

² Семенов И.С. Национальная идентичность как ресурс инновационного развития. Тезисы докладов. V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». — М.: Российская ассоциация политической науки, 2009.

ощущение общности исторической судьбы. В конечном итоге они служат основой для новой творческой социальной среды. Но принципиальным фактором для успеха преобразований является равновесие между «мотивационной» и «институциональной» сторонами гражданской идентичности. Индивидуальная мотивация, основанная на позитивном восприятии проекта реформ (как симбиоза национального проекта и национального мифа), должна быть встроена в эффективную институциональную структуру.

Избежать в этом случае воспроизводства негативного прошлого опыта опять же поможет локальность начальных реформ. Проводя преобразования в качестве экспериментальных и, в известной степени, изолированных практик, государство сможет, во-первых, заведомо привлечь творческих людей с нетипичной ценностной структурой, а, во-вторых, жестко контролировать эффективность внедряемых институтов. В случае реального успеха сгенерированные в рамках новой модели ценности и институты неизбежно распространятся и на более инертные части общества. И этот процесс с полным правом можно будет назвать органичным преобразованием социо-культурной структуры, подлинным «выращиванием институтов».

При постепенном преодолении, таким образом, недоверия между властью и обществом, в ходе сглаживания существующих противоречий будет происходить включение все большего количества людей в процесс реформирования. Также исчезнет необходимость «производства» объединяющей национальной идеи для её трансляции основным массам населения. Если преобразования действительно начнут действовать на благо человека, то позитивная гражданская идентичность сформируется самостоятельно на основе широкого общественного консенсуса. И только в этом случае можно будет, действительно, говорить о каком-либо шансе на успех преобразований.

Кристина ЗАВАРЫКИНА

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕГЕРМАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ

Несмотря на то, что ФРГ состоит из 16 федеративных земель, являясь единой и включая в себя бывшие ФРГ и ГДР, противоречия между восточными и западными землями сохраняются в течении двух десятилетий по сей день. Германское «неединство» — это то, с чем приходится сталкиваться не только гражданам ФРГ, но и, в меньшей степени, тем, кто так или иначе вынужден общаться с немцами, являющимися выходцами из земель, принадлежащих ранее разным государ-

ствам. Сохранение «неединства», осколков прежней идентичности, которая все еще не в силах трансформироваться в новую, единую, отвечающую на вопрос «что такое быть немцем в XXI веке?» идентичность, социальные и культурные последствия объединения и многое другое — это то, что обуславливает сохранение «ментального барьера» между восточными и западными немцами. Суть барьера заключается в «преобладании различных доминант в структурах западного и восточного социального характера»¹, что обуславливает собой большее внимание к проблемам различий, а не сходств, когда речь заходит о проблеме формирования общегерманской идентичности. Так же наибольшее внимание привлекают проблемы, характерные самоопределению восточных немцев: «выйдя» из ГДР, они так и не «вошли» в ФРГ как общность, сохраняя обособленность внутри государства. Берлинская стена все еще виртуально фигурирует в сознаниях и восточных, и западных немцев. По словам депутата бундестага Грегора Гизи, «ментальный барьер, возможно, будет преодолен лишь через несколько поколений»². Похожей точки зрения придерживаются многие исследователи, отмечая, что о свершившемся факте взаимного сближения двух общностей можно будет говорить только тогда, когда «у руля Германии окажутся люди, вошедшие во взрослую жизнь уже в объединенной стране»³.

Солидарность немцев подвергается серьезному испытанию. То, что чуть больше двух десятков лет назад казалось недостижимой и далекой целью, случилось стремительно и практически в одночасье — Германия была объединена. После схлынувшей первой волны эйфории выяснилось, что так же в одночасье изменить формировавшуюся в течении четырех десятилетий идентичность невозможно. Старые социальные связи подверглись распаду, в результате чего Германией завладело не чувство единения, а «чувство отчужденности, потери корней и дезориентации»⁴. На сохранение и трансформацию подобных чувств влияет, с одной стороны, различие во взглядах людей, принадлежащих к разным поколениям, с другой стороны, эти различия, передаваясь все меньше в процессе воспитания, изживаются.

Возникает ряд справедливых вопросов: что необходимо современно Германии для преодоления «неединства»? Сколько ей еще потребуется на это времени? Возможно ли единство и появление общегерманской идентичности в принципе?

¹ Россия и Германия: Опыт трансформаций. Под ред. Н.И.Дряхлова. — М.: Наука, 2004, с. 36.

² Слияние и поглощение // Однако, № 8, 2009, с. 20.

³ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002, с. 276.

⁴ Россия и Германия: Опыт трансформаций. С. 34.

Объединение Германии

Любопытно то, что восточные немцы, чувствуя себя некомфортно в рамках ФРГ, в 1989 году охотно и настойчиво выступили за демократию и общегерманское единство, существенно повлияв на объединение Германии со своей стороны. Западные немцы подобным позитивным отношением не располагали, в частности, «образованные слои Западной Германии не были расположены к позитивному восприятию восточных немцев и проекта объединения Германии»⁵. Западные немцы с необходимостью выезда со своих земель не сталкивались, таким образом, встречаясь с восточными немцами на «своей территории», что вкупе с возрастающей со временем миграцией дало начало формированию стереотипа «нахлебничества» со стороны востока, получившего наибольшее развитие после падения Берлинской стены. Финансисты и бизнесмены из ФРГ утверждали, что «в ГДР нет ни одной отрасли экономики, которая оказалась бы конкурентоспособной на мировом рынке»⁶, и не видели в объединении позитивной стороны для ФРГ, расценивая ГДР исключительно как источник убытков.

После открытия границ в 50-х годах XX века восточные немцы посещали Западную Германию, испытывая в этом потребность разного характера, однако визиты и выезды осуществлялись в основном по экономическим причинам. Руководством ФРГ утечка умов из ГДР воспринималась двояко. С одной стороны, существовала необходимость защитить свои территории от излишней эмиграции восточных немцев. С другой, ФРГ не видела причин отказываться от образованных кадров, обладающих высоким потенциалом и готовых работать на территории ФРГ при обеспечении им такой возможности. Наряду с этим, правительство ФРГ видело в волне бегства из ГДР «подтверждение эффективности действующего в ФРГ права на государственное гражданство»⁷, а так же собственного экономического развития, отрицая при этом пусть немногочисленные положительные аспекты развития ГДР. Хотя процессы развития, характерные для западной Германии, частично имели место и в ГДР, они протекали в иных, искаженных и гротескных формах. В ходе частичного перенимания опыта ФРГ посредством визитов разного уровня, а также в ходе революции 1989 года, в ГДР получили развитие некоторые демократические принципы.

Объединение Германии не вызывало позитивной реакции не только у Западной Германии, но и у некоторых других государств и их представителей, однако по другим, преимущественно политическим, причинам. Лозунги «Мы один народ!» воспринимались в штыки: основ-

⁵ Дани О. Нации и национализм в Германии 1770–1990. — С.-Пб.: Наука, 2003, С. 365.

⁶ Слияние и поглощение // Однако, № 8, 2009, с. 21.

⁷ Дани О. Указ. соч. С. 352.

ную опасность лидеры стран-победительниц во Второй мировой войне видели в возможности восстановлении германской мощи в сердце Европы. Так, Маргарет Тэтчер предпринимала попытки сформировать коалицию против объединения Германии, обратившись в том числе к Советскому Союзу, от которого поддержки не получила. Лидеры Голландии, Бельгии и Дании выступили за сохранение принципа «одна нация, два государства»⁸. Президент Франции Миттеран дал согласие на поддержку объединения только после согласования значительных уступок, которые были закреплены в Маастрихтском договоре⁹. Особое внимание уделялось позициям США и СССР, однако противники объединения Германии полагали, что «даже если Москва и Вашингтон согласятся на объединение Германии, процесс растянется на годы»¹⁰.

Однако правительство ФРГ, окончательно утвердившись в необходимости объединения, подталкиваемое потоком переселенцев, взяло инициативу в свои руки и активно действовало, руководствуясь собственной концепцией. Исследователями подчеркивается также влияние «резкого подъема национального самосознания граждан ГДР, движимых идеей принадлежности к единой германской нации»¹¹, но такой подъем видится обусловленным экономическими и социальными причинами отсталости развития ГДР в сравнении с ФРГ, что влекло за собой также и усиление миграции.

В объединении Германии в то время видится также и способ частичной остановки, сокращения волны переселенцев, направляющихся в ФРГ. Со временем часть граждан ГДР стала выступать за сохранение места жительства, но получение западных преимуществ, с другой стороны, объединение позволило бы склонить к подобной точке зрения и тех, кто ранее стремился покинуть ГДР и переселиться в ФРГ. Положение дел усугублялось желаниями и надеждами восточных немцев на улучшение благосостояния при объединении. Из восточной Германии утекали умы, что привело к сокращению интеллигенции и элиты, способной к эффективному управлению, направленному также и на формирование гражданских прав и свобод.

Чем больше правительство Г.Коля занималось проектами объединения Германии, тем яснее становилось, что, так как не идет речи «об объединении двух равных государств», ФРГ возьмет на себя ведущую роль в формировании нового государства. Предполагалось, что новообразованная ФРГ справится с формированием общегерманской идентичности, поскольку сможет обеспечить выравнивание уровня жизни, воссоединение народов и обеспечения стабильной экономической,

⁸ Уткин А. Крушение берлинской стены // Однако, №8, 2009, с. 15.

⁹ Дани О. Указ. соч. С. 361.

¹⁰ Уткин А. Указ. соч. С. 15.

¹¹ Павлов Н.В. Германия на пути в третье тысячелетие. — М.: Высшая школа, 2001, с. 100.

политической и социальной ситуации силами только правительства «старой» ФРГ. В итоге в 1989 году был выбран «прямой путь» объединения, заключавшийся в «опоре на экономическую базу включения восточногерманского населения и его территории в Федеративную республику Германию при отстранении правительства ГДР»¹², что в принципе опровергало любое объединение по принципу конфедерации или объединение со значительным количеством ее элементов.

В целом, существующая на данный момент ситуация «единства» территорий, но не людей, которой в 2009 году исполнилось 20 лет, говорит о том, что надежды на быстрое и безболезненное объединение не оправдались.

Проблема становления единой идентичности

Каждый человек, будь он гражданином давно сформировавшегося государства или только новообразованного, нуждается в самоопределении, осознании своей идентичности, испытывая «духовную и эмоциональную потребность в единстве и культурных традициях, или, иначе говоря, в своем доме»¹³. Твердая уверенность в наличии такого «дома», предоставляющего возможность определить свое «я», а также дающее ощущение уверенности в том, что этот «дом» действительно соответствует потребностям, ценностям, целям и т.д. — это те составляющие общегерманской идентичности, которых не хватает восточным немцам и в наше время. Самой трудной задачей после объединения оказалось «морально-психологическое срастание «осси» и «весси» («восточников» и «западников»)¹⁴. Признанные людьми «второго сорта» восточные немцы сталкиваются с опасностью «потери самоуважения в рамках социальной самоидентификации»¹⁵. Это, в свою очередь, может привести к дальнейшему упадку восточногерманских земель, усилению условного деления на «промышленный запад» и «аграрный восток».

Несмотря на то, что подобное положение дел было обусловлено фактическим различием экономического, социального и политического развития ФРГ и ГДР до их объединения, оно было усугублено в процессе формирования нового государства, т.к. представления об упадке востока были гипертрофированы. Негативными проявлениями этого служило то, что «Коль и его окружение демонстративно отказывались перенимать восточногерманский опыт»¹⁶, хотя у восточной Германии

¹² Данн О. Указ. соч. С. 359

¹³ Мертес М. Немецкие вопросы — европейские ответы. — М.: Московская школа политических исследований, 2001, с. 13.

¹⁴ Павлов Н.В. Указ. соч. С. 45.

¹⁵ Дубина В.С. Насколько едина объединенная Германия? Восточные и западные немцы 20 лет спустя // Портал «Перспективы», perspectivy.info

¹⁶ Слияние и поглощение // Однако, № 8, 2009, с. 19.

было чему поучиться. Социальная сфера в ГДР была четкой и отлаженной, ее сила признается нынешними депутатами бундестага — в современной ФРГ до сих пор не создано равного по эффективности и отлаженности аналога.

С другой стороны, в умах восточных немцев была сформирована картина более «счастливого» Запада, что обусловило в некоторой степени согласие на ассиметричный характер объединения после падения Берлинской стены: «было не объединение двух стран, а вступление ГДР в федерацию земель Западной Германии»¹⁷. Так была отвергнута идея создания действительно новой Конституции: на территории ФРГ «новой» сохранялся закон ФРГ «старой». Министр внутренних дел В.Шойбле заявлял: «У нас [в ФРГ] хорошая конституция, которая выдержала испытание временем»¹⁸, т.е. восточным немцам предлагалось принять существующий порядок и осознать, что они будут приняты в государство как «дорогие гости». В законе предусматривались поправки, одна из которых свидетельствовала о поглощении ГДР, так как она «передавала свои суверенные права межгосударственным учреждениям и органам ФРГ и соглашалась на ограничение суверенитета»¹⁹. Эти процессы были обусловлены также тем предположением, что восточные немцы достаточно быстро и просто, без возникновения каких-либо проблем, примут западный стиль жизни и ценности, сформировавшиеся на тот момент в ФРГ как в достаточно прогрессивной западной державе.

Позитивное видение объединения в большей или меньшей степени было характерно различным представителям обеих сторон. Восточные немцы как народ активно выступали за то, что ситуация «один народ — два государства» должна быть ликвидирована. Со стороны правительства ФРГ объединение виделось простым за счет наличия общей истории, культурных и национальных особенностей. Это подчеркивалось тем, что многие федеративные земли имеют различные диалекты (так и в наше время баварский диалект достаточно труден для понимания не только иностранцам, но и немцам, проживающим в отдаленных от Баварии землях), традиции, обычаи и т.д. Бытовало мнение, что раз представители настолько разных общностей могли уживаться ранее, то присоединение новых земель не столько усугубит ситуацию, сколько повлияет только на укрупнение государства и повлечет за собой счастливое воссоединение германской нации.

Однако после объединения Германии восточные немцы «не растворились в западногерманском обществе, а сохранили особую идентичность»²⁰. Западногерманское население, в свою очередь, «переживало

¹⁷ Дубина В.С. Указ. соч.

¹⁸ Дани О. Указ. соч. С. 363.

¹⁹ Павлов Н.В. Указ. соч. С. 108.

²⁰ Дубина В.С. Указ. соч.

процесс объединения в основном в качестве зрителей»²¹, не принимая в нем активного участия и не стремясь это объединение ускорить, став его частью. Это являлось следствием фактического получения всей власти правительством ФРГ: Западная Германия насаждала свои порядки в ГДР, ликвидировав любую возможность равноправия или хотя бы взаимного перенимания опыта, ценностей и т.д.

«Ощущение колонизации»

Германия после объединения сохранила все структуры и общественные институты, свойственные ФРГ и распространенные на территорию ГДР. Исключением являлся только перенос в Берлин столицы, однако и это было результатом длительных обсуждений о месте расположения правительства и в итоге стало только восстановлением традиционного положения вещей. В целом, западные немцы оставались сами собой, а перед восточными немцами ставилась негласная задача стать если и не такими же, какими были жители западных земель, то максимально приближенными к подобного рода «образцу». Поэтому историками, политологами, журналистами и другими исследователями разных стран проблемы противоречий рассматриваются прежде всего в отношении восточных немцев. Именно они столкнулись с необходимостью изменения самих себя и своей идентичности, когда западные немцы не рассматривали возможности собственного изменения в принципе. Таким образом, менее развитая часть страны должна была гнаться за более развитой с ее на то согласия, т.е. факта объединения и принятия восточных земель в состав ФРГ.

Новое государство обладало характерной чертой, а именно нетерпимым и пренебрежительным отношением к традициям бывшей ГДР. Какие-либо достижения восточной Германии «были отвергнуты, а на бывших коммунистических территориях стали насаждать западные порядки»²².

Восточные немцы стали чувствовать себя колонизированными — у них буквально были отобраны все плоды их деятельности, были разрушены существовавшие ранее социальные и общественные институты, на смену которым пришли незнакомые основной массе населения западные. На предприятия, которые, помимо всего прочего, массово ликвидировались, пришли западные управляющие: восточные немцы «впервые столкнулись с тем, что ими стали распоряжаться западно-германские чиновники»²³, требующие иного подхода к работе, а также своим происхождением и акцентированием внимания на нем только усиливающие «ментальный барьер» в сознаниях людей.

²¹ Дани О. Указ. соч. С 364.

²² Слияние и поглощение // Однако, № 8, 2009, с.19

²³ Дани О. Указ. соч. С 363.

Воссоединившись с «такими же немцами», восточногерманское население получило не столько удовлетворение, сколько постоянный прессинг окружающей среды и некоторого рода экспансию неизвестного режима. Колонизаторскому типу мышления соответствовали и подобные настроения со стороны ФРГ и установка, что жители восточных земель, являясь этническими немцами, быстро смогут перенять опыт более сильного и развитого государства. Между тем, ликвидация предприятий вела к возникновению высокого уровня безработицы, что вело к возникновению новых социальных шоков в бывшей ГДР.

Безработица в восточных землях

Статистически подтверждено, что безработица на востоке была и остается после объединения выше, чем на западе. Проблема безработицы — одна из основных и часто упоминаемых, возникших после объединения Германии, так как в бывшей ГДР была разрушена система командной экономики и стремительно насаждались принципы рынка. Для рабочих это выражалось в том, что им теперь не была гарантирована работа, т.е. они столкнулись с необходимостью самостоятельного ее поиска. Человеку современного склада мышления и выросшему в условиях общеизвестной конкуренции на рынках труда, т.е. человеку с «западными» взглядами на трудоустройство, это видится вполне нормальным, но проблема восточных немцев крылась в их менталитете: в отличие от западных, они «выросли в патерналистском обществе и не были приучены проявлять инициативу»²⁴. В новых условиях, вводимых агрессивно в краткие сроки, и к которым правительство Германии не подготовило восточные земли, восточные немцы почувствовали дезориентацию на рынках труда, которые, помимо всего прочего, сокращались. Руководством ФРГ закрывались предприятия, признанные нерентабельными или бесперспективными. Возникла новая волна миграции молодежи и рабочей силы на запад, восточногерманское общество же превратилось из «общества рабочих» в «общество безработных», характеризующееся «фрагментарной, весьма текучей структурой занятости»²⁵. Это привело к существенным проблемам в самоопределении восточных немцев: до объединения Германии они принадлежали к обществу рабочих и прочно ощущали себя его частью. Нахождение идентичности осуществлялось через труд и всеобщую занятость, которая являлась одной из основных характеристик существовавшего строя.

Наряду с этим немаловажно отметить то, что результатом утечки умов из Восточной Германии в Западную являлось формирование осо-

²⁴ Слияние и поглощение // Однако, № 8, 2009, с. 20.

²⁵ Цапф В. и др. Германия: трансформация через объединение // СОЦИС, № 5, 2002, с. 25.

бенного расслоения восточногерманского общества. Условно оно представляло собой низший класс рабочих, обладающим внутренней стратификацией, и малую прослойку людей, находящихся у власти. Отсутствие середины компенсировалось тем, что «работа имела огромную ценность и обеспечивала достойную социальную позицию»²⁶. То есть рабочий рассматривался в качестве наиболее важной составляющей общества, представляющей для него полезность. Центральная установка ГДР, заключавшаяся в уравнительной политике, говорящей о высоком статусе рабочего, служила неким оправданием более низкого уровня и качества жизни в сравнении с западом, давая при этом социальные гарантии и уверенность в завтрашнем дне: для рабочего всегда была работа. Падение Берлинской стены повлекло за собой, во-первых, сокращение рабочих мест и, во-вторых, возросшую необходимость в интеллектуальном труде, которую было достаточно трудно удовлетворить в восточной Германии. Переквалификация занимала много времени и требовала некоего базового набора знаний, а так же гибкости мышления, способности подстраиваться под существующую ситуацию. А именно этого в менталитете восточногерманских рабочих практически не было.

Таким образом, «безработица на Востоке возникла в результате общественного перелома и воспринимается как его составная часть»²⁷, что только прибавляет поводов к возникновению, развитию и усилению ностальгии по ГДР, где многое решалось не непосредственно самим индивидом, а за него или для него. Это происходило в рамках так называемой «диктатуры всепроникающей заботы», заключавшейся в высоком уровне социальных гарантий и защиты.

«Осси» и «весси»

В Восточной Германии проблемы приобретения единой с западом идентичности крылись в шоках от резкого слома системы, повлекшего за собой нарушение привычного положения вещей, а вслед за этим и дезориентацию в новом обществе. Жители же Западной Германии в большей степени пришли к отрицанию единой идентичности в результате протяженного во времени формирования стереотипа «нахлебников».

Формирование такого стереотипа уходит корнями еще во времена существования ГДР и ФРГ и начала налаживания между ними немецко-немецких отношений. ФРГ обеспечивала кредитование ГДР, выделяла приезжающих «гостевыми» деньгами и т.д. После объединения Германии развитие восточных земель происходило за счет западных — именно из вторых в первые перекачивались денежные ресурсы. Сила-

²⁶ Дубина В.С. Указ. соч. С. 25.

²⁷ Там же.

ми ФРГ была создана инфраструктура, позволяющая осуществлять более комфортное и быстрое передвижение, обмен ресурсами и информацией между западными и восточными землями. После 1995 года немцы повсеместно стали выплачивать фискальную «надбавку солидарности» к налогам на различные виды доходов, что тоже одобрения в западных землях не встретило. Несмотря на то, что развитие Восточной Германии идет быстрыми темпами, Восточная Германия не может пока похвастаться соответствием Западной и продолжает «поглощать» ее средства. Западная Германия за два десятка лет от этого устала, в результате чего у «весси» сформировалось мнение о том, «социалистический строй развратил восточных немцев, <...> регулярные финансовые вливания лишь поддерживают культуру иждивенчества»²⁸.

«Осси» и «весси», т.е. восточные и западные немцы, перешагнули из состояния «два государства — одна нация» в состояние «одно государство — два общества», что является парадоксом объединения Германии: решив одну проблему, немцы столкнулись с новой, более сложной задачей. Так, общение между «осси» и «весси» становится отчужденным и холодным, когда становится известна принадлежность к разным частям государства. Западные немцы относятся к «осси» приблизительно, как к иностранцам, поселившимся в ФРГ. Так, например, «браки западных и восточных немцев заключаются не чаще, чем браки граждан ФРГ с иностранцами»²⁹. В свою очередь, восточные немцы все больше испытывают ностальгию по ГДР и не хотят быть похожими на западных немцев. Это проявляется в отношении к предметам роскоши и быта, показателям благосостояния и на уровне мобильности немцев.

В целом, различия между восточными и западными немцами кроются в различных клише и предрассудках, свойственных каждой из сторон и обусловленных различными системами, в которых они были воспитаны.

Преодоление проблем

Возможно ли преодоление различия между «осси» и «весси» в принципе?

Необходимость превращения из двух общностей, проживающих на территории одной страны и представляющих собой два осколка немецкой нации, пошедших в свое время по разным путям развития, очевидна. Немцам необходимо нахождение некоторой основы, способной обеспечить «скрепление» и взаимопроникновение востока и запада, чтобы обеспечить немецкому обществу в целом дальнейшее развитие в различных областях.

²⁸ Терентьев А. Два народа под одной крышей. Осси и весси // Однако, №8, 2009, с. 23.

²⁹ Там же.

Э.Ренан отвечал на вопрос об условиях формирования единой нации просто, предоставляя универсальную модель, охватывающую в общем процессы формирования единой нации. Для этого ей необходимы, по его мнению, три вещи, являющиеся для Германии сторонами одного и того же процесса, — ей нужно «перерасти» свое «неединство». Для этого ей, согласно Ренану, необходимо следующее:

1. «Общая память о том, что было пройдено вместе»³⁰.

В данном случае перед Восточной и Западной Германией стоит достаточно трудная задача. Поколение, помнящее Германию до ее «раскола» на ФРГ и ГДР, стремительно сокращается, являясь наиболее пожилым. Поколения, следующие за ним, выросли и были воспитаны в различных условиях в восточных и западных землях соответственно. Именно люди, «закаленные» в рамках двух абсолютно разных систем, и представляют собой большую часть негативно настроенных «осси» и «весси». С сокращением этого поколения и установок, передаваемых ими своим детям, сокращается предвзятость отношения к населению других земель, и, особенно на данный момент, это заметно в восточных землях. Наиболее молодое поколение, возможно, даже не объединенное общей памятью падения Берлинской стены в силу возраста, представляет собой наиболее прогрессивную и мобильную часть современного немецкого общества. Чем младше немец, тем меньшим количеством предубеждений он обладает, так как он более интегрирован не только в объединенную Германию, но и в Европейское сообщество, а также в современный мир в целом. Представители именно этого поколения обладают «общей памятью», принадлежащей объединенной ФРГ, с течением времени в которой выравнивается уровень жизни и стираются различия. Именно новое поколение формирует в Германии память о тех проблемах, которые были преодолены, о тех успехах, которые были достигнуты уже в составе единого государства. Более того, их единая историческая память может формироваться на основе преодоления противоречий между «осси» и «весси».

Вероятно, западному обществу уничтожение стереотипов и принятие восточных немцев в собственную историю дастся труднее за счет упоминаемого выше сложившегося стереотипа «нахлебничества». Восточной Германии необходимо время, чтобы выйти на уровень, равный Западной, а также обе части Германии нуждаются во времени, чтобы «перерасти» предрассудки в прямом смысле этого слова. Это вопрос нескольких поколений, необходимо терпение: общая память у современного немецкого общества может возникнуть только в процессе общего развития, длительность которого немногим превышает два десятка лет.

Также немецкому обществу стоит больше обращаться не к сорока годам разъединения, а к тому культурному и историческому насле-

³⁰ Мертез М. Уаз. соч. С. 18.

дию, которое было создано их нацией на протяжении столетий. Обращение к культуре, осознание того, что из различных федеративных земель выходили всемирно известные деятели культуры и искусства, ученые и философы, экономисты и правозащитники и т.д. может дать молодому поколению немцев, менее наделенных предрассудками разъединения, имеющих твердую «историческую» почву под ногами. Германия в своей истории не раз претерпевала размежевания и объединения, и каждый раз она находила в себе силы объединиться. Не принять ли это как заслугу нации в ее выживаемости и стремлении самосохранения?

2. «Общая забывчивость: исчезновение в памяти того, что может далее разобщать или разделять нацию»³¹.

Эта проблема является обратной стороной первой, и относительно сорока лет разделения может быть решена тоже только с течением времени. Во-первых, необходимо преодоление отсталости востока, чтобы из памяти запада был «стерт» стереотип его «нахлебничества». Восточные земли, в свою очередь, при помощи запада показывали в начале двухтысячных годов наибольшие темпы экономического роста в современной Европе, сохраняя лидирующие позиции и сейчас. Это говорит о том, что при имеющейся стабильности восток сможет выровняться с западом, создав таким образом условия для уничтожения стереотипа.

Во-вторых, имеются локальные исторические события, которые необходимо разрешить и позже отодвинуть в прошлое, сделав историей, свойственные одной из сторон, например, только бывшей ГДР. Так одной из проблем преодоления исторического прошлого стало «знакомство с досье Министерства государственной безопасности ГДР («штази»)»³² и необходимость «оценить вину тех, кто несет политическую ответственность за приказ открывать огонь по перебежчикам на запад у Берлинской стены»³³. В первом случае необходимо «забыть» о всепроникающей разведке и тотальном контроле власти, отвергнув мысли о возможности повторения подобной ситуации. Во втором случае существует некий комплекс вины сознательных представителей «виновной» части немецкой нации.

Разрешение каких бы то ни было внутренних исторических противоречий, касающихся как восточных, так и западных немцев, — это возможность их анализа, осознания и прихода к «всепрощению», т.е. такому положению вещей, когда немцам не придется обвинять друг друга или самих себя в ошибках прошлого, будь то расстрелы или экономическое «нахлебничество».

³¹ Мертес М. Указ. соч. С. 19.

³² Павлов Н.В. Указ. соч. С. 46.

³³ Там же.

Разумеется, полного «исчезновения из памяти» чего бы то ни было добиться невозможно. Это означало бы отказ от собственной истории, пусть и в отдельных ее проявлениях. Но осознание и «прощение» — это то, что позволит понять двум общностям друг друга, взаимно сблизиться и тем самым благоприятно повлиять на формирование единой идентичности.

3. «Твердо выраженная воля иметь общее будущее, общие цели и общие воззрения»³⁴.

Это наиболее противоречивая и проблематичная задача для существующего немецкого общества, которая, однако, постепенно выполняется. В целом, правительством Германии проводится такая внутренняя и внешняя политика, которая определяет единые, общие цели для государства, внутри которых, в свою очередь, есть «подпункт» развития восточных земель. Усталость «весси» от экономического бремени в лице востока — это то, что со стороны западных немцев, в первую очередь мешает желать общего будущего, так как оно не видится удачным и населено химерами продолжающегося «нахлебничества» со стороны «осси». Нахождение общей цели, т.е. общегерманского развития в имеющихся условиях, можно сказать, перед западными немцами не стоит — перед ними стоит проблема осознания того, что к этой цели идут не только они, но и восточные немцы, все еще нуждаясь при этом в «посторонней» помощи Западной Германии.

Проблема самоидентификации восточных немцев кроется, в том числе, в сложности нахождения общего, глобального ориентира, утерянного после объединения Германии. В ГДР коммунистической системой предлагалась принадлежность к «международному коммунистическому братству», и это давало индивиду осознание причастности к чему-то мощному и величественному, обладающему большим весом на мировой арене. Приобретение нового подобного ориентира видится в переключении внимания восточных немцев на их принадлежность к ЕС, так как его роль, вес и значимость в международных отношениях являются ощутимым, принадлежность к ЕС — это цель не одного государства, общности, человека. Такой способ обретения общегерманской идентичности — своеобразный путь от большего к меньшему. Однако, если это усилит позитивное отношение к сближению востока и запада внутри Германии, отказываться от него не стоит.

Заключение

Для приобретения общей идентичности жителям Германии необходимо время. Время для самосознания, для взаимного прощения, для формирования более четких и более общих целей. Протяженность

³⁴ Мертес М. Уаз. соч. С. 19.

этого периода времени можно исчислять только поколениями. Способность «перерасти» разделение и обрести единую идентичность — это задача не одного поколения, потому что, так или иначе, «ментальный барьер» в умах немцев будет сохраняться за счет его передачи и существующих настроений в семье и в обществе. Самоидентификация будет оставаться проблематичной, поиски единой идентичности будут продолжаться, но с каждым новым поколением противоречия будут сокращаться, так как восток догонит запад и больше интегрируется посредством этого в европейское и мировое сообщество.

Проблема «ощущения колонизации» — это побочный продукт дезориентации восточных немцев в условиях интенсивных изменений, проводимых Западной Германией, которая действовала согласно поставленным целям и стремилась претворить их в жизнь в более короткие сроки. Во-первых, инициатива в объединении исходила от ГДР. «Не было еще в истории народа, который заставил бы колонизаторов захватить свою страну фактически под угрозой санкций»³⁵. Во-вторых, объединение было ГДР необходимо, так как страна приближалась к уровню банкротства. Ни правительством, ни населением не оценивались возможные негативные социальные последствия подобного объединения — образ «счастливого» запада говорил сам за себя.

Проблема западных земель в формировании единой идентичности заключается прежде всего в экономическом факторе и факторе отношения к труду и рыночным структурам. При объединении Германии предполагалось, что «объединение рано или поздно себя окупит»³⁶. К сожалению, «рано» себя не оправдало, а «поздно» еще не наступило: прогрессирующие представления западной части Германии о том, что объединение «не окупилось», достаточно оправданы, так как доходность предприятий бывшей ГДР, их производительность и участие в создании немецкого ВВП составляют небольшую часть от общенемецких показателей.

Однако современная ФРГ обладает все более четким осознанием того, что, приняв в свой состав восточные земли, она самостоятельно взяла на себя обязательство «решения как внутренних проблем ГДР — возрождения нормальных условий для хозяйствования, так и ее внешних проблем, таких как торговый баланс и внешний долг»³⁷. Задача, мягко говоря, была и остается трудной: строительство новой системы или перестройка старой — это трудоемкий процесс, требующий больших денежных инвестиций, а также терпения. Цели по достижению высокого уровня жизни, выравнивания социально-экономического развития и т.д., поставленные правительством Коля, при Коле достиг-

³⁵ Терентьев А. Указ. соч. С. 23.

³⁶ Слияние и поглощение // Однако, № 8, 2009, с. 21.

³⁷ Павлов Н.В. Указ. соч. С. 106.

нуты не были, окончательно не достигнуты они и сейчас, что сохраняет дезориентацию восточных немцев и негативные настроения их западных соотечественников, а также тормозит формирование общегерманской идентичности.

Однако достижение экономического благосостояния совсем не дает гарантий на самоидентификацию себя с тем или иным обществом. Перед немцами стоит задача сломить еще одну стену, на этот раз в сознании, для достижения общегерманской идентичности. И эту стену, как и стену из обычного камня, помимо желания и усилий немцев, способно перетереть, разрушить и превратить в песок только время.

ВОЖДИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В обсуждении приняли участие академик Российской академии наук, директор Института философии РАН А.А.Гусейнов, доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета В.А.Луков. Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П.С.Гуревич.

Гуревич П. В феврале-марте 40 года римский император Калигула стал готовиться к походу в Британию. По различным оценкам, было собрано от 200 до 250 тысяч солдат. Однако войска, достигнув побережья Ла-Манш, встали, осадные и метательные машины были установлены вдоль берега. Но вместо боевого приказа Калигула отдал распоряжение собирать в шлемы раковины и ракушки как «дар океана». Так ли было на самом деле? Про сумасбродство Калигулы было написано немало. Альбер Камю в пьесе «Калигула» показал, как абсолютная власть развращает вождя. Калигула спит с женами сенаторов и наслаждается унижением их мужей. Они при этом вынуждены делать вид, что они его обожают. Тиран казнит одного за другим, а те, кто пока остались в живых, вынуждены смеяться и шутить. Калигула требует абсолютной власти. Камю вкладывает в его уста слова: «Я хочу Луну».

Тема вождизма казалась исчерпанной после Второй мировой войны, когда философы и политики приступили к разностороннему анализу феномена тоталитаризма. Работы Т.Адорно, Э.Фромма, Х.Арендт, К.Ясперса дали разностороннюю экспертизу своеволия и самодурства вождей. Эрих Фромм писал: «Калигула служит иллюзии всевластия, которое переступает через границы человеческого существования».

Однако в начале нового столетия тема неограниченной власти снова стала актуальной. Лидер «новых философов» во Франции Андре Глюксманн усмотрел истоки тиранства в немецкой классической философии. Он писал о том, что еще в первой половине XIX в. Гейне грозил французам: «Берегитесь наших философов! Учения их произвели на свет революционные силы, которые ждут лишь момента, чтобы взорваться и наполнить мир ужасом и восхищением». Сходные мысли Глюксманн находит у Фихте, Гегеля, Шеллинга, Маркса, Ницше. Революционеры и тираны последующего века, по его мнению, лишь «коммивояжеры» немецкой философии.

Предлагается обсудить следующие вопросы:

1. Может ли в наши дни появиться тиран такого же масштаба, как Калигула или Гитлер?
2. Как выглядит вождизм в современном мире? Можно ли анализировать его в русле психопатологии?
3. Верно ли, что из трех персонажей социального управления — консерватора, ученого и харизматика — современный мир остановил свой выбор на последнем?
4. Какое влияние оказал мировой кризис на тему вождизма? Можно ли полагать, что политическая тирания вырастает на базе авторитарных философских идей?

1. Может ли в наши дни появиться тиран такого же масштаба, как Калигула или Гитлер?

Луков В. Насчет «коммивояжеров» немецкой философии. В самом деле, у Шеллинга в письме Гегелю (21.07.1795 года) читаем: «Конечно, друг мой, революция, которую должна вызвать философия, еще далека. Большинство из тех, кто, казалось, хотели ей способствовать, теперь со страхом отступают. Этого они не ждали!». Это очень в духе того времени. Философия и революция тут даже не близнецы-братья: философия идет дальше, чем революционеры. Однако по первому вопросу. Раз в один ряд поставлены Калигула и Гитлер, приведу пример из истории Второй мировой войны — как некую параллель к примеру о «сборе камешков». 24 мая 1940 г. (и даже год 40-й!) армия Гудериана, гнавшая англичан к морю и поставившая их на грань полного поражения, неожиданно получила приказ Гитлера прекратить поход на Дюнкерк — последний порт, остававшийся в руках англичан. Не будь этого приказа, Великобритания была бы вынуждена капитулировать, но обстоятельства этого «чудесного спасения» почти 340 тысяч англичан и французов остаются неизвестными.

Гуревич П. С тираном всегда связаны разного рода небылицы.

Луков В. Пример, который я привел, иллюстрирует не «сумасбродство» тирана. Возможно, и о приказах Калигулы мы слишком мало знаем, чтобы понять их замысел (есть и совсем иная трактовка приказа о «сборе камешков», где «камешки» — малые суда для переправы через водную преграду). Римский мир вообще предстает перед нами как серия анекдотов. Собственно, не только перед нами. Новое время уже оценивает римский «вождизм» сквозь призму символических событий и высказываний, не обязательно имевших место на самом деле. У немецкого философа Готфрида Лейбница в «Новых опытах о человеческом разумении» находим: «Есть люди, похожие на императора, Гонория, который, когда ему сообщили о гибели Рима, подумал, что речь идет о его курице, носившей то же имя, и это огорчило его больше, чем действительное событие».

Гуревич П. Итак, условимся, не будем сводить тему, ради обсуждения которой собрались, к разного рода пикантностям вроде безумства тиранов.

Гусейнов А. Я согласен с профессором Луковым, если я его правильно понял, что понятия вождя, вождизма нельзя связывать с сумасбродством,

распушенностью и прочими проявлениями личной и бытовой вседозволенности. Разумеется, такого рода деформации могут быть и были свойственны людям, которые имели в истории статус вождей. Но они не специфичны для них и даже в их случае менее ярко выражены, чем в случае других категорий людей. Давайте сравним по этому критерию образы жизни, например, Робеспьера и Руссо, или Ленина и Владимира Сергеевича Соловьева. Мы увидим, что первые, вожди, были людьми более сдержанными, аскетичными, чем вторые, философы. Также неверно полагать, будто власть вождя опирается на личную преданность, что свойственно скорее монархическому типу правления. Конечно, вождя не бывает без культа его личности, предполагающего обожание, даже обожествление вождя, точно так же, как беспрекословное подчинение его воле. Однако это не личная преданность, ибо она опосредована идеей, которая одинаково дорога и вождю, и тем, кто ему предан. Разница только в том, что в личности вождя она воплощена более полно и, как считается, безошибочно.

Луков В. Мне кажется, что Теодор Адорно с его темой авторитарной личности, Ханна Арендт, которая сосредоточилась на характеристиках тоталитаризма, придали этому понятию черты почти демонические. Вождизм для них очевидное зло, патология, поскольку не вписывается в концепцию западной демократии. Так рисуют вождизм и современные работы по политическим наукам. Вождизм толкуется нередко как властный институт, свойственный патриархально-родовым и раннефеодальным обществам Востока и Африки, основанный на личном господстве (влиянии) военного или религиозного руководителя. Небезынтересно, что вождизм обозначается как патриархальное социальное явление, которое встречается на стадии обществ с доклассовыми механизмами власти, а его наиболее зрелые формы усматриваются в «восточном деспотизме».

Гусейнов А. Представление, будто интересующий нас феномен связан с архаическими структурами отношений между людьми, отсталостью, необразованностью масс, является широко распространенным предрассудком. Отношения «вождь и массы» действительно предполагают некоторый род ослепления. При этом на обоих полюсах: вождь склонен рассматривать себя и свою деятельность как призвание, миссию, отношение массы к вождю базируется на вере в его избранность, непогрешимость. Неверно думать, будто такого рода ослепление — удел темных неразвитых эпох. Вряд ли можно замыкать феномен вождизма на какую-то эпоху и рассматривать его как социологически закономерное явление. Вождь — явление однократное, каждый раз единственное. Вождь, как правило, не имеет продолжения. Монархи следуют за монархами, президенты следуют за президентами, правители за правителями. Но вожди за вождями не следуют. Даже двух подряд не бывает. Правда, за Лениным непосредственно шел Сталин, но их можно рассматривать как одно целое, что, впрочем, последний хорошо понимал и с пользой для себя подчеркивал («Сталин — это Ленин сегодня»).

Гуревич П. Согласен, нет оснований рассматривать вождизм как социологически закономерное явление. Но мы знаем, что любой социальный феномен, претендующий на предельную самобытность, может повториться в исто-

рии в варианте карикатурном, в виде фарса. Валерий Андреевич, философы, которых вы назвали, Теодор Адорно, Ханна Арендт, добавим к их числу Эриха Фромма, Карен Хорни, Эрика Эриксона, в значительной степени демонизировали тоталитаризм. Но, хочу возразить вам, они проделали также гигантскую, типологически эффективную интеллектуальную работу. Карл Ясперс больше внимания уделил современному тоталитаризму, не связанному с патриархальностью. Вряд ли стоило нам собраться вместе только для того, чтобы защитить тоталитаризм от односторонней оценки, от поверхностного очернительства. Оценки тоталитаризма, сложившиеся после Второй мировой войны, и те, что были вызваны к жизни в конце минувшего века, далеко не во всем совпадают. Тема волнует не только политиков, но и философов разных поколений. Производя запоздалые окончательные расчеты с тоталитаризмом, философы не обратили внимания на радикальный рост авторитарных упований, который оказался столь характерным для современной политической практики.

Луков В. Могу согласиться, что тема обрела неожиданную актуальность. Но ее следует освободить от политических спекуляций. Нам приходится соприкасаться с фальсифицированной историей, искаженной политическими мотивами. Ведь так бывало — в летописях счищались целые страницы записи, а на их место вписывались совсем другие тексты.

Гуревич П. Постоянные социальные потрясения, связанные с войной, кризисом, политическими катаклизмами, привели к тому, что стабильность стала чрезвычайно востребованной в системе ценностных ориентаций людей разных стран. Население разных континентов, тоскуя по элементарной защищенности от превратностей политики, склонялось к мысли о том, что даже плохая власть лучше, чем хаос и беспорядок. В этом особенно безоговорочно убедились жители современной Киргизии.

Луков В. Мы должны отделить авторитарность от тоталитаризма. Тоска по сильной власти, по авторитарности заметна в общественном сознании. Это вождизм, но не тоталитаризм.

Гуревич П. Конечно, с тоталитаризмом, в отличие от авторитарности, связывают по крайней мере два социологически выверенных признака: массовые преступления по отношению к народу, геноцид и тотальный идеологический контроль, диктат единомыслия.

Гусейнов А. Вождь — явление индивидуальное. Может сложиться впечатление, что все зависит от появления человека, способного стать вождем. Говорят: «короля играет свита». Еще более это относится к вождю, который нуждается в больших массах людей, готовых поверить ему и пойти за ним. Надо, чтобы одно совпало с другим, чтобы с появлением человека, способного стать во главе какого-то движения, возникла массовая потребность идти в этом направлении. Раз объявившись, встретившись между собой, вождь и массы оказываются закольцованными: они взаимно питают друг друга, выступают по отношению друг к другу и как причина, и как следствие. Но чтобы они могли взаимодействовать, они должны возникнуть, и должно существовать что-то третье, что порождает и вождя, и массы. Таким третьим, на мой взгляд, является особая историческая ситуация в жизни народа и общества,

которая складывается при переходе от одного социального качества к другому. Для нее характерен кризис привычных форм жизни и жизнедеятельности, регулятивных механизмов социума, деградация в хаос и варварство, сопровождающаяся резким ухудшением условий жизни. Замечательное описание одной из таких ситуаций, под названием революционной, мы находим у В.И. Ленина («низы» не хотят, «верхи» не могут жить по-старому; резко обостряется бедственное положение угнетенных классов; повышается активность масс). Характерный признак исторической ситуации, создающей конструкцию вождя и масс, — необходимость рывка, напряжения, экстраординарных усилий для того, чтобы выйти из нее. В состав таких усилий входят столь решительные действия, которые попирают моральные критерии и, рассмотренные сами по себе, являются преступными, которые не удастся даже камуфлировать под законные. Вожди, как правило, — люди, способные на такие действия, и в этом смысле их можно считать также тиранами, имея в виду идущий от античности смысл данного понятия.

Гуревич П. В вашей характеристике вождизма есть весьма значимый, на мой взгляд, момент, который можно рассматривать как новизну в сравнении с социальной теорией европейских философов после Второй мировой войны. Известно, что оценка нацизма и сталинизма (понятно, что это разные режимы) шла в Европе и в нашей стране по сходным этапам. Как цивилизованные страны допустили тоталитаризм? Первая версия — чисто психологическая. Индивидуальность такого вождя, как Гитлер, в его патологической психологической структуре: он просто сумасшедший. Но дальше в социальной литературе возник закономерный вопрос — как сумасшедший мог оказаться во главе государства? Сложилась социальная версия. Адорно пытается найти разгадку в появлении нового антропологического персонажа — авторитарной личности. Вождя вскормила определенная социальная среда. Вождь обманул толпу. Наконец, появляется концепция Эрика Эриксона. Никто никого не обманывал. Массы сами хотели быть обманутыми. Чего недостает этой череде концепций? Соединения всех этих подходов и четкое осознание проблемы, о которой сказал Салам Керимович — анализа самой исторической ситуации. Сегодня можно указать на лидера той или иной страны, на диагностику общественного сознания, которое хочет быть обманутым. Но до фанатичного лидерства еще далеко. Историческая ситуация не позволяет обозначиться вождизму.

Гусейнов А. Тема вождя и вождизма очень неопределенная и по составу охватываемых ею явлений, и по их ценностному смыслу. В моем представлении она объединяла имена и события, которые выделяются по силе индивидуального воздействия на исторический процесс и всегда связаны с конкретными лицами. Что касается направленности этого воздействия, то оно может быть разным — и разрушительным, и созидательным, чаще всего сочетающим и то, и другое в разной пропорции. На вопрос, что может появиться в наши дни, а что нет, я бы ответил так: вообще ничего из того, что когда-то существовало в истории, не исчезает, остается как минимум в виде потенциальной угрозы. Это относится и к тирании. Опасность социально-исторических кризисов, чреватых тираническими мутациями, также никуда не исчез-

ла, если только не возросла. А масштабы? Они могут быть и больше, и страшней того, что было в прошлом, настолько же больше и страшней, насколько больше производительные возможности и человеческие массы современных обществ.

Луков В. Если задаваться вопросом о возможном супертиране в XXI веке, то искать, думаю, надо не среди фигур, напоминающих африканских племенных вождей или восточных деспотов, а среди людей вполне интеллигентных, получивших образование в лучших университетах мира, возможно, рисующих на досуге пейзажи... Не будем забывать, что такой монстр XX века, как Муссолини, учился в Лозаннском университете и вероятнее всего — у классика социологии и экономической теории Вильфредо Парето. Да и разве только в сфере политики может появиться супертиран? Но это уже относится ко второму вопросу, сформулированному Павлом Семеновичем.

Гуревич П. Среди политиков и философов есть авторы, которые считают, что такие исторические эксцессы, как нацизм, тоталитаризм, уже невозможны в начале нашего века. Они критикуют разного рода истерические кампании, цель которых отыскать очередное исчадие ада, «второго Гитлера». При этом отмечают, что так без особых оснований называли Милошевича, Хусейна, а теперь Ахмадинежада. Путин перед поездкой в Париж дал интервью французским журналистам. На вопрос, нет ли в нашей стране «культ личности» его как политика, ответил: в нашей стране граждане хорошо знают, что культ личности — это не только внимание к одной персоне, это массовые нарушения закона, репрессии. Я даже в страшном сне не могу представить, что в сегодняшней России это может повториться», — сказал он. Путин также добавил: зрелость сегодняшнего российского общества достаточна, чтобы не позволить развиваться тем процессам, с которыми мы столкнулись в 30, 40, 50-е годы прошлого столетия.

Луков В. Хотелось бы понять сущность современного вождизма. Можно согласиться с тем, что он иной, нежели тот, о котором писали Х. Арендт, Э. Фромм, К. Ясперс. Возможно, зрелость современного сознания исключает культ личности. Однако авторитарное сознание выглядит из всех окон, прорастает повсеместно. Вот детям в Петербурге вручают брошюру, в которой слова молитвы: «Господи, Боже, Великий Царю, Безначальный, пошли Господи Архангела Твоего Михаила на помощь рабам Своим Дмитрию и Владимиру изъяти их от врагов видимых и невидимых...». Господу помолимся — это из прошлого. «Господам помолимся» — это наши дни.

Гуревич П. Примеров масса. Губернатор благодарит Путина за помощь в открытии новой церкви в регионе и произносит слова, которые украсили бы и Салтыкова-Щедрина: «С вашей божьей помощью...». По всем опросам, в России чуть ли не половина населения поддерживает Сталина. Туркменбаши, устанавливающий средневековые порядки... Немыслимые титулы таджикского вождя Эмомали Рахмонова.

Луков В. Александр Лукашенко на официальный прием Ильхама Алиева с супругой явился со своим пятилетним сыном и наследником. Конечно, это не лошадь Калигулы в сенате, но все-таки нарушение протокола цивилизованных правил. Коленька вместе с папой принимает военный парад, участвует в

межгосударственных переговорах. Батка временами становится похож на восточного деспота.

Гуревич П. Нурсултан Назарбаев отказался от титула «Лидер нации», который ему предложили казахстанские чиновники. Пишут, что он сдал экзамен на политическую адекватность. Он доказал, что статус лидера нации нельзя обрести лишь на основе буквы закона и других правовых актов. Однако Назарбаев, который фактически является лидером нации, не проявил настойчивости в пресечении данной инициативы. Он все-таки стал «елбасы». Эта тенденция не только озадачивает, но и свидетельствует о новой политической реальности.

Луков В. Создается впечатление, что принципы фюрерства, в новой, конечно, форме вновь приобретают реальность в политической жизни. На этом фоне опять возрождается интерес к фигуре Гитлера. Речь, разумеется, идет не об Э.Лимонове, который откровенно славит фюрера.

Число сторонников Гитлера растет не только в Пакистане, Индии, но и в других странах. Для мирового сообщества сегодня Иран оказывается не меньшей проблемой, чем Гитлер к концу 1930-х годов. Это государство восстанавливает свои утраченные позиции. Ведь оно когда-то было империей. В ту пору, как отмечают эксперты, нынешних политических игроков на карте не было. Тогда был Китай, Израиль и Иран. А уж кроме арабского населения в Заливе не было никого. Все это важно для исторической памяти Ирана. Сегодня это государство успешно осуществляет модернизацию. Оно имеет солидное инженерно-техническое оснащение, располагает сильной военной промышленностью. Немаловажно также, что нынешнее руководство Ирана обладает солидной идеологизированностью.

Гуревич П. Путин говорил о зрелости общественного сознания, которое является гарантом недопущения тоталитаризма. Но нельзя ли поставить вопрос иначе? Может быть, дело даже не в зрелости общественного сознания, а в слабости харизматиков. Мягкий авторитарный режим может и был неизбежен. Но он уже сыграл свою историческую роль. Ощущение перемен есть и это чувствуют политически активные люди. Однако правы ли те эксперты, которые считают, что все может измениться в сторону откровенной жестокой национал-социалистической диктатуры?

2. Как выглядит вождизм в современном мире? Можно ли анализировать его в русле психопатологии?

Гусейнов А. Авторитарно-диктаторские политические конструкции, конечно, всегда свидетельствуют об определенной незрелости общества и гражданского сознания. Это, однако, не значит, что они могут возникнуть на любом уровне отсталости общества. Бывают общественные сознания, про которые можно сказать, что они недостаточно развиты, зрелы для авторитаризма с сильной вождистски ориентированной личностью во главе. Похоже, нечто подобное можно сказать про сегодняшнюю Россию. Раздробленность общества, моральная дезориентированность населения в сочетании с коррумпированностью государственного аппарата, непрозрачные и неделовые

схемы подбора кадров, связь властных структур с крупным капиталом — все это говорит о том, что что-либо похожее на вождизм, «народную» диктатуру у нас сегодня невозможны, даже если бы нашелся человек, который по своим качествам подходил бы для роли вождя или желал бы быть таковым. Как ни парадоксально звучит, но до авторитаризма еще надо дорасти. Отсутствие авторитаризма (вождизма) в обществе, которое не доросло до него, совсем иное дело, чем отсутствие авторитаризма (вождизма) в обществе, которое его переросло. В первом случае сохраняется опасность не просто вождизма (она сохраняется и во втором случае), а худшей формы вождизма, замешанного на реакционных идеях и примитивных инстинктах. Ксенофобские акции некоторых групп национально ориентированной молодежи, их увлечения фашистской символикой, тоска по сильной руке сталинского типа — это опасные симптомы.

Луков В. Да, такие режимы не требуют особых рациональных доказательств или целерационального закрепления правовыми средствами. Здесь есть некая параллель пресловутой армейской дедовщины. В своей основе она порождена военной обстановкой, когда полное доверие старшему, более опытному воину, беспрекословное выполнение его приказа в ситуации смертельной опасности может спасти если не всех, то многих и обеспечить победу. Такие отношения полного подчинения новичков старослужащим превращаются в дедовщину, в бич современной армии (не только российской) тогда, когда армия не воюет слишком долго для того, чтобы сохранить действительный смысл боевого братства, когда неформальный институт самосохранения личного состава (как говорят в армии) деформируется и становится своей противоположностью.

Гуревич П. Но ведь то же самое происходит в любом коллективе, который не обрел четкой структуры. В тюремной камере немедленно обозначается пахан. Между прочим, пытались, укрепляя власть руководителей тюрем, изъять из каждой камеры «деда» («пахана»). Однако вместо того, кто был забран, появлялся другой лидер. Это своеобразная закономерность власти.

Луков В. Так вот в силу этого вождь времен римских императоров и римский император — по большей части одно и то же лицо. Юлий Цезарь — победоносный полководец, ведущий войска на поле боя. И даже «наш злодей» Калигула не исключение. Его еще ребенком брал в свои военные кампании против германцев отец Германик. И прозвище его — из тех же походов («калигула» — уменьшительное от «калига», армейский сапог). Став императором, Калигула организовал германский поход, в который отправился вместе с сестрами. Перейдя через Альпы, в районе Среднего Рейна он начал боевые действия. Его неофициальные титулы «Сын лагеря» и «Отец войска» также свидетельствовали о значении для римского общества того времени военных действий под управлением императора. Насколько Калигула, не доживший до 30 лет и правивший лишь четыре года, большой тиран, чем его предшественники и преемники в том же титуле, — остается вопросом. Нам известен преимущественно литературный образ, правда, очень впечатляющий и ставший культурной константой.

Гуревич П. Вы хотите сказать, что авторитарные тенденции в прошлом, как и в наши дни — результат предельной мобилизационной готовности? Правильно я вас понял?

Луков В. Понятное дело, что вождизм, подобно дедовщине, в условиях противостояния и неопределенности исхода, когда наличного ресурса для победы может не хватить, и нужна высокая концентрация энергии и самоотвержения, чтобы одолеть врага, раскрывает свои мобилизационные свойства. Это не только войны касается. Точно так же вождизм свойствен революционному подполью, сектам, другим объединениям, которые подавляются несоизмеримыми силами и могут рассчитывать на успех своего дела, если центроостремительные силы сильнее центробежных, а центр — вождь.

Гуревич П. Ну и как в отношении дедовщины в современном мире?

Луков В. Скажу об этом. Но сначала о небольших (относительно небольших) сообществах, в которых личные качества вождя становятся особенно важными для успеха дела. И не всякие, а те, которые обеспечивают жизнеспособность организации. В этом плане интересна оценка Лениным Августа Бебеля в качестве вождя немецкой социал-демократии. После принятия бисмарковского исключительного закона против социалистов в партии нарастал оппортунизм, и в этих сложных условиях Бебель, говорит Ленин, «проявил себя настоящим вождем партии». И первое, что здесь важно: Бебель «вовремя увидел опасность». Второе — он «понял правильность критики Маркса и Энгельса». Третье — он «сумел направить партию на путь непримиримой борьбы». Второй пункт несет на себе следы конкретной ситуации, но если его обобщить до умения прислушиваться к критике, идущей от «своих», то получается своего рода свод интеллектуальных и волевых качеств, делающих из имярек партийного вождя.

Гуревич П. Но ведь в современном мире едва ли не все страны находятся в состоянии чуть ли не предельной мобилизационной готовности. Не только, скажем, Иран, но и Греция, например. Можно ли видеть в ваших рассуждениях неизбежность авторитарности? Есть лидер, а есть вождь, и это не одно и то же.

Луков В. Проблему нельзя отделять от личных свойств вождей и от специфики вождизма. Воспользуюсь характеристикой, которую Троцкий дал Ленину, описывая ситуацию, когда тому незадолго до революции 1917 года пришлось напрямую обращаться в парторганизации, минуя ЦК, где царила разногласия и неуверенность в главном вопросе: когда брать власть и брать ли ее вообще. Троцкий в «Истории русской революции» писал: «Предоктябрьские колебания меньше всего могли при этих условиях застигнуть Ленина врасплох. Он заранее оказался вооружен зоркой подозрительностью, подстерегал тревожные симптомы, исходил из худших предположений и считал более целесообразным лишний раз нажать, чем проявить снисходительность». Эту «зоркую подозрительность» и вытекающие из нее действия мы без труда найдем у вождей всех уровней, всех народов, всех культурных ареалов.

Гуревич П. Как же эта зоркость перерастает в культ политика?

Луков В. «Оборотная сторона» вождизма, истекающая из непеременимого свойства вождей — их уверенности в своей правоте, состоит в очевидной для

посторонних наблюдателей нескромности вождей, достигающей масштабов обожествления. На расстоянии эти действия, инициаторами которых часто являются сами вожди, а часто их клеветы, но всегда при попустительстве первых, исходящих из того, что это не столько им нужно, сколько народу, массам, рядовым и т. д., — так вот, на расстоянии это все иногда кажется смехотворным, нелепым. Тот же Троцкий — яркий пример того, как насаждался культ его личности в армии. Его биография была вмонтирована даже в воинский устав! В 1922 году в §41 политического устава Красной Армии была помещена политическая биография Троцкого, которая заканчивалась словами: «Тов. Троцкий — вождь и организатор Красной Армии. Стоя во главе Красной Армии, тов. Троцкий ведет ее к победе над всеми врагами Советской республики». Анекдот да и только, если бы не санкции к несогласным, не репрессии, не казни. Считать, что Сталин в конструировании культа своей личности был новатором, был уникален и неповторим, нет никаких оснований. Непомерное возвеличивание и даже обожествление вождя — неперенный атрибут вождизма, разве что проявляется он с разной степенью очевидности.

Гуревич П. Личные качества, разумеется, значимы. Но ведь про императора Марка Аврелия можно сказать: он лидер, мудрец, но не вождь.

Луков В. Разумеется, люди с определенными свойствами личности — сильной волей, низким уровнем самокритичности, склонные к риску имеют больше шансов стать вождями. Но это путь с двусторонним движением. Мало того, чтобы кто-то захотел стать вождем. Нужны еще те, кто бы признал такого лидера вождем, стал бы его восхвалять, обожествлять.

Гуревич П. Вождизм немыслим без идеологии. В последние годы и уже десятилетия в нашей стране постоянно возникает очередная установка на национальную идею. Недавно по третьей программе отечественного телевидения шел спор о ее неизбежности.

Гусейнов А. Философия и политика накрепко завязаны друг на друга. Но эта связь может иметь не только взаимообогащающие и продуктивные формы. Интересен вопрос о том, существуют ли такие особенности философии, которые могут провоцировать политический волюнтаризм, и не то, чтобы провоцировать, а быть легко использованы для обоснования политических злоупотреблений. Я мог бы указать на несколько таких моментов. Прежде всего, это тотальность философского мышления, выражающаяся в стремлении свести многообразие мира к единой основе. Нельзя ли здесь усмотреть гносеологические корни политического тоталитаризма? Далее, можно было бы назвать многозначность философских понятий и идей, которые ценны и адекватны именно в своей диалектической многозначности и единстве переливающихся смыслов. Любое одностороннее их истолкование в политических целях является искажением и может быть использовано в качестве демагогического прикрытия этих целей. Можно указать еще на один аспект. Философское осмысление мира предполагает конструирование его идеально-завершенного образа — такого его состояния, которое находится по ту сторону добра и зла, по ту сторону отравляющих человеческое существование страданий и ограничений. Это может провоцировать политическое поведение, попирающее моральные и правовые нормы, и по-своему служить его оправданием

(разумеется, совершенно иллюзорным). Речь идет о свойственном политическим узурпаторам самообмане, что цель оправдывает средства.

Гуревич П. Хотя у философов звучало такое предостережение. У Канта, к примеру.

Гусейнов А. Формула «цель оправдывает средства» не имеет, как это часто полагают, однозначно негативного истолкования. Ее нельзя читать так, будто высокие цели оправдывают любые, в том числе самые отвратительные средства. Это типичный случай злоупотребления философской афористикой. На самом деле более верно ее понимать иначе, а именно: цель сковывает, ограничивает средства, или, говоря по-другому, средства должны быть адекватны целям. Сошлюсь на один эпизод из истории политико-интеллектуальных споров. При обсуждении статьи Троцкого «Их мораль и наша», в которой тот оправдывал классовую борьбу пролетариата со всеми ее жестокостями, включая расстрелы заложников в ходе гражданской войны, ссылкой на формулу, что высокая цель построения общества без эксплуатации оправдывает такие бесчеловечные средства, Джон Дьюи, возражая ему, заметил, что на самом деле Троцкий возводит классовую борьбу в принцип деятельности, как если бы она сама была целью. Тем самым он отступает от формулы «цель оправдывает средства», последовательность следования которой как раз требовала бы, чтобы разные формы классовой борьбы были проанализированы на предмет их соответствии заявленной цели. Когда говорят о злоупотреблении властью по формуле «цель оправдывает средства», обычно ссылаются на Макиавелли. Он действительно полагает, что государь, на ком лежит ответственность за целое государство, за защиту его свободы и безопасности, не должен останавливаться перед обманом, жестокостью, скупостью. Способность перейти черту, отделяющую добродетель от порока, является необходимым признаком успешного правителя. Однако и в этом случае следует заметить, что, теоретически санкционируя право государя на морально недопустимые действия, их злодеяния, Макиавелли продолжает называть их недопустимыми действиями, злодеяниями. Моральные пороки и преступления не перестают быть моральными пороками и преступлениями из-за их включенности в контекст успешной политики. Государь должен идти на них с открытыми глазами, сознавая, что он делает нечто такое, что запрещено моралью и само по себе не делает ему чести. Отсюда — следующее важное уточнение: государь должен применять недостойные средства в минимально необходимых размерах, руководствуясь логикой наименьшего зла. Его установка — не на то, чтобы культивировать эти средства, а на то, чтобы делать это как можно реже и меньше.

Гуревич П. Философия указывает на возможность такой соразмерности, идеально выверенного курса, а политическая практика зачастую опровергает ее. Создавая политический портрет 28-го президента США Томаса Вильсона, Фрейд пришел к выводу, что глупцы, мечтатели, страдающие от иллюзий, невротики и лунатики во все времена играли громадную роль в истории человечества. Великие достижения, писал он, столь часто совершаются людьми с психическими отклонениями, что невольно испытываешь искушение предполагать, что они неотделимы друг от друга. В американской и европейской философской литературе сегодня огромный поток исследований, которые

трудно отнести к политической философии. Это, скорее, политическая психопатология. Но речь идет уже не о психологии толпы, не о патологическом поведении электората, но и об известных политиках. Описывается их тяжелое детство, психологические травмы, вызвавшие «волю к власти» и вытекающие из этого последствия для человечества. Общая тенденция такова: добиться успеха в политике без деструкции личностных качеств невозможно. Политика захватывает все человеческое существо без остатка, она деформирует индивидуальные свойства, заряжает сверхценными идеями. Почему политик становится искривленной личностью? Первая реакция психики на наркотик — снижение критики. От эйфории, от ощущения собственного величия, всемогущества, безграничности своих прав, которыми человек упивается на пике опьянения, невозможно, наверное, полностью вернуться назад, к трезвой и нелестливой самооценке. Соответственно, накапливается и недоброжелательность к другим, недоверчивость, подозрительность: если я, такой прекрасный, не получаю тех рукоплесканий, которых достоин, то кто же вокруг меня, как не заклятые враги? Обостренная обидчивость, уязвимость приводят к бессмысленной растрате сил. Психика регрессирует, но тоже по-особому, на более примитивный, инфантильный уровень. Описание патопсихологической личности, разумеется, имеет отношение не только к политике. Такие черты, как стремление сохранить тотальный контроль над всем, утилитарное отношение к людям, сохраняют свое значение для современных исследований патологии политической личности. Вывод: политический наркоман бесплоден...

Луков В. Лебон, провозгласивший наступление «эры толпы», утверждал, что при известных условиях — и притом только при этих условиях — собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания: «Сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты». Он их перечисляет: импульсивность, изменчивость, раздражительность; податливость внушениям,轻信; преувеличение и односторонность чувств; нетерпимость, авторитетность, консерватизм и т. д. Замечу: мы видим на экране точно те же реакции толпы, когда демонстрируются документальные кадры о выступлениях «Битлз» или «АББА» в самых разных по своей цивилизационной истории странах.

Гуревич П. Складывается убеждение, что те же самые феномены (выдвижение лидеров, деструктивные действия толпы, борьба за власть) можно и даже необходимо описать в терминах патологии... Шаг за шагом в стилистику политической психологии входят понятия, относящиеся преимущественно к нарушениям психологической нормы. В политике бывает так, что тот или иной деятель стремится к власти путем насилия, к братству — путем раздора, к истине — путем лжи. Возвышенная цель такого политика оказывается аморальной, потому что она основывается на зле, обмане, диктате. Когда Н.А.Бердяев называл политику наростом, высасывающим кровь из людей, то он, скорее, имел в виду негативные стороны общественной жизни, а не патологию.

Луков В. Это последнее сравнение подсказывает и ответ на то, как выглядит вождизм в современном мире. Надо думать, вождизм в политике сохраняется, но зона его бытования значительно расширилась и далеко вышла за пределы политической жизни как таковой. Вождизм давным-давно вошел в арсенал корпоративного управления, собственно, всегда в нем был заметно представлен. Но одно дело средневековые корпорации, другое — корпорации наших дней. Транснациональные корпорации сегодня располагают ресурсами, превосходящими нередко даже крупнейшие страны мира. ТНК предопределяют политику государств, создают и «экономическое чудо», и всемирный финансово-экономический кризис. Очевидно, что вождизм в ТНК не менее значим, чем в государственной политике.

Гуревич П. Хотел бы обратить ваше внимание на еще один парадокс современного вождизма. Речь, как ни странно, идет о слабости власти по сравнению с известными в истории тоталитарными режимами. Вот пример: в газетах сообщалось, что деньги, которые правительство выделило для помощи семьям погибших горняков, стали отбирать бандиты. Если бы такое произошло во времена Сталина, вероятно, последовало бы немедленное вмешательство власти. Преступников изловили бы и должным образом наказали. Сегодня в газетах про эту бандитскую акцию сообщается разное. Но власть обнаруживает собственную вялость, даже неспособность решить эту проблему. Названный факт не единичен. Все чаще и чаще эксперты говорят о том, что власть бездействует, не обнаруживает своей мощи и неотвратимости.

Луков В. Что имеется в виду?

Гуревич П. Хотя бы вот что. Нынешний президент дал резкую оценку сталинизму. Казалось бы, нет оснований для идеологических кривотолков. Ведь глава государства, подчеркивая роль президента в стране, сказал: «Мои слова отлиты в граните». Однако уже на другой день по улицам шли манифестанты с портретами Сталина. Все чаще и чаще эксперты говорят о том, что власть бездействует, не обнаруживает своей мощи и неотвратимости. И в то же время власть кажется несокрушимой. Вероятно, современные средства массовой коммуникации и другие институты радикально изменили прежний статус власти. Теперь она становится необоримой. Власть в современном обществе все больше становится недостижимой. Отвечая на вопросы французских журналистов, будет ли он участвовать в выборах президента в 2012 году, премьер сказал, что эта работа ему нравится. Ближе к выборам они, мол, с Медведевым решат, кто будет баллотироваться. А сейчас они договорились до срока не суетиться. Во-первых, такая договоренность в политике ничего не означает. Во-вторых, при этом не обсуждается никакой другой претендент, кроме названных двух. В-третьих, возникает мысль о том, что участие в выборах всецело зависит от того, нравится ли Путину эта работа или нет.

3. Верно ли, что из трех персонажей социального управления — консерватора, ученого и харизматика — современный мир остановил свой выбор на последнем? Какую роль играют средства массовой коммуникации в укреплении власти вождей и их возвышении?

Гуревич П. Немецкий социолог М.Вебер выделил три самостоятельных типа социального управления — традицию, харизму и науку. Сам он считал, что в современном европейском мире, в конечном счете, возобладают научное управление. Традиция и харизма будут постепенно утрачивать свое значение. Социальное управление окажется в руках образованных политиков. Но оправдался ли этот прогноз? Кажется, что в нынешнем мире сложился парадоксальный замес из этих трех типов социального управления. Ничто не ушло из политической практики. Политики стремятся стать харизматиками, постоянно апеллируют к науке. В то же время необычайно возросла роль традиции в общественной жизни многих стран. Особенно рельефно эта тенденция обнаруживается в восточных странах. Традиция здесь выступает как реакция на насильственную и поспешную модернизацию, без учета культурных основоположений конкретных стран. Бакаев в Киргизии из всех сил пытался играть роль восточного деспота, парашютируя страну в средневековье. Несменяемость и бесконтрольность президента, возрождение сословий и кланов, семейственность как незыблемый фактор передачи власти. Восстановление сословности происходит и в нашей стране. Кремлевские, как указывают эксперты, становятся все более неприкасаемыми. Северокорейский диктатор, в апартаменты которого по длинным трубам поступает лесной воздух. Постоянное стремление заполнить родственниками все руководящие должности. Готовность к немедленным военным действиям. Все это не является исключением в практике современного человечества.

Луков В. И все-таки мы видим, что авторитаризм не является специфическим феноменом азиатской ментальности. Современные вожди из всех сил стараются стать харизматиками. В этом им помогают средства массовой информации, современные техники имиджологии. Не случайно бывший руководитель Временного правительства А.Керенский в последние десятилетия своей жизни сетовал на то, что в его время не было телевидения. Уж он бы использовал свое ораторское искусство на полную катушку. Куда там Троцкому или Ленину...

Гуревич П. Современный харизматик опирается не только на традицию. Он часто выступает во всеоружии современного научного знания. Не случайно многие современные политики оценивают себя в качестве успешных менеджеров. Административный ресурс работает на харизму. Вождь сегодня, как и во времена Гитлера, приходит к власти демократическим путем. Политики называют Ахмадинажада иранским фюрером. Он пришел к власти через выборы. С образом Гитлера его сближает многое — он выглядит великолепным менеджером, энергичным честным человеком. А если почитать последние речи иранского руководителя, то нельзя не вспомнить «Тысячелетний рейх». Итак, современный вождь — это управленец, который пытается обрести харизму.

Луков В. В действительности харизматик может быть и консерватором, и ученым. Он выделяется в самостоятельный тип лишь тогда, когда его способность к иррациональному воздействию на людей, включая и их рациональное поведение, отделяется от профессиональных компетенций, политических взглядов, художественных вкусов и т. п. Впрочем, социальное управление на его высших уровнях и в прошлом — волей или неволей — избирало харизма-

тика. Престолонаследник мог быть вполне заурядной личностью, но и в этом случае действовала харизма богоизбранности царского рода. Ученый на верхних ступенях социального управления мог как раньше, так и сейчас оказаться скорее в функции советника, серого кардинала, но не первого лица. Исключения были, но их немного и даже в этом случае наука была ни при чем, так распорядилась судьба. Консерватор? Его место у руля социального управления в определенных условиях совершенно оправдано и сегодня, все зависит от того, с какими вызовами столкнулось общество. Сегодняшний консерватор вовсе не ущербен в своем отношении к инновациям, он лишь особым образом их трактует, применяя партийные лекала социальной справедливости.

Гуревич П. Консерватор может быть харизматиком. Но можно ли произвольно соединять консерватизм с инновационной революцией, как это делают лидеры «Единой России»?

Луков В. Все-таки с харизматиком вопрос сложнее. Известно, что Вольпе и другие критики выделения Вебером харизмы как особого типа лидерства, идущего от индивидуальных свойств отдельных личностей, способных повести за собой людей на эмоциональном порыве и безграничном доверии, обращали внимание на то, что отделить этот фактор от других, открывающих дорогу к власти, невозможно. И в вопросе о современном социальном управлении было бы, наверное, недостаточно идти от харизматичности первого лица. Ельцин по распространенной оценке — лидер харизматического типа, но его рейтинги в народе конца 1990-х годов ниже всякой возможности. Что за харизматический лидер, которого поддерживают всего-то 2 процента электората? Нынешние лидеры России не так чтобы и харизматичны, а их рейтинги неопоставимо выше.

Гуревич П. По остроумному замечанию одного видного эксперта, харизму на базаре не купишь.

Луков В. Возможно, аспект харизматичности фигур у власти сейчас меняется. Имидж лидера умело моделируется, здесь достижения в мировой практике немалые. Но, может быть, мы у начала нового витка социального конструирования реальности, когда сам имидж и станет лидером, оторвется от своего прототипа и превратится в своего рода компьютерную игру, где у игрока бонусы, несколько жизней и негибкая воля к достижению цели, все равно какой. Если это так, то впереди вполне вероятно предпочтение перед любыми другими персонажами социального управления харизматика, с той лишь оговоркой, что его самого с успехом заменит его умело сконструированный (не без участия ученых) образ. Даже суггестивные свойства харизматика могут вполне технологично и рационалистически разрабатываться специалистами по социальному дизайну.

Гуревич П. Ученые говорят о том, что скоро смогут создать формулу жизни. Но жизнь остается загадочным, неподдающимся феноменом. Так и с харизмой...

Луков В. С одной стороны, власть по многим вопросам демонстрирует недостаточную мощь и политическую волю. Но в то же время кажется несокрушимой. Вероятно, современные средства массовой коммуникации и другие институты радикально изменили прежний статус власти. Она становится все

менее способной меняться под воздействием общества, временами просто необоримой.

Гуревич П. Вероятно, вы имеете в виду мощный и эффективный арсенал психологических средств, позволяющих манипулировать общественным мнением. Канадский писатель и ученый Джон Ролстон Сол в недавно вышедшей книге «Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе» хорошо прослеживает эту тенденцию уже на материале конца прошлого столетия. Исток современного политиканства он видит в бонапартизме. Он отмечает, что Бонапарт понял, что власть, основанная на эффективных методах и рациональных аргументах, более абсолютна, чем та, которую когда-либо имели короли. Единственно, кто мог бы сделать эту комбинацию непреодолимой, это личность, вызывающая сильные чувства.

Луков В. Здесь важны аргументы, которые были освоены общественным мнением как позитивные черты личности самого Наполеона. Он осуществил переворот, чтобы предотвратить деспотизм. Он обещал различные привилегии в тот самый момент, когда подавлял свободу. Он в очередной раз обещал эффективность как волшебный эликсир для достижения того, что когда-то называл «счастьем». Скорость, с которой разум стремился к национализму, поистине поразительна. Он восстановил многоступенчатую систему управления обществом в духе Людовика XIV, провозгласил себя императором, восстановил униформу и стал награждать своих приближенных титулами и соответствующими регалиями. Потом он цинично принялся раздавать огромное количество медалей, больше, чем любой другой государь. Он называл их безделушками. И он непрерывно продолжал создавать героическую мифологию о самом себе. В ее основу было положено самое блестящее и наиболее искаженное открытие: эмоциональная уловка, хитрость, обман, которым взволнованное население приковывало себя к Герою. Л.Блуа, О.Шпенглер, Ницше — все трое добиваются этого, венчая бога-героя земной религии с современным Героем разума. Блестящий анализ супермена, проделанный Ницше, — это просто приукрашенная версия картины самоуничтожения человека, который валяется в ногах диктатора, страдающего манией величия.

Гуревич П. В конце двадцатого столетия многие пришли к выводу, что Гитлер, а возможно, и Сталин, хотя люди на Западе часто не принимают последнего во внимание, были случайными явлениями в ходе истории. Он застал нас врасплох, но мы вовремя пришли в себя, чтобы выйти на бой с силами зла. Теперь его нет. Ужасное заблуждение. Неудивительно, что никто не хочет понять, что Гитлер прямо-таки образец современной нормы. И если ныне все еще длится Век Разума и если Гитлер — великий образец темной стороны разума, то он по сей день с нами. Большинство людей не могут признать, что человек может совершать некоторые поступки, не являясь сумасшедшим. Мы не можем признать, что зло находится в нас самих. Это — признак непоколебимого оптимизма человека и его стремления выглядеть хорошим. Поэтому мы относим создание концентрационных лагерей, укомплектование их персоналом и управление ими к категории абсолютно сумасшедших поступков. Конечно, существовали большие отклонения — как в людях, так и в режиме. Но это организованное уничтожение людей не было проявлением этих отклонений.

Луков В. История перегружена примерами уничтожения наций, городов, армий, а также уничтожения религиозных, социальных и политических групп. Но все предыдущие случаи резни всегда имели связь с проявлениями сравнительно конкретных политических, экономических или социальных амбиций: захвата чьей-то частной собственности или территории, роста могущества другой группы, искоренения верований конкурирующей группы, получения финансовых долгов или просто устрашения. Это применимо даже к эпохе создания Монгольской империи армиями Чингисхана. Они часто начинали захват новых земель с полного уничтожения населения первого захваченного города. Это делалось для того, чтобы другие города шли на сотрудничество с захватчиками: платили налоги, соглашались отдавать в рабство своих сыновей.

Гуревич П. Джон Сол отмечает, что Гитлер поступал иначе. Он устроил первое абсолютно немотивированное массовое убийство в истории человечества. Причиной этого не было сумасшествие, хотя отдельные исполнители и были клинически больны. И это не было только следствием традиционного антисемитизма. Это больше походило на глубокую панику мира, лишенного логики, вследствие чего преступники утратили способность понимать, на что у человека есть право, а на что — нет. Холокост был подкреплён абсолютно рациональной аргументацией, поскольку разум стал самооправдывающим и герметично закрытым. Поэтому нет ничего удивительного в том, что встреча, на которой было принято «окончательное решение», была, прежде всего, собранием ведущих министров, технократов. Неудивительно и то, что эта конференция в Ванзее продолжалась только час — для присутствующих это было всего лишь очередное из множества других совещаний — и превратилось в обсуждение форм выполнения поставленной задачи. Систематический, научный подход, с которым те методы были впоследствии применены, были охарактеризованы как симптом сумасшествия или буйного помешательства и сброшен со счетов как часть явления, названного банальностью зла. Резней действительно управляли, причем весьма умело. Это был чистый профессионализм в духе социологического исследования Гарварда.

Гусейнов А. Говоря о тираниях XX века, я бы не стал возводить их к европейскому рационализму, рассматривать их как свидетельство бездушия последнего. И более того — не стал бы утверждать, что в них был какой-то разум. Да, эти тирании были методичны, упорядочены, бессердечно рассудочны. Они вполне овладели технологиями промышленной эпохи. Но разума в них не было. Злоупотребление рационализмом не есть рационализм. Так же, например, как нарост на теле не есть само тело в его норме. В моем представлении понятия разума, науки, научного подхода изначально и по существу имеют гуманистическую направленность. Поэт был прав, говоря, что гений и злодейство — две вещи несовместные. Да и сами выражения «злой ум», «злой гений», по сути дела, фиксируют, что ум и гений используется не по назначению.

Луков В. Это почти оксюморон, вроде «благородный преступник».

Гусейнов А. Еще пару слов о банальности зла. Это понятие, насколько я могу судить, введено не для оправдания нацистского зла, в частности, холокоста, и не для того, чтобы поставить под сомнение его чудовищность. Его зна-

чение иное: показать, что оно не является порождением особых людей-чудовищ и совершалось оно не в качестве каких-то экстраординарных действий, а самым будничным образом, что оно таится в человеке и современном образе жизни и в этом смысле есть нечто более страшное, чем если бы оно было каким-то дьявольским делом. Хочу сослаться на поразивший мое воображение пример. В 70-е годы наши службы по поиску фашистских преступников нашли в каком-то сибирском городе женщину, которая была пособницей фашистских палачей, совместно с ними принимала участие в расстрелах. Ко времени разоблачения она работала, была замужем, имела двоих детей, вела обычную жизнь обычного человека, пользовалась уважением соседей и сослуживцев. Никто из ее окружения, ни, тем более, ее муж и дети не могли поверить в то, что она была фашистским палачом. И не попади она в жернова войны, она прожила бы нормальную спокойную жизнь, пребывая в иллюзии, что предательства и убийства — это не про нее. Банальность зла заключается именно в том, что оно легко внедряется в человеческую жизнь, соседствуя с обычными, совсем не злыми делами. Она, банальность зла, является опорой массовых преступлений тиранов и запрещает списывать эти преступления только на них самих и их ближайших сподвижников.

Луков В. Для резни холокоста не существовало никаких практических причин. В результате не была даже приобретена какая-либо собственность, поскольку все уже было конфисковано. Не было необходимости отстоять какую-либо территорию. С финансовой точки зрения убийства были затратными: нацистская Германия уничтожала рабское население, которое можно было использовать на производстве, а мужчины арийского происхождения были отправлены на фронт. Иудаизм ни в коей мере не был конкурирующей религией, так как в нем не поощряется прозелитизм. Эти убийства не увеличивали мощь Германии. И даже для других это не могло служить примером. Кроме того, все это держалось в тайне. Холокост — сочетание чистой логики и рационального исполнения — был порождением брака между двумя ключевыми составляющими разума: Героем и технократом. Сводить все к неумняемости или к банальности зла в современном технологическом обществе — значит совершать грубую ошибку. И если мы надеялись, что негативные последствия этого брака были полностью уничтожены после разоблачения и устранения Гитлера, то события последующих шестидесяти лет доказали, что это совершенно не так.

Гуревич П. Наполеоновская мечта в нашем воображении сегодня сильна как никогда. Моральное осуждение Гитлера постепенно выветривается из людской памяти. Через полвека мы можем оказаться под грузом еще одной чудовищной мечты о чистом величии, которое необходимо, чтобы соответствовать этому Императору. Мы полагаем, что отвергли все мечты о верховных лидерах и о сильном правительстве. И все речи даже самого незначущего министра почтовой службы пестрят наполеоновскими высказываниями о силе и эффективности. Появление политических лидеров в обществе организуют в стиле, сопоставимом с наполеоновскими триумфами. И наша терпимость как к диктатуре, так и к насилию, никогда не была столь велика, как сейчас. Список наших друзей и союзников во всем мире за прошедшие сорок лет пополнился

удивительной коллекцией массовых убийц, торговцев наркотиками и заправских палачей. Даже красные кхмеры были повторно допущены в международное сообщество без особых затруднений под предлогом решения относительно мелкой юридической проблемы. «Цель пыток — получение ответа» — этот лозунг красные кхмеры повесили в тюрьме Туол Сленг в Пномпене, главном центре допросов, где погибли тысячи людей. Можно подумать, что эта мысль — результат западного рационального образования. «Если и есть Бог, — восклицал Ницше, — то как человек мог вынести это и не стать Богом?»

Луков В. Создается впечатление, что наше общество постепенно превращается в свою противоположность. На такой высокой стадии развития элиты сконцентрировали в своих руках силу, которая позволяет им изменять вектор развития общества. Они способны делать одно, а говорить совсем другое. Заведя всех в своей привязанности к капитализму, конкуренции и заслуженному успеху, они стремятся к хорошо оплаченной карьере служащего, не слишком обремененного обязанностями. Текстура мифологии правящей элиты настолько плотна, что за этим интеллектуальным и эмоциональным камуфляжем трудно угадать реальную жизнь.

Гуревич П. Вождизм стал зависеть в основном от популярности политика. В конце 1970-х годов несколько политических деятелей вдруг начали выставлять напоказ зубы, тщательно растягивая и фиксируя верхнюю и нижнюю губы, одновременно приподняв их концы, чтобы все увидели, что они пока еще не выпали. Это нелепое выражение лица не имело никакого отношения ни к индивидуальности, ни к политике. Но камеры это передавали, подчеркивая звездный имидж. Внезапно улыбка стала настолько важной, что Франсуа Миттерану, тогдашнему президенту, который уже в течение сорока лет занимался политикой, спилили резцы, чтобы он мог показывать публике свои зубы, не становясь при этом похожим на вампира.

Луков В. Мне кажется, что победное шествие «голливудской улыбки» по демократическим государствам было важным показателем. Цель общественных деятелей, обладавших властью в XIX и в начале XX века, состояла в том, чтобы дистанцироваться от королей и их дворов, которых постепенно стали больше идентифицировать с их известностью, чем с их властью. Короли были очаровательны — они улыбались. Новые рациональные демократы были серьезны, они не улыбались. Сжатые губы были символом их преданности общественному служению, в то время как звезды унаследовали очарование и открытую улыбку королей. Через полтора века представители власти вдруг устали от рассудительного, умного выражения лица. И хотя власть все еще находилась в их руках, уже не оставалось сомнений, кому именно они подражали.

Гуревич П. Общественные деятели начали приобретать все больше черт звезды; большинство этих черт поверхностны, если не фальшивы. Спустя несколько месяцев после американских президентских выборов 1984 года Джеральдин Ферраро, первая и поэтому вошедшая в историю женщина-кандидат на пост вице-президента, стала использовать свою популярность, рекламируя пепси-колу. А на обложке глянцевого журнала в 1989 году канадский министр финансов Майкл Уилсон был изображен в смокинге вместе с кинозвездой в черном вечернем платье без бретелек. Она возлежала на высокой

скамье почти на уровне его плеч и одной рукой щекотала подбородок министра. Ее губы были выдвинуты; ее лобок смотрел прямо в объектив. Казалось, что ее снимали для разворота «Playboy». В статье, иллюстрация к которой была вынесена на обложку журнала, писалось о рождественских подарках. Уилсон хотел получить коньяк, пальто из кашемира, дорогую ручку и ноутбук за девять тысяч долларов. Статья появилась одновременно с предложениями Уилсона по изменению ставки налога с продаж, которые вели к серьезному ухудшению финансового положения малообеспеченных граждан.

Луков В. Настоящих звезд становится все больше, политики начинают вести себя подобно звездам, а звезды участвуют в общественной жизни. В конце концов, если видимость — это то, в чем нуждается структура новостей, то профессиональные звезды — это профессионалы в создании видимости новостей, в то время как политические деятели — не более чем способные любители. Министр приглашает группу журналистов в шахту. Он надевает шахтерскую каску, спускается под землю, фотографируется, потом появляется наверху, чтобы сделать пустое заявление о добывающей промышленности. Иными словами, министр сочетает первую категорию — рациональную пропаганду — с третьей категорией — участием в пародии. Авария на шахте, пожалуй, была бы еще лучше для министра, который знает, как использовать в своих интересах вторую категорию — чрезвычайность происшествия. Полет над лесными пожарами или землетрясениями посещение больных, заполненных жертвами, и похорон после бедствий — это часть метафорического искажения связей с общественностью, в которых избранный чиновник исполняет воображаемую ведущую роль.

Гуревич П. Возвышение посредственности до уровня общественной добродетели породило лидеров, которые не были интеллектуалами, но обладали некоторым талантом исполнителя. Они знали, как производить впечатление людей решительных или хорошо осведомленных, или умеющих отдавать команды. Некоторые, как Маргарет Тэтчер, фактически были технократами, хотя она сама скрывала это, избрав своеобразную, резкую манеру поведения. С непоколебимым упорством она в течение почти десяти лет боролась с инфляцией, но после этого инфляция в Англии была выше, чем в почти социалистических европейских странах, где эта борьба не велась. Ее «звездные» черты были столь ярко выражены, что никто не замечал ничего, кроме ее жесткости, которая затмевала ее оригинальность и изобретательность. Ее антиинфляционные меры ограничивались стандартными методами, которые ранее безуспешно уже использовали технократы типа Валери Жискар Эстена, к которому она, говорят, испытывала презрение. Но тогда ее сражения мало напоминали реальные, они были больше похожи на театральный вариант.

Гусейнов А. Публичное поведение государственных деятелей, так называемых первых лиц, выстроенное по модели поп-звезд, очень показательно именно в контексте обсуждаемой нами темы. Оно говорит о том, что они страшно далеки от того, чтобы быть вождями, действительными национальными лидерами, их лидерство в значительной мере является виртуальным, авторитет мнимым. Диктатор не будет каждый день мелькать в новостных программах и изрекать банальности на всю страну. Кстати сказать, уже по

одному этому признаку можно заключить, что упреки в адрес российских лидеров в авторитарных тенденциях являются надуманными. Отношения вождя и массы — интересная и отнюдь не тривиальная тема. Но одно несомненно: вождь — не поп-звезда, он никогда не будет заискивать перед массой. Он будет организовывать массу, вдохновлять ее, вести вперед, дисциплинировать, погонять, наказывать, но только не заискивать, не тратить время и усилия на то, чтобы понравиться ей.

Луков В. Правда заключается в том, что становится все больше политических деятелей ниже среднего уровня, занимающих самые высокие властные позиции, с которых можно выдавать ясные указания. Иллюзия, которую они создают, является копией иллюзии актера Рейгана. В поисках реальной власти они должны изображать из себя людей, которые делают вид, что они реальны. Канцлер Германии, лидеры двух ведущих партий в Великобритании в избирательной кампании 1992 года, премьер-министры Канады и Новой Зеландии — все они не блистали интеллектом. Они меняли свои убеждения с легкостью людей, доверяющих лицам, проводящим опросы общественного мнения. Они описывают эти мимолетные представления заученными формулировками. Их лексикон состоит из заученных фраз. И они ведут себя так, чтобы как можно больше походить на актеров из второсортных фильмов. Иными словами, после периода, когда технократы попытались стать звездами, а звезды — политическими деятелями, политическая пустота была заполнена посредственностями, которые могут легко овладеть техникой звезд, изображать безобидных людей и овладеть достаточным объемом рационального словаря, чтобы издавать звуки компетентности. Сегодня стало трюизмом, что мифологические фигуры и властители не должны думать публично.

Гуревич П. В наши дни главное направление «пиара» действующего президента — молодежная политика, строительство детских садов и модернизация российской экономики. Для Путина — пиар иной. Любовь и внимание к животным и проблемы Военно-промышленного комплекса. Только за последнее время он закрепил радиомаяк на дельфине, выпустил из клетки в сочинском лесу двух туркменских леопардов, надел радиомаяк усыпленному белому медведю на Земле Франца-Иосифа. И вновь в сочинском лесу выпустил из клетки самку леопарда. На этот раз — из Ирана. Да еще гарцевал верхом на лошади где-то в Алтайских горах.

Луков В. Вождизм, мне думается, — феномен любого целевого объединения людей в стадии высокого напряжения его сил, когда внешние угрозы становятся слишком опасными для его сохранения и развития. В этом смысле это универсальный путь преодоления трудных времен. В архаических обществах с их постоянной враждой против соседей и ориентацией на военную организацию вождизм естественным образом институционализируется как залог самосохранения общественного целого. Здесь работают биотические факторы поддержания жизнеспособности социального организма — те же самые, что действуют в системе жизнеобеспечения коллективных животных.

Гуревич П. Вы хотите подчеркнуть, что в социумах такого типа авторитарность не нуждается в специальном идеологическом подкреплении? Так, да? А в условиях кризиса?

4. Какое влияние оказал мировой кризис на тему вождизма?

Можно ли полагать, что политическая тирания вырастает на базе авторитарных философских идей?

Луков В. Кризис кое-что приоткрыл в новых вождях. В этом его полезность для общественного мнения. В том смысле, что в сконструированные имиджи привнесена жизнь. У Троцкого (снова обращаюсь к его текстам, так уж получается) нахожу «параллельное место»: «Если бы развернуть на экране самую из блестящих побед Наполеона, то кинематографическая лента показала бы нам наряду с гениальностью, размахом, находчивостью, героизмом также и нерешительность отдельных маршалов, и путаницу генералов, не умеющих читать карту, и тупость офицеров, и панику целых отрядов, вплоть до расстроенных от страха кишечников. Этот реалистический документ свидетельствовал бы только, что армия Наполеона состояла не из автоматов легенды, а из живых французов, воспитавшихся на переломе двух веков. И картина человеческих слабостей только ярче подчеркивала бы грандиозность целого» (заметим, Троцкий здесь пересказывает «Войну и мир»). Так вот и в наши дни «вожди» несколько поблекли, когда их советники — «великие экономисты» признались, что всю дорогу ошибались. Но лидеры ведущих мировых держав вышли из драматической для миллионов людей ситуации даже не без изыщества. И вновь «картина человеческих слабостей» подчеркнула «грандиозность целого». Кризис, правда, продолжается, но зачем возвращаться вспять и вещать о неприятном? Это как ЕГЭ: педагогический мир, родители, школьники кричат о возникших в образовании проблемах, а первые лица страны уверяют: практика показала, что все идет прекрасно. Прямо как стоики говорили, а Вольтер повторил за ними: «Все хорошо и нет никакой надежды на лучшее».

Гусейнов А. В так называемом мировом экономическом кризисе я лично мало что понял. Экономисты, которых случалось читать в СМИ, тоже ничего не смогли объяснить. О кризисе много говорили, в особенности высшие руководители и финансисты. Но в жизни, имея в виду себя? близких, знакомых, я с ним не сталкивался. У меня даже зародились сомнения, а не была ли это грандиозная афера? Я никак не могу понять тот факт, что в самый пик кризиса в нашей стране удвоилось число миллиардеров. Сообщают, что в 2009 кризисном году на отдых выехало больше россиян, чем раньше. Или другое наблюдение: в период кризиса США смогли консолидировать втянутые в их экономическую орбиту страны вокруг геополитических битв, которые они ведут в Афганистане, вокруг Ирана. Тут что-то не то. В любом случае, если кризис и был реальным, то он не потребовал никаких экстраординарных мобилизационных мер и не привел к усилению авторитарных тенденций. Не считать же такими мерами саммиты восьмерок и двадцаток, а такими тенденциями — полудемагогический моральный нажим на топ-менеджеров, чтобы они умилили рост своих бонусов?! Вообще надо заметить, что глобализационные процессы, как и развитие стран, являющихся лидерами глобализации, происходят методично, по логике хорошо отлаженных механизмов, сами сбои которых (наподобие кризисов или цветных революций) оказываются заранее

предусмотренными и управляемыми моментами их работы. Здесь нет вождей, героев, нет ярких индивидуальностей. Кто-то (кажется, Бертольд Брехт) сказал, что счастлив народ, у которого существуют герои, но еще более счастлив тот народ, который не нуждается в героях. Боюсь, что это утверждение в обеих его частях — не про нас, не про сегодняшний мир и не про сегодняшнюю Россию.

Гуревич П. Но коли в феномене мирового кризиса скрыта какая-то обманка, то может быть, стоит в заключение нашего обсуждения обменяться мнениями и по поводу ответственности философии во всем, что происходит вокруг. Действительно ли, тирания возникает на базе авторитарных философских идей?

Гусейнов А. Честно признаться, я не очень понимаю, что означает выражение «авторитарные философские идеи»? Философия, за исключением, быть может, скептических школ, всегда авторитарна.

Гуревич П. Извините, Салам Керимович, я вас прерву. Я согласен с вашей мыслью. Но в Нижнем Новгороде сегодня эта тема обсуждается с очевидной запальчивостью. Профессор Владимир Александрович Кутырев написал в своей книге «Бытие или ничто»: «философия тоталитарна. Как всякая любовь». Ему возразил профессор Алексей Николаевич Фатенков. Он сказал: «философия, как именно не всякая любовь, не по ту, а про эту сторону свободы». Разумеется, в трудах любого мыслителя всех времен и народов, кроме общих озарений, есть неперменное желание еще раз, уже на основе собственных раздумий, понять, что такое философия и какова она? Здесь два мнения, они противоположны. Но точно ли, что одно исключает другое? Философия — это авантюра ума. Ее, как известно от Платона, создает не толпа, а никем и ничем не повязанный мыслитель. Но в ней есть и авторитарность, принудительность. Это тоже бесспорно. Нельзя стать философом, не выработав непреложной дисциплины ума, не подчинив себя логике ответственного размышления. Опыт социальной философии Платона, который хотел поставить философов во главе государства, давно убедил нас в том, что последовательно продуманная мысль грешит авторитарностью. Философия — женского рода. Поэтому она авторитарна, не терпит совместительства, а, тем более, равнодушного к себе отношения.

Гусейнов А. Если под авторитарными философскими идеями подразумевать культ сильной личности типа ницшеанского сверхчеловека, то его связь с политическим бонапартизмом очевидна. Это такое сужение вопроса, которое искажает масштаб проблемы. Более интересно и остро было бы поставить вопрос о связи философии в целом с политикой вождизма. Вообще связь философии и политики — большая, сложная и, в высшей степени, замечательная тема.

Гуревич П. Но обойти связь философии и тирании нам, видимо, не удастся. В начале беседы я сказал об авторитарном во Франции течении «новых философов». Оно считает, что такие «господа-мыслители», как Фихте, Гегель, Маркс, Ницше, виновны во многих бедах прошлых столетий, поскольку их идеи имели тоталитарную обязательность. Используя принципы и терминологию представителей структурализма и постструктурализма (М.Фуко, Ж.Лакан, Ж.Деррида), Глюксман рассматривает историю как реализацию идей, выраженных в

«текстах» великих мыслителей и созданных как «дискурс Властителя» для достижения господства. Любая идеология активизма (преобразования общества) оценивается как «социодицея» (по аналогии с теодицеей), то есть как теоретическая попытка примирить модель общества и ее реальное изменение на «благих» и «разумных» началах с фактом сохранения социальной несправедливости.

Гусейнов А. Даже при поверхностном взгляде на историю мы можем зафиксировать, что выдающиеся политики, политики исторического масштаба, всегда были равнодушны к философии, часто сами пытались философствовать. Обратите внимание: даже самые маленькие вожди создают свои учения и книги — идеи чучхе Ким Ир Сена, «Зеленая книга» Каддафи, «Рухнаме» Туркменбаши. Точно так же великие философы, как правило, тянулись к политике. Это наблюдение настолько верно, что можно вывести даже эмпирическую закономерность: если политик не имеет интереса к философии, а философ не тянется к политике, то ни тот, ни другой не являются великими. Философское творчество связано с политическим творчеством, находит в нем свое выражение и продолжение. Дело в том, что философия — не только род познания, она является также определенным образом жизни. Философия доводит познание мира до формулирования моделей его преобразования, усовершенствования. И совсем не случайно первый великий систематизатор философии Платон был автором первой грандиозной утопии. Философия, создавая идеал совершенного человека и общества, как бы требует своего продолжения в моральной и политической практиках. Что касается политики, то в той части, в какой она является творчеством новых форм общественного устройства, целенаправленного и решительного преобразования существующих государственных порядков, она нуждается в идеально-философских теориях, способных ориентировать такую деятельность. Конечно, можно в каком-то расширительном смысле сказать, что на философии лежит косвенная и невольная вина за злоупотребление ею в политике. Она «виновна» тем, что допускает, позволяет придавать таким злоупотреблениям правдоподобный вид. Это приблизительно так, как кухонный нож можно считать «виновным» в том, что его использовали в качестве орудия убийства. С другой стороны, и политика, в том числе, как правило, тогда, когда она приобретала волюнтаристский вид и рядилась в философские одежды, грешила против философии и философов. Философию часто запрещали, философов изгоняли, казнили. Возникает вопрос: что можно сделать, чтобы блокировать, а если нет, то хотя бы минимизировать взаимные злоупотребления между философией и политикой? Одно из средств, на мой взгляд, состоит в том, чтобы они находились в постоянном диалоге между собой. Для здорового состояния общества философская критика политической практики так же необходима, как и пристрастно-публичный анализ философских рецептов в их соотношении с политической практикой.

Гуревич П. Обсуждение показало, что философия вождизма — самостоятельный и крайне интересный блок философских знаний. Эрих Фромм пытался доказать, что в патриархальных обществах не было вождей в привычном сегодня смысле слова. Он писал о дисперсии (растекании) власти. Однако

современные культурфилософские исследования не подтверждают этой загадки. Властолюбие — феномен не только социальный, этический, культурологический. Догадки Ницше и Адлера о властолюбии как антропологическом явлении не лишены оснований. Не потому ли вполне нейтральное по своим истокам понятие харизмы утратило свой первоначальный смысл и стало своеобразным оправданием тиранства, цепкой и безудержной власти. Удалось ли современной философии освоить огромный пласт литературы, рожденный после второй мировой войны? Смогли ли диагносты и экзегеты власти, как они надеялись, поставить крест на повторном явлении тоталитаризма, доказывая его ущербность и недолговечность? Сумел ли постмодернизм, который как будто находится на излете, дать развернутую феноменологию причин, ведущих к возрождению тоталитарного мышления и жесткой политической практики?

Мы подчеркивали, что вождь — это историческая эпоха, а не усредненный политический персонаж. Мы стремились выявить признаки тоталитаризма как сложного комплекса социальных слагаемых. Мы подчеркивали, что в России сегодня невозможно установить диктатуру, даже опираясь на идеологию модернизации. Однако нет ли резона в предостережении Артура Шопенгауэра, который считал, что очередная война начинается тотчас же, как подрастает новое поколение, не имевшее опыта бедствий и страданий? Стоит ли с академическим спокойствием ждать, когда сумма разрозненных факторов сложится в некий скорбный для человечества результат?

Салам Керимович не случайно говорил о возможных масштабных социально-исторических кризисах, чреватых тираническими мутациями. Не служит ли расхожая формула «плохая власть лучше, чем никакая» прикрытием для того, чтобы стреножить демократию? Благодушно взирая на курьезные проявления современного авторитаризма, не забываем ли мы исторические уроки, свидетельствующие о парадоксальных метаморфозах политической практики? Осознаем ли мы в полную силу тот факт, что современная политическая психология все чаще превращается в политическую патопсихологию?

Политическая практика рождает сегодня не только узурпаторов власти, но и опасную деформацию личностей, претендующих на роль поводырей человечества. Не грозит ли это новыми, пока неизвестными нам историческими катаклизмами? Политическая философия, как это очевидно, находится перед новыми вызовами.

Владимир РОЩУПКИН

СИБИРСКАЯ ЭПОПЕЯ «ДЗЭНЬЁККЁ»: ВОЕННОПЛЕННЫЕ ИЛИ «ИНТЕРНИРОВАННЫЕ»?

Пожилой, невысокого роста японец неотрывно смотрел на мелькавшие за вагонным окном скорого поезда «Россия» бесконечные дальневосточные и сибирские пейзажи. С особым нетерпением он почему-то ждал, когда состав приблизится к станции Известковая, что почти на границе Хабаровского края и Амурской области. Наш поезд миновал эту маленькую станцию без остановки, а Сато-сан все смотрел и смотрел неотрывно в ту сторону, где за изгибом таежной речки скрылись более чем скромные станционные постройки.

Дорога от Владивостока до Москвы — дальняя, целых семь суток. Обстановка располагала к общению, и мы познакомились.

— А ведь вы и представить не можете, что эти места мне хорошо знакомы, — еще раз бросил взгляд за окно наш попутчик. — Так уж сложилась жизнь...

Экзотическая награда

Масанобу Сато — один из сотен тысяч вчерашних японских солдат, которых осенью 1945 года перевезли через границу и разместили в лагерях на советской территории. Бывший рядовой-пехотинец одной из частей Квантунской армии, обладатель редчайшей (по нынешним временам) награды — памятного знака «За созидательный труд на российской земле». И вот спустя столько лет после окончания войны он снова в России, но уже по своей воле, по своему большому желанию...

19-летний электрик Масанобу Сато из префектуры Фукусима был призван в мае 1945 года. Так что в рядах Квантунской армии он прослужил совсем недолго. В августе солдаты его части (по словам моего собеседника, их было тысяча человек) попали в плен. А вскоре военнопленный рядовой Сато оказался по ту сторону советско-китайской (маньчжурской) границы. Попал он в лагерь № 4 на станции Известковая, что в Еврейской автономной области.

Судьба раскидала однополчан и земляков девятнадцатилетнего солдата Масанобу Сато — они попали в разные лагеря. Сам факт пленения поверг Сато и других вчерашних солдат императора в состояние сильнейшего стресса. Многие, кстати, пленными себя не считали, на том основании, что не воевали

на советской территории. Кроме того, стресс усугублялся тоской по близким, по родине, которую оккупировали американские войска.

Условия жизни и труда в лагере на станции Известковая были, конечно, не мед для японцев, непривычных к сильным, до 40 градусов, морозам, к русскому рациону. И дело было отнюдь не в его скудости. Взамен риса военнопленным давали хлеб. Не было морской капусты, рыбы и морепродуктов, без которых немислим рацион японской семьи. Пленные страдали авитаминозом, цингой. Некоторые менее стойкие товарищи Сато умирали. (По официальным данным, из 660 тысяч японских военнопленных более 60 тысяч умерли.)

Правда, позднее положение с питанием улучшилось. Не от щедрот властей и богатых российских закров — нет, конечно. В первые послевоенные годы большинство русских и сами жили впроголодь. А улучшить питание японских военнопленных удалось за счет запасов... самой Квантунской армии. Дело в том, что в Маньчжурии советскими войсками было захвачено множество продовольственных складов. От знающих людей я слышал, что об этом доложили самому Сталину. По распоряжению Москвы запасы риса со складов вывезли в Союз и стали распределять по лагерям. Норма — 300 граммов неотшелушенного риса на человека. Этого количества хватало, чтобы приготовить кастрюльку вареного продукта.

И если в октябре 1945 года — марте 1946 года смертность пленных достигла своего пика, то потом она пошла на убыль. Сказалось и то, что японцы научились находить в тайге съедобные корни и семена растений. Особенно выручали их кедровые орешки: в их семенах — витамины и ценнейшие эфирные масла.

Как и большинство его земляков, военнопленный рядовой Сато не отличался богатырской статью и крепким здоровьем, но работал добросовестно: тому свидетельство — его награда. (Обитатели лагеря № 4 прокладывали в тайге железнодорожную колею). Страдал же Масанобу Сато не столько из-за тяжелой работы и сурового климата, а оттого, что очень переживал из-за поступка одного охранника: во время обыска солдат отобрал у него часы, авторучку, одежду, небольшой запас продуктов и денег. Личные вещи, которых Сато в одночасье лишился, были для него единственным напоминанием о прежней, довоенной жизни, о своем собственном «я», осознанием которого японцы очень дорожат.

Видение подземных дворцов

Настоящая же беда случилась, когда у Масанобу украли катанки (сибирские валенки). Как работать без них в лютый мороз на ледяном ветру? Но свет не без добрых людей. Нашли японцу старые катанки. Кстати, сегодня Сато-сан не в обиде на русских солдат: ведь не все были такие, как тот, кто отобрал и не вернул ему личные вещи. Многие относились к пленным вполне дружелюбно, видя в них не вчерашнего противника, а людей, попавших в беду.

К тому же, как рассказал нам работавший с японскими пленными фронтовик, ныне полковник в отставке Андрей Иванович Поликаров, персонал лаге-

рей и гражданское население симпатизировали японцам за их бесспорные положительные качества: трудолюбие, дисциплинированность, вежливость, аккуратность в быту. Побегов, кстати, практически не было.

Нашему собеседнику повезло больше, чем другим его землякам. Повезло в итоге, но не в ситуации, в которой он оказался в лагере. Сато поранил палец, началось воспаление. Поэтому на родину он уехал раньше других — из госпиталя, в сорок восьмом. Другие же пленные находились в России вплоть до середины 50-х годов. Десять лет вдали от родины — это целая жизнь.

Конечно, вчерашний военнопленный Сато, мягко говоря, не испытывал особой любви к стране, где отсидел в плену. Не зря многие бывшие военнопленные, вернувшись на родину, даже меняли имя и фамилию, тем самым они как бы говорили: у них было две жизни, два возраста — до и после плена.

И все-таки с годами ожесточение души отступало. О плохом вспоминать не хотелось. А хорошее — запомнилось. Сато-сан был поражен широтой русской души, открытостью наших людей, их умением переносить трудности. И их непоколебимой верой в лучшую жизнь. Однажды в лагере он услышал от русских людей восторженные отзывы о московском метро. Вряд ли они сами видели его, но их убежденность в том, что это лучшее в мире метро, была поразительной. Может, тогда-то и залегло в глубинном пласте души Масанобу Сато фантастическое, ирреальное желание увидеть когда-нибудь подземные дворцы далекой Москвы. И он увидел их — уже в наши дни...

Удивительная все-таки вещь человеческая память: общаясь в поезде с пассажирами, слыша русскую речь, бывший солдат стал вспоминать многие русские слова и фразы. Возвращаясь из далекого прошлого, они напоминают ему о прошлом. Как память о далеких годах, проведенных в России, Сато-сан хранит архивную справку. В ней значится: сумма не выплаченного ему заработка составляет 3693 рубля — деньги по тем временам немалые. Почему не выплачены? В справке приведена «железная» аргументация: рубли вывозу за границу не подлежали...

Как же сложилась судьба бывшего солдата после возвращения? Все послевоенные годы господин Сато проработал почтовым служащим в Фукусиме. На пенсию вышел с должности начальника местной почты. Однако военную пенсию, в отличие от других фронтовиков, не получает: слишком мало прослужил в действующей армии. Но на жизнь бывшему солдату вполне хватает — учитывая высокие зарплаты и пенсии в Японии даже по сравнению с западноевропейскими странами и США. Во всяком случае Сато-сан мог спокойно позволить себе неблизкую поездку из Фукусимы через всю Россию до Москвы и обратно. Бывал он и в Индии, Тибете, Норвегии, Финляндии, в других дальних странах. Но к первой своей поездке в Россию в составе туристической группы готовился особенно тщательно. А второй раз это путешествие он совершил уже вместе с женой Киёко — поэтессой и художницей. Они вновь проехали скорым поездом № 1 «Владивосток — Москва» через всю Россию.

После того как в поезде состоялось наше знакомство, мы стали переписываться. Сато-сан, как и многие его сверстники, прошедшие несколько лет в нашей стране, внимательно следит за развитием российско-японских отноше-

ний. Предметом особого интереса для этих уже весьма пожилых людей стало посещение тогдашним премьер-министром Дзин'титиро Коидзуми массового захоронения бывших японских военнослужащих в Хабаровске.

Как появились это и многие другие захоронения на нашей земле? Почему этому уделяли и уделяют столько внимания средства массовой информации Японии? Вопросы тесно увязаны с финалом Второй мировой войны.

По договоренностям с союзниками

Согласно договоренностям со своими западными союзниками — США и Великобританией — СССР начал боевые действия против Японии, дальневосточного союзника гитлеровской Германии, после завершения боев на европейском театре войны. Это произошло в ночь на 9 августа 1945 года. Бои проходили главным образом на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), оккупированной с 1931 года более чем полумиллионной японской Квантунской армией.

Несмотря на сильноукрепленные позиции и труднопроходимую местность, особенно для бронетанковой техники, советские войска стремительно продвигались вглубь Маньчжурии. Немалая их часть имела колоссальный опыт боев в Европе. 14 августа император был вынужден отдать приказ о прекращении боевых действий. Не сразу, не вдруг, но сотни тысяч солдат и офицеров стали сдаваться в плен по приказу императора.

Однако до дня подписания капитуляции ни один японец не пересек нашу границу в качестве военнопленного. Только осенью 1945 года огромные массы бывших военнослужащих императорской армии были переправлены через границу на советскую территорию. Но к размещению этой более чем полумиллионной «армии» пленных советская сторона поначалу оказалась не готовой. Почему?

Еще в ходе боевых действий усилия советского командования были нацелены на широкомасштабную подготовку к будущей оккупации части Японии на правах державы-победительницы. Однако после 9 августа американские войска оккупировали всю страну. А новая администрация США (после смерти президента Рузвельта в апреле 1945 года ее возглавил Трумэн) всячески противодействовала участию Москвы в решении судьбы послевоенной Японии...

2 сентября 1945 года министр иностранных дел господин Мамору Сигэмицу и начальник генерального штаба императорской армии генерал Ёсидзиру Умэдзу подписали Акт о капитуляции Японии. Эта дата считается днем окончания Второй мировой войны, самой ожесточенной и кровопролитной в истории человечества. Она длилась ровно шесть лет.

Солдаты и офицеры японской Квантунской были интернированы: в одном только Китае в 1945 году было 3 млн. японских военнопленных — таковыми они однозначно были для советского командования и военной администрации. И все же многим тогда повезло: в том же 45-м их вернули домой. В период же до середины 1947 года в общей сложности из других стран мира,

вовлеченных в войну, на родину вернулось около 6 млн. интернированных во время войны японцев.

А в Сибирь тем временем — в который уже раз! — потянулись этапы. Только на сей раз не с запада — с востока. Впрочем, сеть лагерей японских военнопленных очень быстро покрыла не только Центральную и Восточную Сибирь, но и наши северные территории — лагерь был даже на Чукотке. Но это не все. Украина, Центрально-Черноземный регион, Поволжье, Закавказье, Узбекистан, Урал, Забайкалье, Амурская область, Хабаровский край, Приморье...

Один лишь этот краткий, но впечатляющий по масштабности перечень, дает представление о географии послевоенного «заселения» нашей страны бывшими японскими солдатами и офицерами. В зиму сорок пятого — сорок шестого, через два месяца после начала интернирования, часть плененных японцев перевезли в Северную Корею. Примерно на тот же период приходится трагический эпизод, известный сегодня разве что узкому кругу исследователей: на территории Маньчжурии группа японских военнопленных покончила с собой.

Первый лагерь японских военнопленных появился на Камчатке. 10 августа 1945 года наш бомбардировщик разбомбил японский плавучий крабовый завод у ее берегов. Первые японские интернированные — команда этого судна вместе с рабочими и рыбаками — 371 человек. Другие лагеря появились в сентябре — октябре.

Так для многих и многих расы Ямато — представителей Страны восходящего солнца — началась более чем десятилетняя российская эпопея. Последнее из них были освобождены и репатриированы через порт Находка только в 1956 году, после подписания Совместной декларации. Значение этого документа в том, что он фактически прекратил формально затянувшееся состояние войны между СССР и Японией; в итоге дипломатические отношения были, наконец, восстановлены.

Книга памяти

И за эти одиннадцать лет на земле российской появилась еще одна сеть — сеть захоронений плененных японских военнослужащих: по официальным данным до возвращения на родину не дожило 60 тысяч человек. В одном только Приморье в 113 местах захоронений покоится прах 6437 человек. В начале 1990-х годов японской стороне были переданы списки погибших, в них — около 40 тысяч имен и фамилий.

Кстати, поиски мест захоронений в приграничном Приморском крае, нанесение их на карту, составление и уточнение списков — огромная личная заслуга бывшего фронтовика Андрея Ивановича Поликарова. Им же была подготовлена Книга памяти, куда занесены практически все фамилии японских граждан, нашедших упокоение на земле Приморья. Надо было видеть, как благодарили Андрея Ивановича родственники умерших, когда благодаря его подвижничеству и помощи они находили места захоронений и увозили прах на родину. Подобные книги готовятся и по другим регионам. И можно

представить, какой это колоссальный труд, сколько времени и терпения он требует. В конечном счете, подвижническая деятельность энтузиастов работает на улучшение отношений между нашими странами соседями. Но...

Да, в последние полтора десятилетия родственники погибших получили возможность посещать могилы своих близких — даже в тех населенных пунктах, куда доступа раньше не было. И здесь представителям народа, в чьих традициях доминирует трепетное отношение к ушедшим в мир иной, с болью и бессилием приходится наблюдать те же явления, которые участились и по всей нашей стране: места захоронений пришли в запустение.

Сегодня прах многих из захороненных (более 10 тыс. урн) вывезен на родину. Однако проблема ухода за оставшимися захоронениями по-прежнему актуальна. Существуют соответствующие договоренности — кстати, обоюдные. И японская сторона свою часть этих договоренностей соблюдает четко: состояние мест захоронений наших соотечественников в Японии, в частности, в городе Мацуяма, близко к идеальному. Что, впрочем, неудивительно — бюджет плюс менталитет.

В нашей же Ливинке (железнодорожная станция на берегу Байкала) или в Артеме (шахтерский город на юге Приморского края) местные жители в меру своих сил пытаются решать эту проблему. По-человечески, по-христиански (хотя японцы в большинстве своем исповедуют синтоизм, местную разновидность буддизма). Но на одном энтузиазме простых жителей далеко не уедешь. Хотя на местном уровне соответствующие решения принимаются. Было принято и решение на территории, откуда прах захороненных вывезли на родину, разбить парк мира. Но вот уже скоро два года, как эти планы покоятся только на бумаге. И вряд ли стоит удивляться этому: под Новгородом и Псковом лежат солдаты Великой Отечественной — прах многих из них не захоронен и по сей день.

Однако на войне как на войне. Сегодня для абсолютного большинства и россиян и, наверное, жителей Японии, по меньшей мере, странно будет услышать, что существовали и японские лагеря советских военнопленных! Во всяком случае, свидетельства об одном из них вполне достоверны. Этот лагерь располагался близ города Вакканай, что на самом севере острова Хоккайдо. В лагере содержались пленные советские моряки. Бесцеремонно попирая международное морское право, японцы задерживали наши торговые суда, снимали с них экипажи и отправляли их в этот лагерь. Как уже отмечалось, количество интернированных в те далекие теперь уже времена японцев достаточно велико. Поэтому вполне естественно, что социально-политическое эхо давно минувших дней звучит в сознании значительной части японского общества — по некоторым данным, проблема касается каждой шестой японской семьи, чьи ныне уже совсем старенькие близкие и родные пережили сибирскую драму.

А суть проблемы такова. Японская общественность и, прежде всего, сами бывшие военнопленные, категорически не согласны с употреблением применительно к ним слова «военнопленный». Токио считает, что Сталин вероломно нарушил пункт 9 Потсдамской декларации, в котором говорилось, что

сразу же после капитуляции Японии всех офицеров и солдат, добровольно сложивших оружие по приказу своего императора, должны будут вернуть на родину.

У советской стороны на этот счет свое мнение. Существует видение проблемы, при котором японские интернированные военнослужащие должны быть освобождены и репатриированы после подписания мирного договора. А он, как вы знаете, в силу ряда политических причин не подписан до сих пор. Хотя как его эквивалент вот уже без малого пять десятилетий воспринимается подписанная правительствами СССР и Японии в октябре 1956 года Совместная декларация о прекращении между СССР и Японией состояния войны и восстановлении дипломатических отношений.

Тогда же, в 1956 году, начали в массовом порядке освобождать и возвращать на родину японских интернированных (в нашем разумении — военнопленных). Справедливости ради отметим, что тысячи, если не десятки тысяч, вернулись на родину раньше, еще в конце сороковых — прежде всего, больные, ослабленные и получившие травмы на производстве. Но, так или иначе, многие из тех, кто был на нашей территории до конца, прошли через советский военный трибунал. Причем немало было и таких, кого осудили как военных преступников или за «контрреволюционную деятельность».

Да, время было суровым, определенный отпечаток на него, безусловно, наложила и холодная война. Не избежал сей участи и сын видного политического деятеля принца Коноэ, с которым, кстати, был хорошо знаком наш выдающийся разведчик Рихард Зорге. Коноэ-младший был приговорен к 25 годам лишения свободы, хотя служил в Квантунской армии всего лишь в чине капитана и непосредственного отношения к замыслам её высшего командования как младший офицер не имел. Лишь через десять лет отбывания срока, в преддверии заключения советско-японской Декларации (1956 год), в результате усилий японской дипломатии он был освобожден. Однако судьбы свершился приговор. Она оказалась еще более суровой по отношению к капитану, чем послевоенная Фемида. Вернуться на родину ему так и не выпало: за две недели до освобождения Фумитака Коноэ скоропостижно скончался.

В 1990-е годы, когда экономическая и государственная мощь нашей страны в значительной мере ослабла в результате распада СССР, многие государства стали предъявлять ей счета многолетней давности. В их числе и Япония. Причем голоса о реабилитации своих пострадавших сограждан и по сей день доносятся с японской территории в увязке с погранично — территориальными претензиями. Речь идет о требовании вернуть так называемые северные территории — 4 южных острова Курильской гряды.

Что же касается тех многих японцев, кто отбыл срок в сибирских и иных лагерях, то они упорно стремятся добиться того, чтобы российская сторона в международно-юридическом плане рассматривала их как «насильственно интернированных», но не в качестве военнопленных. Выдвигаются также требования (по примеру Германии и США) выплатить денежные компенсации пострадавшим японским гражданам, а также установить точное число умерших и мест их захоронений.

Эти предложения, в частности, были изложены в письме российскому руководству японскими участниками российско-японского симпозиума по проблемам «насиленно интернированных». В подобных симпозиумах, регулярно проходивших в Москве, участвовали члены Всеяпонской ассоциации «Дзэнъёккё» («насиленно интернированных») во главе с известным политическим деятелем депутатом парламента господином Аидзавой и российской общественной организации «Взаимопонимание». Ее возглавляет японист Алексей Кириченко. (На некоторых встречах выступал и автор этой публикации). По мнению представителей Токио, окончательную ясность в проблему международно-юридического статуса бывших японских военнослужащих, оказавшихся в СССР в послевоенное время, могла бы внести специально созданная комиссия.

Главная военная прокуратура: особый участок работы

Следует также сказать и том, что российские власти и судебные инстанции с пониманием отнеслись к просьбам родственников многих осужденных после войны японцев — пересмотреть дела их близких, проходивших в суде как военные преступники. Время изменило наше отношение к делам (в прямом и в переносном смысле) давно минувших дней.

В 1991 году, еще в свете старой Конституции, был принят Закон о реабилитации жертв политических репрессий. За время действия этого закона органы военной прокуратуры пересмотрели более 100 тысяч уголовных дел. Более 60 процентов проходивших по этим делам лиц было реабилитировано. Из них около четверти — иностранцы

Эта работа ведется органами военной прокуратуры в тесном взаимодействии с Комиссией при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, Федеральной архивной службой России, архивными органами МВД, ФСБ, МИД РФ. Было пересмотрено несколько десятков тысяч уголовных дел.

Главная военная прокуратура работает по обращениям представителей более чем 20 государств, в том числе и по заявлениям граждан Японии. Но сотрудники Главной военной прокуратуры отмечают, что количество заявлений от жителей Страны восходящего солнца по сравнению с числом аналогичных заявлений из других государств (к примеру, Германии, Австрии, Венгрии) не очень велико. Однако эти дела пересматриваются независимо от количества обращений — в надзорном порядке.

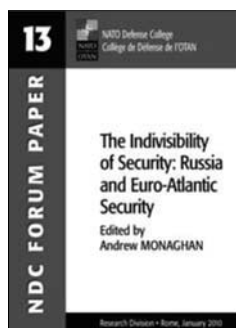
Наше правительство сегодня занимает в этом отношении достаточно жесткую и, кстати, опирающуюся на международное право позицию. Дело в том, что официально, де-юре, во время подписания упоминавшейся Декларации 1956 года этот вопрос урегулировали: были сняты взаимные претензии по факту интернирования японских граждан на территории СССР после капитуляции Квантунской армии в августе 1945 года. Кстати, уже в ельцинскую эпоху, во время подписания российской и японской сторонами Иркутского соглашения, Москва и Токио признали Совместную декларацию 1956 года базовым международно-правовым документом.

Но одно дело — официальный документ, и другое, когда война и ее последствия безжалостным катком прошли через судьбы более чем полумиллиона человек, оказавшихся в плену на советской территории после капитуляции. Они по-прежнему себя пленными не считают и требуют пересмотреть свой тогдашний статус через призму международного права.

При подготовке мирного договора с Японией камнем преткновения, несомненно, вновь станут южные острова Курильской гряды — «северные территории». Для Токио эти острова — что камень за дипломатической пазухой, который каждый раз летит на стол дипломатических переговоров и встреч в верхах. И если с началом перестройки Москва допускает саму возможность обсуждать эту тему, то вопрос о бывших пленниках или, как называют их наши оппоненты, насильственно интернированных, полагают некоторые наши эксперты, Токио лучше вообще не рассматривать. Ибо его обсуждение в международно-правовом контексте явно будет не в пользу японской стороны.

Ну, а если данная проблема все — таки всплывет в ходе переговоров? Исключать это было бы неразумно, зная упорство Токио в отстаивании своих позиций. Но главное — в общественной, гуманитарной значимости проблемы для наших соседей. Ведь она по-прежнему затрагивает интересы сотен тысяч семей! При этом вопрос о «насильственно интернированных» для них, как уже отмечалось, очень важен не только в юридическом, но и в гуманитарном, моральном плане.

Так что, думается, есть резон ознакомить российскую общественность с практически неизвестным им непростым международно-правовым и социально-гуманитарным аспектом российско-японских отношений. Ведь эти отношения и без того отягощены (хотим мы этого или нет) погранично-территориальными претензиями Токио. Задача политиков — найти общий язык на юридическом поле, чтобы упомянутые проблемы не омрачали наше сотрудничество и отношения как ближайших соседей. На уровне же наших сограждан и уж, тем более, государственных чиновников, особенно тех, кто взаимодействует с официальными лицами Страны восходящего солнца, здесь применима известная формула: информирован — значит предупрежден.

НЕДЕЛИМОСТЬ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИЛИ НЕПРИКАСАЕМОСТЬ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ ЕЕ АРХИТЕКТУРЫ?

О попытках подменить новый Договор
о европейской безопасности очередной
пустопорожней дискуссией в ОБСЕ

**The Indivisibility of Security: Russia and
Euro-Atlantic Security. (Edited by Andrew
Monaghan)* NATO Defense College, 2010**

Предложение Президента России Д.Медведева о создании новой архитектуры безопасности и разработке юридически обязывающего Договора о европейской безопасности явно оживило обсуждение этой проблематики на всех уровнях, в том числе и на уровне академическом, в среде специалистов, которые теоретически обосновывают и практически проводят политику, призванную обеспечить европейскую (теперь все чаще евроатлантическую) безопасность. Одним из откликов стал сборник «Неделимость безопасности: Россия и евроатлантическая безопасность», подготовленный исследовательским отделом Оборонного колледжа НАТО в Риме.

Цель, которую поставили перед собой составитель (научный советник ОКН Эндрю Монаган) и семь авторов, предельно четко обозначена в предисловии: «Представить основу для ведения сбалансированного обсуждения текущих процессов в создании евроатлантической архитектуры безопасности». Цель эта, как представляется, достигнута. обстоятельно представлены позиции и Европейского Союза, и НАТО, и США по проблемам евроатлантической безопасности в целом и российским предложениям в частности. Определенное всех высказался Бурак Аксапар, глава департамента планирования политики МИД Турции: «Идея нового Договора о европейской безопасности, предложенная Россией, преждевременна».

Не все авторы столь категоричны, зато все открыто или исподволь предпочитают любым юридически обязывающим действиям не связанные никакими сроками обсуждения с использованием такого почтенного механизма, как ОБСЕ («процесс Корфу»). В обоснование этого (в разных вариациях, но едино

---

* Неделимость безопасности: Россия и евроатлантическая безопасность. (Под редакцией Эндрю Монагана.)

по сути) утверждается, что ныне существующая структура обеспечивает Европе наилучшую безопасность за всю ее историю, а потому вообще отказываться от нее смысла не имеет, хотя и можно постепенно что-то добавлять или менять с учетом новых реалий в мире, новых вызовов и новых угроз. При этом Россия никак не исключается из числа партнеров по обсуждению, наоборот, ее участие в нем, как и в развитии сотрудничества в практических вопросах безопасности, приветствуется.

Материалы сборника позволяют предположить, что участники дискуссий с российской стороны должны быть готовы к многозначной трактовке западной стороной самого термина «неделимость безопасности»: и с точки зрения равного участия в ее обеспечении всех субъектов (отдельных государств, государственных объединений, союзов и организаций), и с точки зрения единства в военной, экономической и гуманитарной сферах, и с позиции глобального единства безопасности в условиях, когда угрозу несет не ведающий границ терроризм и когда вызовом является экономическая деятельность, не желающая считаться с местническими интересами.

Тень хельсинских «трех корзин» весьма заметна во многих материалах сборника, и, соответственно, откровенно предъявляемая России претензия в забвении «прав человека» особенно на так называемом постсоветском пространстве. «Москва стремится создать структуру, которая придала бы легитимность ее непрямому руководству бывшим Советским Союзом. Существующие структуры евроатлантической безопасности, где главенствуют США и НАТО, являются главным препятствием этому. Конечная цель России меньше связана с эффективной европейской безопасностью, чем с образованием среды, которая способствовала бы продвижению российского влияния». От этого безапелляционного высказывания американского политолога Доналда Дженсена, положим, веет холодком былых времен, зато он открыто высказал то, что другие предпочли упрятать в тень.

Тем и интересен сборник, что он дает представление о самых разных (и не всегда идентичных) взглядах тех, кто будет представлять «другую сторону» на обсуждении вопросов укрепления безопасности и в Европе, и далеко за ее пределами. Вряд ли ученые НАТО готовили пособие для российских переговорщиков и политологов, но ясно, что те вполне могут почерпнуть из него много полезного. Тем более, что тональность всех без исключения статей в нем не обманет ничей слух: провал в развитии сотрудничества в области безопасности и сохраняющееся чуть ли не со времен холодной войны взаимное недоверие не устраивают никого. И это тоже — общая основа для действий в деле совершенствования «наилучшей из всех времен» существующей или новой архитектуры безопасности Европы и всего мира.

Вагиф Гусейнов

НА ИЗЛЕТЕ ПОСТМОДЕРНА

Доманска Эва. Философия истории после постмодерна. М., 2010.

Эва Доманска — польский философ, преподающая ныне в Стэнфордском университете. Она является специалистом в области сравнительной теории социально-гуманитарного знания и современной англо-американской теории и истории историографии. Книга представляет собой уникальное собрание бесед польского исследователя с наиболее известными и оригинальными историками и философами истории второй половины прошлого века. Формат интервью позволяет в лаконичном виде представить основные идеи каждого исследователя, открывая свободный доступ к концепциям, создавшим фундамент исторической дисциплины нашего времени.

Использование эстетики в историописании, соотношение истории и иных научных дисциплин, референциальность в исторических исследованиях, особенности исторической репрезентации, многообразие теорий, методов и концепций прошлого в междисциплинарных исследованиях, исследовательский инструментарий и язык историка, способы придания значения историческим текстам, сущность исторической эпистемологии — эти и многие другие проблемы, представляющие сегодня ключевые моменты понимания исторической науки, находятся в центре обсуждения героев книги.

Наиболее значимым в книге можно считать обсуждение исторических судеб постмодернизма. Мало кого сегодня волнует проблема связи модерна и постмодерна. После известного предисловия У.Эко к роману «Имя розы», статьи Ю.Хабермаса «Философский дискурс о модерне» постмодернизм утвердился как новая стадия постмодерна. Можно считать, что постмодернизм уже исчерпал многие привлекательные аспекты своих ключевых положений. После прихода постмодернизма сформировалась новая «философия истории», связанная с идеей лингвистического поворота. Согласно ей, прошлое можно представить через создание мощных образов, которые могут быть поняты как придуманные метафоры или гипотезы реальности.

Само собой понятно, что возникает вопрос: а как реально относятся эти образы и метафоры к подлинному историческому опыту? Современная философия подтверждает, что нельзя теперь ограничивать исторический опыт только судьбой отдельного времени или цивилизации. *История — это исто-*

рия человечества (с. 20). Исторический опыт обеспечивает основание для субъективной позиции историка. Но недопустимо превращать его в предмет потребления. Сегодня можно купить и продать, понимаемый, например, как опыт проживания в монастыре, в тюрьме. В наши дни после просмотра некоторых фильмов человек как бы «участвует» в «опыте» жертв войны и терактов. Теперь человек может моделировать воображаемые исторические события, отделенные от подлинной реальности, от их действительных референтов. *«Таким образом, — говорится в книге, — только те люди, кто на самом деле попали в жернова Холокоста, могут сказать, что у них есть «память» о Холокосте как фиксация непосредственного опыта этого события, который и является центром внимания»* (с. 20).

Заметным явлением современного гуманитарного сознания является «эстетизация истории». Этот процесс как антитезу марксизму, неомарксизму и гранд-нарративу инициировал Х.Уайт. Он считает, что исторические «факты» не столько «обнаруживаются», сколько «конструируются» теми вопросами, которые задает историк. Для этого надо научиться экспериментировать с техникой, предлагаемой современным искусством. С появлением абстрактного экспрессионизма искусство стало чистой репрезентацией, замещающей реальность, «участием наблюдателя». «Микроистории», как и современная живопись, растворяют реальность в самой репрезентации, не скрывают реальность, а абсорбируют ее.

Исследователи, чьи мнения излагаются в книге, считают, что существует множество способов исследования истории. Нельзя абсолютизировать какой-то один способ изучения истории. Здесь все иначе, не так, как в физике. Достаточно просто взглянуть на историю исторической науки, чтобы увидеть в ней различные стилистические вариации. События истории неповторимы потому, что они больше не воспринимаемы. Мы действительно не можем повторить их так, как физические явления в лабораторных условиях. Они не могут быть изучены эмпирически. Они могут быть познаны только другими, не эмпирическими, методами.

В этом контексте в книге возникает вопрос о «точке зрения». Х.Уайт рассуждает о том, что кто-то может сказать: *«Я был нацистом. С моей точки зрения, Третий рейх был совсем неплох. Это с моей точки зрения»*. Однако мы вправе оспорить эту точку зрения, потому что существуют другие позиции, исключающие данный вывод. Но можно ли данную точку зрения исключить полностью? Безусловно нет (с. 41).

Постмодернистская философия истории поставила под сомнение фундаментальные категории современной культуры. Категория истины была распатана более всего, никогда прежде она не была так попорана. Х.Кёллнер, размышляя на эту тему, полагает, что истину можно определить как то, что правдоподобно и убедительно для универсальной аудитории. Однако автор сомневается в существовании универсальной аудитории в рамках какого-либо человеческого опыта. То, что мы имеем, полагает он, есть рассказы, истинные для данного пространства и времени. При этом важно смотреть, как ратифицируются исторические истины от века к веку, от науки к науке, от группы к груп-

пе, от личности к личности. *«Например, я чувствую, что Французская революция никогда не была более загадочна, чем сейчас, несмотря на то, что объясняющий ее дискурс как никогда богат и изощрен»* (с. 63).

Нельзя не согласиться с тем, что мы привыкаем рассуждать об определенных установках или характеристиках, идентифицирующих и формирующих некую историческую эпоху, например, разум в Просвещении или веру в Средние века, — то факты выстраиваются в определенную линию по отношению к прошлому. *«Это свидетельствует о том, что ретроспективно мы «нарезаем» человеческий опыт таким образом, чтобы мог быть организован сюжет, а это требует свою эпоху для разума и свою эпоху для веры»* (с. 67).

Что значит для культуры быть довольной исследованием прошлого? Возможно, это удовлетворение сродни тому, что описал Ницше, когда упомянул о «счастье коров», которые не нуждаются в истории, потому что не знают, что умрут¹.

Представленные тексты на самом деле свидетельствуют о том, что историческая теория из относительно малоинтересного, узкого мирка современного интеллектуального мира превратилась в захватывающую область теоретической рефлексии. В то же время некоторые интеллектуальные историки, философы и критики полагают, что история сегодня находится в кризисе. Однако, судя по всему, следует говорить не о кризисе, а о том, что история как отдельная дисциплина не отвечает «постмодернистским принципам» и нуждается в объединении с другими гуманитарными дисциплинами в одну большую область, называемую «культурологическими исследованиями».

В последние четверть века произошел взрыв интереса к истории. Нельзя не видеть, что интерес к национальной истории снизился. Он не исчез, а просто спал. История перестала концентрироваться на исследованиях центра. Во Франции «Анналы» сфокусировали внимание на региональной истории, и такие историки, как Ф.Бродель, обнаружили интерес к глобальной истории. С 1960-х годов сформировался гигантский интерес к истории малых групп. В США это было связано с движением за гражданские права. Это движение привело к осознанию этнической специфичности. Так началась «черная история» и далее — история других этнических групп. Значимость обрела и гендерная история. В истории нет кризиса, в ней гораздо больше, чем когда-либо прежде, многообразия.

Можно ли считать, что сложился кризис истории. Скорее, это «кризис традиционных взглядов на историю» (с. 159). По этому поводу Г.Иггерс оспаривает мнение о том, что мы живем в постисторическое время. Мы живем во времена, когда уже нет убежденности в том, что история следует ясным курсом. Но почему это должна быть одна история? Почему не может быть много историй? Почему не может быть микроисторий, многих историй малых групп? Это, разумеется, так при условии, что микроистория существует в широком контексте, так что история малых групп и маленьких людей есть часть большой истории.

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого. — М., 2008.

Какова связь истории с идеологией? Тот факт, что идеологический элемент входит в каждое историческое восприятие, не исключает возможности реконструкции реальности самым лучшим, каким мы только можем, образом на основе свидетельства. Существует неустранимый элемент воображения в реконструкции прошлого, но этот элемент воображения не абсолютно произволен. История часто была оскорблена властью и часто использовалась для легитимации властных отношений. Трансформация истории в научную дисциплину ничего не изменила. Профессиональные историки XIX века использовали научные методы для поддержки своих политических и социальных программ, включая национализм. Нацизм, коммунизм, либерализм тоже использовали исторические мифы для деструктивных политических целей. Идеология, несомненно, злоупотребляет историей. В этой связи возникает проблема утопии. Г.Иггерс считает, что минувший век был эпохой, в которой систематическая бесчеловечность дрейфовала к беспримерным вершинам. Г.Хоркхаймер и Т.Адорно утверждали, что через веру в рациональность Просвещение способствовало возникновению новых форм дискриминации и антигуманизма.

Новая философия истории, представленная со страниц книги, выполняет особую миссию по отношению к историографии. Задача не только в привлечении внимания историков к тому, что они делают, но и в перестройке их сознания, то есть в направлении его от саморефлексии по новым путям. Это поможет историкам взглянуть на свою работу и ее результаты с большей дистанции, стать более открытыми к истинам, провозглашаемым другими. Это новое сознание должно быть отмечено одобрением циркуляции различных истин благодаря вере в то, что они эквивалентны друг другу в момент их формирования. Историки могут избавиться от веры в то, что источники открывают нам истину. Современные размышления философии истории и постмодернизма дали нам возможность осознать, что границы между этими двумя типами повествования становятся расплывчатыми по многим пунктам. Может быть, постмодернизм уступает место новому духовному течению.

Эльвира Спирова

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС И ПОЛИТИКА: ОСМЫСЛЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ

**Мировая политика в условиях кризиса.
Учебное пособие под ред. С.Кортунова.
Москва, изд. Аспект-Пресс, 2010.**

Каковы основные тенденции и противоречия современной эпохи? Какие факторы в условиях глобального экономического кризиса вносят основной вклад в формирование мировой политики и мировой экономики, оказывают определяющее влияние на региональную политику и экономику? Наконец, какова может быть роль и место России как в отдельных регионах мира, так и в глобальном контексте в условиях развивающегося кризиса и в послекризисный период? На все эти вопросы попытались ответить авторы коллективной монографии «Мировая политика в условиях кризиса», подготовленной коллективом кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ под редакцией заведующего кафедрой доктора политических наук, профессора С.Кортунова, которая рекомендована Минобрнауки России в качестве учебного пособия для студентов гуманитарного и социально-экономического профиля. Безусловно, это налагает особую ответственность на авторский коллектив монографии.

Это уже второй труд, подготовленный коллективом данной кафедры ГУ-ВШЭ, дополняющий и развивающий изданное три года назад учебное пособие «Мировая политика». За эти годы в мировой политике произошли существенные, порой драматические изменения, требующие, безусловно, глубокого научного осмысления, объективного и беспристрастного анализа и оценки с учетом перспектив мирового и регионального развития. Авторам, на наш взгляд, удалось выполнить эти требования. И в этом видится особая ценность рецензируемого труда.

В пособии в первую очередь рассматриваются вопросы методологического и концептуального характера: трансформация понятия «мировая политика», возрождение мировой политэкономии, изменение взглядов на национальную и международную безопасность, а также на теорию международных отношений. В сфере глобальных факторов авторы выделяют и исследуют глобальные вызовы и угрозы XXI века, роль и место информационного фактора в международных отношениях, проблемы экологической безопасности и глобального изменения климата, дают оценку роли ООН как универсального механизма глобальной безопасности. В сфере региональных факторов анализируются приоритеты современной внешней политики США, новая архитектура евробезопасности, отношения России и Евросоюза, проблемы Большого Ближнего Востока.

Прежде всего, кардинально изменился контекст мировой политики: 2008—2010 годы проходили под знаком мирового экономического кризиса, выход из которого до сих пор не просматривается. Авторы совершенно справедливо подчеркивают, что кризис пошатнул многие устоявшиеся представления и концепции международных отношений, глобального и регионального управления, национальной и международной безопасности, сущности глобализации, мировой финансовой архитектуры, потребовал переоценки роли и места национальных государств, межгосударственных институтов и организаций в современном мире. Это, в свою очередь, требует внесения серьезных коррективов в теорию международных отношений, методологию анализа проблем мировой политики и мировой экономики, методику прогноза развития событий в этой сфере. Кризис, в частности, особенно наглядно показал, что мировую политику невозможно рассматривать в отрыве от глобальных экономических проблем: занятие это бессмысленное, а иногда и контрпродуктивное. На повестке дня оказалась мировая политическая экономика как основная методология анализа важнейших проблем мирового развития. Кризис также продемонстрировал крепнущую органическую взаимосвязь национальной и международной безопасности, а также неразрывность внутренней и внешней политики государств. Важные сдвиги произошли и в самой мировой политике: Ирак и Афганистан ознаменовали кризис американского лидерства и показали полную несостоятельность концепции однополярного мира; провал евроконституции ослабил интеграционный проект в Европе и, соответственно, сам Европейский союз; с другой стороны, продолжающееся возвышение и усиление стран Азии, в первую очередь Китая и Индии, способствует формированию парадигмы полицентризма; неуклонно снижается уровень глобальной и региональной управляемости мировыми процессами.

Что касается России, то она, несмотря на негативное воздействие мирового кризиса, значительно продвинулась, считают авторы, в понимании своих национальных интересов, места и роли в современном мире, определении национальной идентичности. А президентские выборы 2008 года открыли новую страницу в отечественной истории: во главу угла национального развития поставлена задача всесторонней модернизации, перехода к инновационной стратегии. Амбициозная цель поставлена и перед внешней политикой: к 2020 году Россия должна занять место среди ведущих стран мира, определяющих основные тенденции и процессы мирового развития.

В целом же, отмечается в труде, изменения в мировой политике последних лет не только обострили застарелые проблемы, но и поставили много новых вопросов. На наиболее важные из них авторы пытаются дать обоснованные ответы.

Первый раздел пособия посвящен методологическим и концептуальным вопросам мировой политики. Рассматривается предметное поле мировой политики как дисциплины (М.Лебедева). Анализируются проблемы мировой политической экономики как подзабытой, но возрождающейся сферы научных исследований (М.Братерский). Излагаются концептуальные основы национальной и международной безопасности, с этих методологических позиций оцениваются Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и Концепция внешней политики Российской Федерации (С.Кортунов). В заключительной главе М.Шкундин обращается к теории международных отношений в условиях глобализации.

Анализу глобальных факторов мировой политики посвящен второй раздел. Ю.Рубинский рассматривает глобальные вызовы и угрозы XXI века. Значительное место уделено рассмотрению проблем экологической безопасности (В.Соколов) и глобального изменения климата (А.Свечников). Анализируется роль и место Организации Объединенных Наций в мировой политике как универсального механизма глобальной безопасности (В.Олеандров). Интересный анализ влияния информационного фактора в современном мире, в том числе в условиях мирового кризиса, представлен Е.Водопьяновой.

Наиболее интересным и насыщенным представляется третий раздел, в котором рассматриваются региональные факторы мировой политики. Здесь хотелось бы особо отметить главы о новой архитектуре евробезопасности (С.Кортунов) и об основных «горячих» проблемах Большого Ближнего Востока (Г.Мирский). В частности, С.Кортунов, анализируя состояние дискуссии вокруг инициативы Президента РФ Д.Медведева по новой архитектуре европейской безопасности, предлагает к рассмотрению возможные варианты ее реализации и определяет в этом контексте национальные интересы России. Один из ведущих российских специалистов по проблемам Ближнего и Среднего Востока Г.Мирский анализирует ситуацию в четыре горячих точках Большого Ближнего Востока: арабо-израильский конфликт; война США и их союзников в Ираке; военная операция НАТО в Афганистане и положение дел в этом контексте в Пакистане (АфПак); состояние и перспективы ядерной программы Ирана в свете интересов основных акторов мировой политики. Представлены также интересные аналитические материалы по внешней политике США, которую начал проводить президент Обама (М.Шкундин), о перспективах стратегического партнерства России и Евросоюза (Л.Ярошенко), о роли и месте Востока в современной международной политической системе (С.Лунев).

В центре внимания авторского коллектива — национальные интересы России, определение ее роли и места в современной мировой политике, в том числе в послекризисный период. Этой теме посвящен четвертый раздел пособия. Центральное место в нем, на наш взгляд, занимают глубокие размышления Ф.Шелова-Коведяева о природе мирового кризиса и инструментарии «мягкой силы» России с учетом его последствий, а также четкий аналитический очерк С.Кортунова о перспективах реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года в условиях мирового кризиса и после него. Интересен материал О.Гаман-Голутвиной о современных политических элитах.

Особенностью коллективной монографии можно отметить то, что в ней по целому ряду сложных вопросов представлены разные, порой даже полярные, точки зрения. С одной стороны, такой подход отражает многообразную палитру развивающихся в России и в мире в целом обсуждений и дебатов, акцентирует внимание читателей на то, что многие проблемы современной мировой политики не имеют однозначных и простых решений, и побуждает их к размышлению, к творческому поиску. В этом несомненная польза рецензируемого труда и как учебного пособия для сегодняшних студентов и аспирантов, которым в недалеком будущем предстоит пополнить ряды отечественных экспертов, политологов, политиков

SUMMARY

POLITICS

Archie Brown (Great Britain). TWENTY YEARS AFTER: WHAT MADE POSSIBLE THE END OF COMMUNISM IN THE SOVIET UNION?

1. The most distinctively Communist economic features of the Soviet system were, on the one hand, state ownership of the means of production (rather than private or mixed ownership) and, on the other, a command economy, with prices and output targets fixed administratively. There was a fundamental difference of organising principle between such an economic system and a market economy in which prices and production levels are determined essentially by supply and demand.

2. The two criteria of a Communist system which still, in the main, survived twenty years ago were the economic. The command economy was, admittedly, ceasing to work because the party's economic branches had been almost entirely abolished, the authority of the ministries was rapidly diminishing, and the cult of the plan had lost credibility. However, the transition to an essentially market economy had not yet been made. So far as ownership was concerned, the economy remained overwhelmingly state-owned, even though co-operatives had been legalised in 1988 and many of them constituted thinly-disguised private ownership.

3. Those who were ready to embrace radical change were never more than a minority within the party apparatus, but they constituted a larger proportion within the party intelligentsia. Supporters of transformational change were to be found especially in the research institutes which studied international affairs and political and economic developments in other countries. The Brezhnev era was the golden age of the Soviet bureaucrat, but perestroika was the golden age of the institutchiki. Supporters of far-reaching change were also to be found among some of the best-educated members of the Central Committee apparatus.

4. The part played by Western democracies in producing change in the Communist world did not lie primarily in their military alliance. It was through simply being there as a better alternative to Communist rule that democracies prevailed in the battle of ideas. They had — and have — many problems and faults. Yet, it was of huge importance that they provided an example of greater tolerance, of free elections, accountable government, and respect for human rights, in addition to substantially higher living standards. Thinking that was radically new in the Soviet context was, in part at least, based on better knowledge of the outside world.

Yang Yao (China). THE END OF THE BEIJING CONSENSUS: CAN CHINA'S MODEL OF AUTHORITARIAN GROWTH SURVIVE?

1. The Chinese economy currently depends heavily on external demand, creating friction among major trading partners. Savings account for 52 percent of GDP, and consumption has dropped to a historic low. Whereas governments in most advanced democracies spend less than eight percent of government revenue on capital investment, this figure is close to 50 percent in China. And residential income as a share of national income is declining, making the average citizen feel poorer while the economy expands. As the Chinese people demand more than economic gains as their income increases, it will become increasingly difficult for the CCP to contain or discourage social discontent by administering the medicine of economic growth alone.

2. Despite its absolute power and recent track record of delivering economic growth, the CCP has still periodically faced resistance from citizens. The Tiananmen incident of April 5, 1976, the first spontaneous democratic movement in PRC history, the June 4 movement of 1989, and numerous subsequent protests proved that the Chinese people are quite willing to stage organized resistance when their needs are not met by the state. International monitoring of China's domestic affairs has also played an important role; now that it has emerged as a

major global power. China is suddenly concerned about its legitimacy on the international stage.

3. The reforms carried out over the last 30 years have mostly been responses to imminent crises. Popular resistance and economic imbalances are now moving China toward another major crisis. Strong and privileged interest groups and commercialized local governments are blocking equal distribution of the benefits of economic growth throughout society, thereby rendering futile the CCP's strategy of trading economic growth for people's consent to its absolute rule.

4. A more open Chinese government could still remain disinterested if the right democratic institutions were put in place to keep the most powerful groups at bay. But ultimately, there is no alternative to greater democratization if the CCP wishes to encourage economic growth and maintain social stability.

Dirk Berg-Schlosser (Germany). THE QUALITY OF POST-COMMUNIST DEMOCRACIES

1. The foregoing presentation has attempted to demonstrate how some of our common tools in empirical political science, such as the currently available and widely used indicators of democratisation and good governance, enable some limited but nevertheless meaningful and useful analysis of the «quality» of the political systems of contemporary post-communist states. As the presented results indicate, first of all, there exists a meaningful distinction between liberal democracies and non-democracies, and the identification of certain sub-types becomes possible on this basis. Secondly, aspects of «democratic quality» can be distinguished from criteria of «good governance» in general. The actual performance in these respects points, on the whole, to a better functioning of the consolidated liberal democracies, but some of the more recently established, still «weakly consolidated» democracies seem to be catching up in this regard.

2. A more effective political feedback mechanism thus can bring into line and balance out, to a certain extent, the dual demands of «representativeness» in terms of high levels of political participation and inclusion on the input side and of «accountability» and political responsiveness including appropriate checks and balances on the output side of the political system. These positive developments should not overshadow, however, some of the remaining deficits in some countries, for example as far as the rule of law, government effectiveness, and control of corruption are concerned. This also could be highlighted by some of the available indicators

3. Taken altogether, thus there is no reason for complacency about the qualities of existing democracies and their performance both in a functional and a normative sense. These, however, can be better detected with more elaborate qualitative case-by-case analyses, such as the «democratic audit» (Beetham/Weir 2000) rather than with the broad overall indicators presented here. This not only applies to post-communist democracies, but to West European ones and others as well.

GEOPOLITICS

Tiberio Graziani (Italy). THE US STRATEGY IN EURASIA AND THE DRUG PRODUCTION IN AFGHANISTAN

1. In the late 1970s, following the takeover of Iran by the Ayatollah Khomeyni, one of the essential pillars of the western geopolitical architecture, with the US as a leader, was destroyed. The Pahlavi monarchy could easily be used as a pawn in the fight between the US and the URSS, and when it disappeared both Washington and the Pentagon were forced to conceive a new role for the US in the world politics. A new Iran, now autonomous and out of control, introduced a variation in the regional geopolitical chessboard, possibly able to induce a profound crisis within the «steady» bipolar system.

2. As we well know now, the drug production in Afghanistan has gone up more or less 40 times since the country's occupation by NATO. If we consider the solutions adopted so far by US forces and aimed at containing and overcoming the drug trafficking question in the more

general context of the US geopolitical praxis, we can observe that US forces and NATO seem «wasting» their time: drug production and diffusion in the southern part of the country are still going on. As we well know, the large-scale drug production is impossible in this area, because of the non-stop fighting. On the contrary, US and NATO forces focus their strategic interest in the northern side of the country.

3. Creating a geopolitical chasm in Central Asia, i.d. a vulnus in Eurasia landmass, could lead to hostility and enmity among the main players in Asia, Russia, India and China. The only beneficiary of this game would be the US. Other than the attempt «to knife» Eurasia along the path from Mediterranean sea up to the Central Asia, we observe that US disposes (since 2008) of AFRICOM and, of course, of the related cooperative security locations in Africa: a useful military «device» which projection is also directed to Middle East and part of Central Asia.

Vladimir Dergachev (Ukraine). MULTI-PARTNER GEOPOLITICS OF TURKEY

1. Modern Turkey is a «Big twenty» seeking to replace in the near future, western club «Big Seven», where the backside sits Russia. Ankara has initiated the establishment of the Black Sea Economic Cooperation. Turkey plays an active role in Asia, where part of the Group of Seven, along with China, India, Indonesia, Saudi Arabia, South Korea. In June 2010, Istanbul hosted the third summit of local political international organization — the Conference on mutual influence and Confidence Building Measures in Asia (CICA). Turkey has attempted to settle its relations with Armenia, supported the establishment of a regional organization to address the problems of South Caucasus.

2. Turkey's geopolitical transformation leads to a change in preferences of foreign relations in Turkish society. Against the backdrop of the declining number of supporters unthinking Westernization and Americanization, the Islamists stand for enhancing the role of Turkey in the Middle East, and Eurasians — for the integration of the Turkic peoples. At the same time increases the dependence of the West from Turkey. On the future of the Turkish «energy bridge» depends on the European Union. Therefore, despite the crisis in the EU's European Investment Bank significantly increased its investments in Turkish infrastructure to 2, 7 billion Euros per year. For the United States and NATO, Turkey is important as a major strategic partner of the Middle East.

3. Over the past decade, despite the internal problems of Turkey in contrast to other Eurasian powers — Russia — has carried out a successful upgrade, and the gap in the macro-economic indicators inexorably shrinking. Turkey came out in 2009 to 16 th place among the largest economies in the world in terms of gross domestic product (\$ 880 billion). According to this macroeconomic indicator reduced the gap with Russia. Turkey's GDP in 1990 was 29% of Russian, and in 2009 — 73%, and 5.2 times higher than the Ukrainian GDP. Turkey takes 18 place in the world in per capita GDP (Russia at 51 place).

4. In contrast to the primitive and a failure of the national idea «of doubling the GDP», proposed by the people of the Russian authorities, the Turkish neoislamisty of the ruling party, the foundation of successful businesses believe the combination of high technology with high moral character. Successful modernization made possible by the political will of the Turkish government, effectively uses the Eurasian country's position on the historic cross-roads of trade routes connecting Europe with Asia and Black Sea to the Mediterranean. But most importantly, in multi-partner geopolitics of Turkey is dominated by a sense of national dignity and not blind subservience of power to the West.

FOREIGN AFFEARS

Eldar Kasayev. MODERNISATION THROUGH FUNDAMENTALISM. EVOLUTION OF THE ISLAM'S POLITICIZATION AT THE NATIONAL AND REGIONAL LEVELS

1. Ideologically, the Islamic Fundamentalism is ambivalent. On the one hand, to negate modernisation it resorts to tradition, proclaiming its certain elements to be the only legal symbols of the Muslim primordial world order, but authorising itself directly through the refer-

ence to the sacred text. On the other hand, it is not alien to reforming, but principally excludes innovation (innovations of its own are presented as revived traditions). Besides, Islamism cuts off the reformatory principle of developing the positive substance of tradition according to requirements of the environment.

2. At the same time the Fundamentalism has features modernist enough, namely, strong predisposition to develop not just certain world outlook characteristics, but exactly totalitarian ideology with elements of expediency; conviction in the primacy of politics; understanding of the supreme goal as transformation of the central political institutions. This brings in the following conclusion: the Islamic Fundamentalism, like many other religious and political movements, is to some extent subject to irreversible process of modernisation.

3. The Russian legislation have provisions by which a religious association does not participate in electing the state power bodies nor local governments, and also does not participate in political parties and political movements activities, does not fund them nor give other help. To strengthen the state control over observance of this law provision by all religious organizations, including Muslim ones, might well contribute to containment of the Islam politicization in Russia.

4. Today, the key to overcome relapses of the Islamic Fundamentalism that became more acute in Russia on the wave of demographic increase of the Moslems and social and economic problems brought in by the world financial crisis, is to be to searched not in direct struggle against it as some materialized evil, but in improving the Russian economy and rising our citizens' standards of living. It is just this kind of actions by the federal and regional governments could promise, at first, to «preserve» and then, perhaps, to completely level out the negative manifestations of the Islamism in the Moslem populated regions of Russia.

*Lyubov Yaroshenko. FOR WHOM THE BELL TOLLS:
IT TOLLS NOT FOR THE NATO*

1. On May 17th, 2010, the North Atlantic Alliance Council has seen the long-awaited 12 Apostles report, a draft of political substantiation of the NATO vital necessity in the context of challenges and threats of the global 21st century. Perhaps, it is not to become the final version of the NATO 2020 concept, but, the recommendations given by the known group of experts headed by Madeleine Albright, are, undoubtedly, attempted to licence the Alliance on quality.

2. Alas, it has to be stated, Russia is still something of a «dark horse» for the NATO. The dialogue with Russia is, certainly, desirable, for it occupies the greatest territory in the Euro-Atlantic region, and there can be no security built without it. But the NATO, as well as the majority of the overseas analytical centres, make a special accent on unacceptability of the policy of political and economic intimidation Russia allegedly follow in the relations with some states. So, Russia is still perceived as a threat, but, certainly, not a military but political and economic one, and that in relations with certain states which are left nameless, as a rule. It is not hard to grasp, that it is the countries of the former Socialist block and the post-Soviet space that are being mentioned.

3. There are serious doubts, Georgia or Ukraine are to be able to meet the NATO standards, even if the local population would have fully supported the idea of entering the Alliance. It is important, that Russia's «monopolistic» rights for peace-keeping, rescue and humanitarian operations within the post-Soviet space have long challenged by the various regional organisations of the European style. Developing and applying mechanisms of crisis reaction in the Southern Caucasus and in the Black Sea, the NATO makes a prospective reserve to possibly play a role of conflict mediator in these regions, hence, Russia's prospective competitor.

4. As to the dialogue content, the recommendations given by the group of experts have brought in practically nothing new. For the first time, the official document has mentioned the idea of common PRO. Cooperation with Russia in this sphere has been presented as «extremely desirable». But the experts went no further of that wording. The future of the single PRO remains very vague. Undoubtedly, there is an interest in a likely document on common accessing the threats and challenges of the 21st century. It is working out such a document that gives maximum possibilities to discuss and coordinate each others positions, to relieve each others

apprehension. Being bilateral document by its nature, it could more fully exercise the potential of the Russia-NATO dialogue, than the recommendations worked out by 12 experts.

Stanislav Chernyavsky. BLOODY LESSONS OF NEXT REVOLUTION
IN KIRGHIZIA

1. The coup d'état in Kirghizia has not been unexpected neither for its neighbours, nor for the international community, for the information on the presidential clan lawlessness, plundering the national property, being scanty as it was, came to all ears. Indeed, everybody was waiting for some changes, and it is the time of the events that came rather suddenly. The time that, by the way, was not propitious both for Russia on the eve of the celebrations on the 65th anniversary of the Victory over the Nazism, and for the USA on the eve of 'recharging' its relations with Moscow. As far as timing concerned, the period was unhappy for Kazakhstan, too, that was busily implementing its Acting OSCE Chairmanship program.

2. The scenario of the April 2010 public uprising has been predetermined by the same factors, as the March 2005 events, when columns of the protesters have assaulted the presidential palace to throw down Askar Akayev's regime. The main factors were poor socio-economic position of the population, the corruption deeply rooted in all power echelons, nepotism and clan-nishness, and the weakness of the state power, including bodies of law and order. Also, it cannot be disregarded the increased role the criminal leaders (avtoritety) play, being in touch with the drug mafia, actively using to their advantage the lack of effective governance and local 'rulers' loss of the sense of reality.

3. Who and how will govern «post-revolutionary» Kirghizia? Will the democracy manage to take roots in the country that had just endured the relapses of authoritarianism? Finally, who the international community will have to deal with and what is to be Russia's position? These questions are of practical interest, but they have no clear answers, as yet. Hardships in finding out the answers have much to do with a range of specific features of the national elite's structure and functioning, its heterogeneity, its disunity by regional terms, its high criminal unit weight nurtured by the drug trafficking.

4. In relations with its near and faraway neighbors, Kirghizia strived (and, obviously, will be striving) to pursue the multi-vector foreign policy. Benefits of such a course are obvious, for the multi-vectorness brings tangible material results, making it possible to mobilize various foreign grants, preferential credits, to draw investments. But not everyone is able to keep balance of interests, K. Bakiev being an example to that. His inconsistency at making the agreement with the USA on establishing the Centre of transit transportations at the Manas airport, his attempts to lead up to «competitive scenario» of interactions between the USA, Russia and China had no success because of a number not only tactical, but also strategic reasons.

ECONOMICS

Vagif Guseynov, Alexander Goncharenko. RUSSIA IN THE WORLD FUEL
AND ENERGY COMPLEX: RESOURCES, POSSIBILITIES
AND CHALLENGES OF THE TIME

1. Today's gas world market is experiencing the obvious excess of supply over demand. It caused, on the one part, by Western countries reduced demand due to the hardest economic crisis, and, on the other part, by excessive volumes of liquefied natural gas (LNG) produced by newly-operated plants and brought to the market. That was the reason the spot prices collapsed, with drop down to \$120 per 1,000 m³, in the Summer of 2009. Accordingly, the European consumers started to urge the Gazprom to revise the contracted volumes of gas purchases and the principles of the gas price setting.

2. Great volumes of slate gas entering the game would further shift the balance towards the supply excess. For many years to come, the gas prices will be steadily low. The Russian gas might become not just too expensive for the European and other potential purchasers who could satisfy their needs with the cheaper LNG, but merely unclaimed. The prospects of the Russian gas concern's North American expansion seem to be even more complicated.

3. The world energy market created prerequisites to develop new territories, energy efficiency technologies and to construct new infrastructure. Nowadays, Russia is obviously unprepared to this, neither because of existing technologies, nor because of its economy's low investment appeal. This puts the country's political leadership before the uneasy choice between the attempts to further nationalize Fuel-and-Energy Complex (FEC) and the actual need for investments and modern technologies.

4. It becomes obvious, there is also need to work out clear-cut energy foreign policy that should have no dependence upon some momentary political benefits and meet the ends of increasing the investment appeal of the Russian economy and the FEC, in particular. The way how the policy pursued by the Russian state authorities provides for implementing these tasks, is to determine, in the final analysis, how competitive in the world economy Russia will be.

CULTURE & EDUCATION

ABOUT COMPETITION OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

Correspondence «round table» (cont.)

We continue discussion of the questions published in the last issue:

1. How you estimate a present condition of the Russian higher education?

2. What, in your opinion, merits and demerits of structural transformations spent now in the higher school and expert estimations of their influence on competitive sphere, perspective position of formation and society development?

3. What legislative, administrative, public and other measures are necessary for accepting, that at the expense of competition development really and significantly to raise a priority and quality of higher education, social and economic efficiency of work of high schools? What conditions and tendencies become defining dynamics of an education sphere — state regulation or competitive development of higher educational institutions?

What can affect prospects and position in the world of our higher school most effectively? What does high competitiveness of domestic high schools mean for Russia?

5. Conservatism or the innovations traditional or new educational technology, the affirmed forms or essentially new kinds of the educational organizations should define in the long term shape of an education system which will be capable to form a society and the economy based on knowledge?

6. In your opinion, a present condition of the Russian economy and society development, on the one hand, and accruing requirements of a future information society demand from the support higher school on theoretical preparation or on the practical skills of the expert fundamental or applied knowledge, a wide profile or narrow specialization of high school graduates?

7. How you think to be competitive, the Russian higher education should become elite or accessible various strata of society what prevents the organizations of effective system «formation through all life»? What is it necessary to keep in our formation and what to involve from world experience for creation of really competitive education system adequate to new calls and problems, facing to our country?

DEBUT

**Yekaterina Ostrovskaya. THE OTHER MODERNISATION.
(MODERNISATION: A NEW VIEW)**

1. An important consequence of new understanding of modernisation is the thesis that nation's cultural features cannot impede the development. There might be an ineffective social system in society, but that means just that the nation's potentialities are not being sufficiently used for development. So, the myth of some specific Russian nature condemning the country to eternal backwardness is not just harmful, but untenable as well. Moreover, while introducing new kinds of social praxis the culture is able to become a major development resource.

2. Again, to avoid reproducing the negative experience of the past the locality of initial reforms would help. Carrying out the transformations as experimental and, to a certain

extent, isolated praxis, the state might, first, wittingly get creative people with atypical valuable structure involved, and, second, rigidly control the efficiency of introduced institutions. In case of real success, the values and institutions generated within new model will inevitably be extended on more inert parts of the society. This process may be rightfully called the organic transforming socio-cultural structure, true «institution cultivation».

3. Thus, while gradually overcoming mistrust between the power and society, smoothing the existing contradictions, increasingly more people would be switched in the process of reforming. There also would be no need «to produce» a unifying national idea to be translated to the general mass of the population. If transformations are rally to become the populace blessings, the positive civil identity will be generated by itself on the basis of broad public consensus. It is just in this case that we indeed can talk of any chance for the transformations to be successful.

Christina Zavarykina. THE PROBLEMS THE COMMON GERMAN IDENTITY IN THE CONTEXT OF UNIFIED GERMANY

1. The problem of the East-Germans' self-identification lies, among other things, in complicity of finding some general, global key point lost after unification of Germany. In the GDR, the Communist system offered belonging to the «International Communist Brotherhood», and it made an individual to recognize oneself being a part of something powerful and majestic, with a great weight on the world scene. To acquire a new similar key it seems needed to switch the East-Germans attention on their belonging to the EU, for its role, weight and importance are notable in the international affairs, to belong to the EU is the goal of not one state, a community, a person. This method of finding the common German identity is a peculiar way from larger to lesser. But, there is no need to reject it, if it enhances the positive attitude to the east-west rapprochement within Germany.

2. Also, the German society needs to more refer to the cultural and historical heritage created by the nation throughout centuries, rather than to the forty years of separation. To resort to culture, to comprehend that world famous figures in Culture, Arts, Sciences, Philosophy, Economics, Human Rights Law, etc. came out of various federal states might give the German younger generation, less infected with prejudices of separation, more solid «historical» ground underfoot. In its history, Germany time and again underwent delimitations and unifications, and each time it had found forces within itself to unite. Should we regard this as the nation's merit in its strive to survive and stay self-preserved?

3. To acquire common identity German populace need time. Time to become self-conscious, to give mutual forgiveness, to shape clearer and more general goals. The longitude of this period, perhaps, can be measured by generations only. The ability to «outgrow» division and find common identity is a task for not one generation, for, some way or another, the Germans' «mental barrier» would remain in their minds, being passed over through existing moods in the family and society. Self-identification would remain problematic, searches for unified identity would proceed, but with each new generation the contradiction would be reduced, for the east had to catch up with the west and became, through that, more integrated in the European and world community.

«ROUND TABLE»

LEADER'S CULT IN THE MODERN WORLD

The participants in the discussion were the RAS Academician A. A. Guseynov, Director of the RAS Institute of Philosophy; Professor Val. A. Loukov, Dr.Sc. (Philosophy), the Deputy Rector on Researching and Publishing — Director of the Institute of Fundamental and Applied Studies at the Moscow Humanitarian University. The Round Table was hosted by Professor Pavel S. Gurevich, Dr.Sc.(Philosophy).

The following questions were under the discussion:

1. Is it really possible for a tyrant of Caligula or Hitler scale to make his appearance nowadays?

2. What does a leader's cult look like in the modern world? Can it be analyzed in the course of psychopathology?

3. Is it true that out of the three social management characters — Conservative, Scholar, Charismatic — the modern world has made its choice of the latest?

4. In what way the world crisis influenced the subject of a leader's cult? Can it be suggested that the political tyranny would grow on the basis authoritative philosophical ideas?

PUBLICATIONS

Vladimir Roschupkin. A DZENJOKKJO'S SIBERIAN EPOPEE: PRISONERS OF WAR OR 'INTERNEES'?

«An elderly undersized Japanese was uninterruptedly stared at the endless Far Eastern and Siberian landscapes flashing by in the 'Russia' express train car window. For some reason, he showed special impatience, waiting for the train to come up to the station of Izvestkovaya that stood almost on the border between the Khabarovsk Kray and the Amur Oblast. Our train had passed that small station making no stop, but Sato-san still had his eyes fixed uninterruptedly in that direction, where more than modest station installations disappeared beyond a small taiga river bend.

The road from Vladivostok to Moscow is a long one, all the seven days on end. The atmosphere was favorable for meeting, and we got acquainted.

«You can't even imagine that these places are well familiar to me», said our fellow traveler, casting one more look into the window. «That's how the life has been gone...»

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

INDIVISIBILITY OF THE ALL-EUROPEAN SECURITY OR UNTOUCHABILITY OF ITS EXISTING ARCHITECTURE? *Concerning Some Attempts to Substitute the New European Security Treaty with Another Empty Debating in the OSCE*

*Andrew Monagan (Ed.) The Indivisibility of Security:
Russia and Euro-Atlantic Security. Rome: NATO Defense College, 2010.*

1. The collection materials give way to suggestion, that those participating in the debating on the Russian side ought to be ready to their Western counterparts multiple-valued understanding of the very term of indivisibility of security: from the point of view of the equal participation of all subjects (the single states, the state associations, unions and organizations) in its maintenance, and from the point of view of its unity in the military, economic and humanitarian spheres, and from the position of security's global unity in conditions when the threat is born by terrorism knowing no borders, and when the economic activities become a challenge paying no heed to 'local' interests.

2. It makes the collection especially interesting that it presents various (and not always identical) views and believes of those who are to represent the «other side» in discussing the issues of strengthening the security both in Europe, and far beyond. It is very unlikely, the NATO scholars were busy to prepare some sort of manual for the Russian negotiators and political scientists, but is obvious the latter could gain a lot of useful from the book. More so that the 'tuning' of all the articles without exception can deceive no one's hearing: the failure to develop practical cooperation in the field of security and mutual mistrust remaining almost since the Cold War times do not suit anybody. And this is also a common basis for actions aiming at perfecting security architecture — either the existing «best of all times» or the new one — for Europe and the world as a whole.

Vagif Guseynov

THE POSTMODERN ON THE DECLINE

*Domanska, Ewa. Philosophy of History after Postmodernism.
/Russian translation/ M, 2010.*

1. Considering historical destinies of the postmodernism might be the most important in the book. Today, there are very few people who are worried with the problem of how the modern and the postmodern connected. After a well-known Umberto Eco's Foreword to his novel *The Name of the Rose*, after Jürgen Habermas's *The Philosophical Discourse of Modernity* the postmodernism has set itself as a new stage of the postmodern. One may consider, that the postmodernism has already exhausted many attractive aspects of its key positions. Upon the arrival of postmodernism, new «philosophy of history» emerged connected to the idea of linguistic turnabout. According to it, the past can be perceived through creation of powerful images that are to be understood as fictitious metaphors, or hypotheses of reality.

2. The postmodernist philosophy of history has cast doubt on the modern culture's fundamental categories. The category of truth was the mostly shattered, never before it was scorned so. Hans Kellner, pondering over this, suggests the truth is to be defined as something plausible and convincing for universal audience. But the author doubts the existence of universal audience within the bounds of any human experience. What we have, he thinks, are the accounts true for the given space and time. At that, it is important watch the ways the historical truths are being ratified from a century to a century, from a science to a science, from group to group, from a person to a person.

3. The new philosophy of history, presented on the book's pages, carries out a special mission in relation to the historiography. The task is not just to draw the attention of historians to what they are doing, but also to restructure their minds, that is to direct them out of self-reflection by some new ways. That would help historians to look at their work and its results from more remote distances, to become more opened to the truths proclaimed by others. This new consciousness is to reveal itself in the approval of various truths circulating, thanks to the belief they are all equivalent to each other at the moment of their development. Historians can get rid of belief that the sources open truth to us. The modern philosophy of history and postmodernism reflections have given us the chance to realize, that the borders between these two types of narration become indistinct on many points. Perhaps, the postmodernism gives way to a new spiritual current.

Elvira Spirova

Reviews

GLOBAL CRISIS AND POLITICS: CONSIDERING CONSEQUENCES

*The review of the text-book on World Politics Under Conditions of Crisis.
(Ed. by S. Kortunov) Moscow: Aspect-Ppress Publishing House, 2010.*

1. This is already the second volume, compiled by the scholars of the State University — Higher School of Economics (SU-HSE), supplementing and furthering the text-book on the World Politics published three years ago. For these years the world politics experienced drastic, sometimes dramatic, changes needed, certainly, to be scientifically examined, deeply and impartially analyzed and assessed projecting the ways for the world and regions to develop. The authors, in my opinion, have managed to successfully meet these goals. This seems to give the reviewed book a special value.

2. One specific feature of this collective monograph is noteworthy — it includes various, sometimes even polar opinions on a number of rather complicated issues. Such an approach is more likely to correspond to the diversified palette of discourses and debates taking place in Russia and in the world as a whole, it focuses the readers' attention at the fact that many problems of the modern world politics have no unequivocal, nor simple decisions, prompts their thinking, creative search. This is the doubtless benefit of the book under review, being the text-book for today's students and post-graduates who in the nearest future are to join the ranks of domestic experts, political scientists, politicians.

Alexey Denisov

ОБ АВТОРАХ

Берг-Шлоссер Дирк (*Германия*) — вице-президент Международной Ассоциации политической науки (2006–2009).

В 1970–1971 гг. — сотрудник Института по экономическому исследованию; 1989–1992 гг. — декан факультета социальных наук и философии Марбургского университета; 1993–1994 гг. и 2001–2002 гг. — директор Института политической науки Марбургского университета. Автор ряда книг и монографий: «Демократизация — современное состояние», (2007), «Авторитаризм и демократия в Европе», (2002), «Перспективы демократического объединения в Восточной Европе», (2001), «Процессы демократизации в Африке», (1994), «Политическая культура Германии», (1993).

Браун Арчи (*Великобритания*) — почетный профессор политики Оксфордского университета. Автор книг: *The Gorbachev Factor* («Фактор Горбачева»), Oxford University Press, 1996; *Seven Years that Changed the World: Perestroika in Perspective* («Семь лет, изменившие мир: Перестройка в перспективе»), Oxford University Press, 2007; и недавно вышедшей *The Rise and Fall of Communism* («Взлет и падение коммунизма»), Bodley Head, London, 2009.

Гончаренко Александр Владимирович — кандидат социологических наук, специалист-эксперт Института стратегических оценок и анализа. Область интересов: ситуация в ТЭКе России и за рубежом, оценка и анализ ситуации на рынке углеводородов. Соавтор главы «Эволюция глобального рынка энергоресурсов» сборника «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (2007); главы «Энергетическое измерение» книги «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы)» (2008); главы «Энергетический потенциал региона» книги «Центральная Азия. Геополитика и экономика региона» (2010).

Грациани Тиберио (*Италия*) — главный редактор итальянского журнала «Евразия. Обзорение геополитических исследований» и библиотеки «Геополитические тетради».

Гусейнов Вагиф Алиовсатович — директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики»; член Совета по внешней и оборонной политике (с 1998 года), член Российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития; член правления Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН), член правления общества «Россия — Германия»; генерал-майор в отставке.

Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть — экономика и геополитика», «Политика у порога твоего дома» (2008). Соредактор и издатель монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор, редактор и издатель книг: «Россия-Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007), «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы)» (2008), «Россия в изменяющемся мире» (2008). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (2007), «Россия и Мир — Новая эпоха» (2008), «Центральная Азия. Политика и экономика региона» (2010).

Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Денисов Алексей Петрович — заместитель директора Института стратегических оценок и анализа.

Дергачев Владимир Александрович (Украина) — русский геополитик, профессор, доктор географических наук. На основе разрабатываемой профессором Дергачевым геополитической теории Больших многомерных пространств создана серия междисциплинарных трудов и учебников по геополитике, ориентированных на формирование аналитического мышления. Автор 40 книг, в том числе «Геополитика» (2000, 2004); «Геоэкономика» (2002); «Цивилизационная геополитика: Геофилософия» (2004); «Регионоведение» (2004, 2010, в соавторстве с Л.Б. Вардомским); «Международные экономические отношения» (2005); «Глобалистика» (2005), «Геополитический словарь-справочник» (2009), «Геополитика. Геофилософия. Геоэкономика», в 27 томах (Электронное издание на CD, 2009), «Геополитическая энциклопедия» (2010, dergachev.ru).

Заварыкина Кристина Олеговна — студентка 2-го курса факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ.

Касаев Эльдар Османович — специалист по недропользованию и инвестициям в энергетику стран Ближнего Востока и Африки (БВА). Родился 20 января 1985 г. в Москве. Окончил Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России (2008). Квалификация: юрист-международник со знанием иностранных языков. Автор более 100 научно-аналитических работ, опубликованных в ведущих профильных изданиях. Сфера научных интересов: исследование правовых аспектов пользования недрами, анализ инвестиционного климата, оценка перспектив деятельности российского и международного бизнеса в ТЭК государств БВА. В 2006 г. проводил научно-исследовательскую работу по теме: «Анализ политических, экономических и правовых рисков в ряде стран БВСА» для ОАО «НК «Роснефть». Готовит к защите диссертацию по теме: «Международно-правовые вопросы иностранного инвестирования в энергетику арабских государств» на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Крамаров Сергей Олегович — доктор физико-математических наук, профессор, исполнительный директор Межрегиональной ассоциации специалистов негосударственных образовательных учреждений Южного региона.

Миннибаев Евгений Кадырович — доктор исторических наук, профессор, ректор Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, член Аккредитационной коллегии Рособрнадзора, эксперт комитета по образованию и науке Государственной Думы РФ.

Островская Екатерина Максимовна — студентка 2-го курса факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ.

Петров Владимир Николаевич — кандидат исторических наук, ректор Регионального открытого социального института.

Рошупкин Владимир Тимофеевич — обозреватель медиапортала «Хранитель», кандидат политических наук, профессор Академии военных наук. Окончил Волгоградский государственный педагогический институт, Дальневосточный государственный университет, Новосибирское высшее военно-политическое училище, аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Специализируется по проблемам безопасности, международных отношений, военной истории.

Спирова Эльвира Маратовна — кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой психологии в Московском государственном университете технологий и управления, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Чернявский Станислав Иванович — доктор исторических наук, профессиональный дипломат (Чрезвычайный и Полномочный Посланник в отставке). Работал в Посольствах СССР в Канаде, Бельгии, Алжире, представительстве при ООН в Женеве. В 1999–2004 гг. — советник-посланник Посольства России в Азербайджане; 2004–2006 гг. — заместитель директора Первого департамента стран СНГ МИД России; 2007–2009 гг. — заместитель Генерального секретаря Межпарламентской ассамблеи стран-участниц СНГ. В настоящее время — директор Центра постсоветских исследований МГИМО (У). Автор более 40 научных публикаций, в числе которых монографии: «Содружество Независимых Государств — реалии и перспективы», 2008; «Азербайджан: выбор курса», 2004; «Внешняя политика Азербайджанской Республики (1988–2003)», 2003; «Новый путь Азербайджана», 2002; «История русского православия в Швейцарии (1817–1917)», 2000. Специализируется на проблематике Центральной Азии и Кавказа, в числе разрабатываемых им тем — программа ЕС «Восточное партнерство» и перспективы сотрудничества между ЕС и Россией; геополитические изменения в Центральной Азии: выводы для России; российская внешняя политика в контексте «цветных» революций; «абхазское измерение» российской политики на Южном Кавказе; нагорно-карабахский конфликт: состояние и перспективы урегулирования и др.

Янг Яо (Китай) — профессор, заместитель директора Центра экономических исследований Китая при Пекинском университете, член Ученого Совета (отделение общественных наук) Пекинского университета. Научные интересы: экономическое развитие и институциональные изменения в Китае.

Ярошенко Любовь Анатольевна — аспирантка кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ.

OUR AUTHORS

Dirk BERG-SCHLOSSER (*Germany*) — Ph.D, Vice-President of the International Association of Political Science (2006–2009). In 1970–1971 researcher at the Institute for Economic Studies; 1989–1992 — Dean of the Department of Social Sciences and Philosophy at the Marburg University; 1993–1994, 2001–2002 — Director of the Institute of Political Science at the Marburg University. Authored some books and monographs on *Democracy: the Present State* (2007), *Authoritarianism and Democracy in Europe* (2002), *Prospects of Democratic Unification in the Eastern Europe* (2001), *Democratization Processes in Africa* (1994), *Political Culture of Germany* (1993).

Archie BROWN (*Great Britain*) — is Emeritus Professor of Politics at Oxford University. He is the author of *The Gorbachev Factor* (Oxford University Press, 1996), *Seven Years that Changed the World: Perestroika in Perspective* (Oxford University Press, 2007) and, most recently, *The Rise and Fall of Communism* (Bodley Head, London, 2009).

Stanislav I. CHERNYAVSKY — Dr.Sc. (History), carrier diplomat (the Plenipotentiary Envoy in resignation). Hold positions at the USSR embassies in Canada, Belgium, Algeria, the USSR Representation at the United Nations in Geneva. In 1999–2004, was Charge D'affaires at the Russian Federation Embassy in Azerbaijan; in 2004–2006 — Deputy Director, the Russian Federation Ministry for Foreign Affairs First Department of the CIS countries. At present is Director of the Center of Post-Soviet Studies at the RF Ministry for Foreign Affairs MGIMO University. Authored more than 40 scientific publications, including the monographs on *The Commonwealth of Independent States: Realities and Prospects* (2008); *Azerbaijan: Choosing the policy course* (2004); *The Azerbaijan Republic's Foreign Policy (1988–2003)* (2003); *Azerbaijan's New Way* (2002); the *History of the Russian Orthodox Church in Switzerland (1817–1917)* (2000). Sphere of scientific interests includes the Central Asia and Caucasus, expert on the EU's program of the *Eastern Partnership* and EU — Russia cooperation prospects; geopolitical changes in the Central Asia to be considered by Russia; the Russian foreign policy in the context of 'colored' revolutions; «the Abkhazian dimension» of the Russian policy in the Southern Caucasus; the Nagorny Karabakh conflict: current state and prospects of settlement, etc.

Alexei P. DENISOV — Deputy General Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis.

Vladimir A. DERGACHEV (*Ukraine*) — Dr.Sc. (Geography), Professor, the Russian expert in Geopolitics. Based on Professor Dergachev's geopolitical theory of the Greater Multi-Dimensional Spaces, a series of interdisciplinary works and textbooks on the Geopolitics aimed at developing the analytical thinking have been created. Authored 40 books, including *The Geopolitics* (2000, 2004); *Geoeconomics* (2002); *Civilization Geopolitics: Geophilosophy* (2004); *Studying Regions* (2004, 2010, co-authored by L. B. Vardomsky); the *International Economic Relations* (2005); *The Globalistics* (2005), the *Geopolitical Dictionary-Directory* (2009), Geopolitics. Geophilosophy. Geoeconomics, in 27 volumes (the Electronic edition on CD, 2009), the Geopolitical Encyclopaedia (2010, dergachev.ru)

Alexander V. GONCHARENKO — Cand.Sc. (Sociology), researcher at the Institute of Strategic Studies and Analysis. Research interests: situation in the Fuel & Energy Complex (FEC) in Russia and abroad; assessment and analysis of the situation in the hydrocarbons market. Co-authored the chapter on *Evolution of the Global Hydrocarbons Market* in the *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* collection (2007); the chapter

on *The Energy Dimension* in the book of *The South Caucasus: Trends and Problems of Development (1992–2008)* (2008); the chapter on *Region's Energy Potential* in the book of *The Central Asia. The Region's Geopolitics and Economics* (2010).

Tiberio GRACIANI (*Italy*) — the Editor-in-Chief of the Italian *Eurasia. Rivista di studi geopolitici* (*Eurasia. Review of Geopolitical Studies*) magazine.

Vagif A. GUSEYNOV — Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis (ISOA), Editor-in-Chief of the *Vestnik Analytiki* bulletin. Holds membership in the Council on Foreign and Defense Policies (since 1998), the Russian-Chinese Committee on Friendship, Peace and Development, Board of the Council on Mediterranean and Black Sea Studies (the Russian Academy of Sciences Institute of Europe), Board of the Russia-Germany Society. Ranked Major-General (rtd).

Authored books, including *Chronicle of Secret Struggle; Intoxicating Dope of Power; War of Compromats; The Caspian Oil: Economics and Geopolitics; The Politics at Your House Threshold* (2008). Co-edited and published the monographs on *The Iraq Crisis and Development of the New World Order* (Moscow, 2004); *The Mediterranean — Black Sea Coast — Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East* (2006). Co-authored, co-edited and published books on *Russia-Great Britain: Another Cooling* (2007); *The Greater Middle East. Stimuli and Preliminary Results of the Democratization* (2007); *The South Caucasus: Trends and Problems of Development (1992–2008)* (2008); *Russia in Changing World* (2008). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on *The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP* (2002); *Russia's Competitiveness under Globalization* (2006); *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* (2007); *Russia and the World: New Epoch* (2008); *The Central Asia. The Region's Geopolitics and Economics* (2010).

Authored many articles on the international politics, Russia's relations with the European Union, energy security, the Near and Middle East problems, on the Southern Caucasus countries, Russia's domestic policy and economy.

Eldar O. KASAYEV — is an expert in subsurface use and investing into power engineering of the Mid-Eastern and African (MEA) countries.. Graduated from the International Institute of Energy Policy and Diplomacy at the RF Ministry for Foreign Affairs MGIMO University (2008) as international jurist knowledgeable in foreign languages. Authored over 100 scientific and analytical works and articles published in leading core periodicals. on the problems of the Middle East and North Africa (MENA) countries. Area of research interests: legal aspects of subsurface use; investment climate analysis; perspective assessment of the Russian and international business activities in the fuel-and-energy complex of the MEA countries. In 2006, carried out a research project on Analysis of Political, Economical and Legal Risks in Some Mid-Eastern and North African (MENA) Countries for the NK Rosneft Joint Stock Co. Is going to defend his Cand.Sc. (Law) thesis on International Legal Problems of Foreign Investing Into Power Engineering of the Arab Countries.

Sergei O. KRAMAROV — Dr.Sc. (physical and mathematical), professor, the chief executive of Inter-regional association of experts of nonstate educational institutions of Southern region.

Evgeny K. MINNIBAEV — Dr.Sc. (History), professor, Rector of the Eastern Academy of the Economic and Legal Liberal Sciences (Ufa, Bashkiria), member of Accreditation Board of the Rosobrnadzor (the Service to supervise educational organizations), expert at the State Duma Committee on education and science.

Yekaterina M. OSTROVSKAYA — is a second-year student at the Department of World Economy and World Politics at the State University — Higher School of Economics (SU-HSE).

Vladimir N. PETROV — Cand.Sc. (History), the rector of Regional open social institute.

Vladimir T. ROSCHUPKIN — Cand.Sc. (Politology), professor at the Academy of Military

Sciences, columnist of the *Khranitel (Custodian)* media-portal. Graduated from the Volgograd State Pedagogical Institute, and the Far Eastern State University, and the Novosibirsk Higher Military-Political School, completed the postgraduate courses at the M. V. Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific researches includes the security problems, international relations, military history.

Elvira M. SPIROVA — Ph.D, deputy head of the Psychology Chair at the Moscow State University of Technologies and Managements, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Christina O. ZAVARYKINA — is a second-year student at the Department of World Economy and World Politics at the State University — Higher School of Economics (SU-HSE).

Yao YANG (China) — professor, deputy director of the China Center for economic research of University, member, Academic Committee, Social Science Division, Beijing University. Research interests: economic development and institutional change in China.

Lyubov A. YAROSHENKO — postgraduate student at the World Politics Chair of the Department of World Economy and World Politics of the State University — Higher School of Economics (SU-HSE).

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 3(41)

Перевод с английского — Владимира Мисюченко

Корректурa *В.Никитюк*
Верстка *Л.Листвина*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88
Факс: (495) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 19.08.2010 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11. Заказ № 306.

Отпечатано в ОАО «Издательский дом «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ

в Объединенном каталоге

«Пресса России» – 44351, 44339.

Электронный адрес подписки в Интернете:

www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.

тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;

факс +7 495 681-37-98.

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:

Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;

fax: +7 495 681-37-98

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@umail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение

Форма № ПД-4

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808

(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**

(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал

"Вестник аналитики"

(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир

Квитанция

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808

(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**

(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал

"Вестник аналитики"

(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир